

ACTUAL PROBLEMS
OF STUDYING
CONTEMPORARY
TURKEY

NIZHNY NOVGOROD - ISTANBUL
2011

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Nizhniy Novgorod State University – National Research University (NNSU)
Faculty of International Relations (FIR)
Institute for Strategic Studies
Program of Middle East Studies
Center for the Turkish Republic Research
Chair of Region Studies, FIR, NNSU

Wise Men Center for Strategic Studies «BILGESAM»

International Scientific Conference

ACTUAL PROBLEMS OF STUDYING
CONTEMPORARY TURKEY

Proceedings of the Conference 21 April 2010

2

Nizhniy Novgorod - Istanbul

2011

Actual Problems of Studying Contemporary Turkey.

Proceedings of the International Conference 21 April 2010. – Nizhniy Novgorod – Istanbul, 2011.

CONTENTS

Plenary Session

Professor Oleg A. Kolobov. Dean, Faculty of International Relations,
NNSU. Director, Institute for Strategic Studies (ISI), NNSU.

Contemporary Dynamics of Russian-Turkish Relations13

Kenan Dagci. Associate Professor of International Relations, Department
Chair of International Relations. Yalova University, Turkey.

*Turkey's New Foreign Policy Vision: Changing Perception and
Imagination*.....15

M. Efe ÇAMAN. Associate Professor, Vice Dean of the Faculty of Economics
and Administrative Sciences Yalova University, Turkey.

Turkish Foreign Policy Towards Middle Asia And Caucasus26

4

Round Table

Foreign Policy and National Security Concepts of Turkey

Alim W. Suleymanov, Ph.D. Candidate, FIR NNSU.

Foreign Policy Priorities of Party of Justice and Development39

Andrey Vidyaykin, Student of Region Studies, FIR NNSU.

Key Foreign Policy Ministries and their Role in the Decision-Making Process 48

Round Table

Russian-Turkish Relations: Positive Results, Risks and Perspectives

Professor Alexander A. Kornilov. Chairman, Chair of Region Studies,
FIR NNSU. Deputy Director of the ISI, NNSU.

*Russian-Turkish Cooperation on Southern Caucasus Security: Problem of
Effectiveness* 55

Professor Sergey I. Grachev, Chair of Russian Security and Foreign Policy,
FIR NNSU.

Counter-Terrorism in Russia and Turkey: A Comparative Analysis 63

Fatih Ozbay, Ph.D., Associate Professor, Istanbul Technical University,
researcher, BILGESAM expert, Istanbul, SETA Foundation, Ankara.

Black Sea Factor in Contemporary Russian-Turkish Relations 70

Rauf Aslanogly Azimov, Post-Graduate Student, FIR NNSU.

Russian-Turkish Relations in the Area of Counter-Terrorism. 84

Vladimir A. Avatkov, Student, Moscow Institute (University) of International
Relations (MIIR), MFA of Russia, Moscow.

Russian-Turkish Balance of Power Changing, 2000-2010 91

Anna A. Solodovnikova, Student MIIR, MFA of Russia, Moscow.

Southern Stream as a New Energy Order of Russian-Turkish Relations 98

Artem A. Motchalov, Student FIR NNSU.

Actual problems of Turkish-Russian Economic Cooperation, 2003-2010 103

Round Table

Turkey and Europe:

Contradictory Relations and Perspectives of Development

Professor Andrey G. Branitskiy, Chair of Region Studies, FIR NNSU.

European Perspectives of Turkey: Process With No Guarantees 107

Vladimir St. Belov, Ph.D. Candidate, FIR NNSU.

Image of Turkey in the British and the German Media 112

Round Table

Foreign Policy of Turkey in Asia

Almir Kurbanaliyev, Ph.D.

Dynamics of Contemporary Turkey-Dagestan Relations 119

Alexander S. Matveyev, Post-Graduate Student, FIR, NNSU.

Turkey Influence on Caucasus Policy of Iran 126

Antho Shandra, Ph. D., Associate Professor, Arzamas State Pedagogical Institute.

Turkey Foreign Policy in Relation to the Black Sea and Caspian Sea Basin 131

Yulia O. Tomilova, Student, Tchelyabinsk State University.

Foreign Policy of Turkey in Central Asia and Its Reflection on Turkish-European Relationship 134

Alexey L. Khlebnikov, Post-Graduate Student, FIR, NNSU.

Development of Turkish-Syrian Relations and Perspectives of Arab-Israeli Peace Process 140

Round Table

Problems of Domestic Policy of Contemporary Turkey

Svetlana A. Wasilyeva, Instructor, Faculty of Eurasia and Orient,
Chelyabinsk State University.

National Security of Turkey: Ideology Debates 146

Roman S. Terekhov, Ph.D. Candidate, FIR NNSU.

Review of Some Turkish Non-Governmental Organisations Activities. 152

Round Table

«Actual Problems of Turkey History and Culture»

Milyausha R. Ghainanova, Ph.D. Candidate, Sh. Marjani Institute of History,
Republic of Tatarstan Academy of Science, Kazan.

Activities of Sadri Maksudi in the Turkish Parliament, 1931-1955. 162

Dil'ara S. Ghalyhuzina, Ph.D. Candidate, Sh. Marjani Institute of History,
Republic of Tatarstan Academy of Science, Kazan.

*Educational Reforms in the Osman Empire at the Beginning of the XX Century:
Commentaries by the Shura Journal, 1908-1917.* 168

Alina I. Minsafina, Student, Ulianov-Lenin Kasan State University.

English Lexikon Influence on Contemporary Turkish. 173

Memorandum (in Russian) 177

Memorandum (in English) 179

About the Authors (in Russian)..... 181

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
(Национальный исследовательский университет)
Факультет международных отношений
Институт стратегических исследований
Программа ближневосточных исследований
Центр изучения Турецкой Республики
Кафедра зарубежного регионоведения ФМО ННГУ
Центр стратегических исследований мудрецов «BILGESAM»

Актуальные проблемы изучения современной Турции

Материалы международной научной конференции

**Нижегород – Стамбул
2011**

УДК

ББК

А

Актуальные проблемы изучения современной Турции. Материалы международной научной конференции. - Нижний Новгород - Стамбул: ФМО ННГУ, ИСИ ННГУ, Центр стратегических исследований мудрецов «BILGESAM», 2011. - 161 с.

Под общей редакцией академика РАЕН О.А. Колобова

Научный редактор — профессор А.А. Корнилов

В сборнике публикуются доклады и статьи, представленные на международную научную конференцию, состоявшуюся 21 апреля 2010 г. в 9
Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (национальном исследовательском университете). Авторы исследуют концепции национальной безопасности и внешней политики Анкары, анализируют внешнюю политику Турции в Европе, на азиатском направлении и в отношении Российской Федерации. В сборнике также рассматриваются проблемы внутривнутриполитического развития Турецкой Республики, ее истории и культуры.

Для специалистов в области международных отношений, зарубежного регионоведения, политологии, экспертов - ближневосточников, предпринимателей, ведущих бизнес в Турецкой Республике.

© Факультет международных отношений ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

Колобов О.А. Динамика современных российско-турецких отношений	13
Kenan Dagi. Turkey's New Foreign Policy Vision: Changing Perception and Imagination	15
М. Efe ÇAMAN (Мехмет Эфе Чаман). Turkish Foreign Policy Towards Middle Asia And Caucasus.....	26

Круглый стол «Концепции внешней политики и национальной безопасности Турецкой Республики»

Сулейманов А.В. Внешнеполитические ориентиры Турецкой Республики в период власти Партии справедливости и развития	39
Видяйкин А.С. Роль ключевых правительственных ведомств в процессе формирования внешней политики Турецкой Республики.....	48

Круглый стол «Российско-турецкие отношения: достижения, риски и перспективы»

Корнилов А.А. Российско-турецкое сотрудничество по укреплению безопасности в регионе Закавказья: проблемы эффективности	55
Грачев С.И. Борьба с международным терроризмом в Турции и России: сравнительный анализ	63
Фатих Озбай. Черноморский фактор в турецко-российских отношениях.....	70
Азимов Р.А. Сотрудничество России и Турции в сфере борьбы с международным терроризмом	84
Аватков В.А. Изменение баланса сил России и Турции на Кавказе в 2000-2010 годах	91
Солодовникова А.А. «Южный поток» как «новый энергетический порядок» в отношениях России и Турции	98
Мочалов А.А. Торгово-экономические отношения России и Турции в 1991 – 2010 годах	103

Круглый стол «Турция и страны Европейского Союза: противоречивые отношения и перспективы развития»

Браницкий А.Г. Европейские перспективы Турции: процесс «без жестких гарантий»	107
--	-----

Белов В.С. Образ Турции в отражении британских и германских масс-медиа	112
---	-----

Круглый стол «Внешняя политика Анкары на азиатском пространстве»

Курбаналиев А.З. Состояние и динамика развития современных дагестано-турецких отношений	119
Матвеев А.С. Влияние Турции на закавказскую политику Исламской Республики Иран	126
Шандра А.В. Черноморско-каспийский регион во внешней политике Турции в начале XXI века	131
Томилова Ю.О. Внешняя политика Анкары в Центральной Азии в контексте отношений Турции с Евросоюзом	134
Хлебников А.Л. Турецко – сирийские отношения на современном этапе: успехи и трудности	140

Круглый стол «Проблемы внутривосточного развития современной Турции»

Васильева С.А. Национальная безопасность Турции в условиях внутреннего идеологического противостояния	146
Терехов Р.С. Деятельность турецких неправительственных организаций: идеология, структура, технологии	152

Круглый стол «Актуальные проблемы истории и культуры Турции»

Гайнанова М.Р. Деятельность Садреттин Халима в парламенте Турции (1931-1955 гг.)	162
Галихузина Д.С. Опыт реформирования образовательных учреждений Османской Турции начала XX века в освещении российской мусульманской прессы (на материалах журнала «Шура» (1908-1917 гг.)	168
Минсафина А.И. Влияние английской лексики на современный турецкий язык	173
Меморандум (Заключительный документ конференции)	177

Memorandum	179
Сведения об авторах	181

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ДИНАМИКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

О.А.Колобов

Сегодня развитие отношений между Турцией и Россией испытывает очень сильное влияние отношений двух стран с Западом. Россия и Турция еще не перешли на такой уровень, чтобы назвать свои отношения полностью независимыми, хотя заметно стремление к известной автономии. Для этого необходимо время, кроме того, улучшение отношений прямо зависит от того, каким образом обе стороны в своих отношениях докажут свою решительность [1].

В начале XXI века выдвинутая идея перевести отношения между двумя странами на уровень стратегического сотрудничества также является результатом отношений с Западом. Отказ Европейского Союза принять Турцию в союз, и беспокойство России развитием однополярной модели международных отношений побуждают к дальнейшему развитию не только экономических, но и политических отношений между двумя странами. Мы полагаем, что руководство Анкары пока не до конца осознало свои цели применительно к Москве. С одной стороны, Турция использует все свои возможности, чтобы войти в ЕС, а с другой стороны, демонстрирует свое желание повысить свои отношения с Россией (и, возможно, с Ираном) на стратегический уровень. Эта политическая парадигма появилась как реакция на неуступчивость ЕС, однако представляется сомнительным, насколько этот вектор политики будет долгосрочным и устойчивым.

В достаточной степени правильна мысль о том, что экономические отношения положительно влияют на политические отношения. Однако, некорректным будет утверждение о доминирующем положении экономических отношений. Экономическое сотрудничество может влиять на краткосрочные и среднесрочные политические отношения и способствовать решению некоторых конъюнктурных проблем, однако, не может влиять на стабильность долгосрочных политических отношений. Поэтому реализация политики

улучшения политических отношений в зависимости от экономических интересов является временной величиной. Необходимо глубже оценивать и планировать политические отношения с учетом совокупности всех факторов. Экономические отношения России с Ираном значительно скромнее, чем с Турцией. По итогам 2003 года товарооборот между Россией и Ираном составил около 1,37 млрд. долл. США [2]. По итогам того же года товарооборот между Россией и Турцией составил около 7 млрд. долл. США. Однако, совершенно очевидно, что российско-иранские политические отношения развиваются значительно успешнее, чем российско-турецкие отношения. Россия и Иран считают себя стратегическими партнерами на Ближнем Востоке. Поэтому, необходимо освободить турецко-российские отношения от зависимости экономическим отношениям и вести политические отношения еще глубже, в более широких масштабах. В настоящее время между Россией и Турцией не существует политических проблем, имеющих жизненно важное значение. Нет никаких сомнений в том, что сотрудничество двух стран, учитывающее позиции и интересы обеих стран, приносит выгоду обеим сторонам и окажет влияние на процесс создания политической стабильности в регионе. Позитивная динамика в отношениях в последние годы между Россией и Турцией со временем покажет, смогут ли двусторонние связи подняться на уровень стратегического партнерства.

Многочисленные факты свидетельствуют, что Турция активно расширяет свое влияние в СНГ. Она смогла подписать множество идентичных двусторонних соглашений с тюркскими республиками Центральной Азии и Закавказья. По существу, Турцией уже создано некое деловое сообщество, способное эффективно взаимодействовать с Россией, не впадая в «грех пантюркизма». Оно могло бы стать определенным «полюсом стабильности» для стран Ближнего и Среднего Востока. Данное обстоятельство затрагивает не только контекст российско-турецких отношений, но и весь общеевропейский интеграционный процесс. Оно способно сильнейшим образом стимулировать турецко-российское партнерство в обозримом будущем, апеллируя к позитивной политической воле турецких и российских лидеров и олицетворяя настоящие, а не мнимые, национальные интересы двух стран, с учетом различных аспектов современного регионального и глобального развития.

Примечания:

1. Подробнее см.: Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф. // Современные турецко-российские отношения: Монография. – Нижний Новгород-Стамбул: ИСИ ННГУ, 2004. – 323 с.

2. См.: Российско-иранские отношения: Краткий обзор российско-иранских отношений // www.iran.mid.ru/iran/russo-iranian_rus.html

О.А. Колобов, А.А. Корнилов, Ф. Озбай

TURKEY'S NEW FOREIGN POLICY VISION: CHANGING PERCEPTION AND IMAGINATION

Kenan Dagci

Since the end of the Cold War, Turkish Foreign Policy has undergone a transformation. This transformation hinges upon a growing embrace of the perception and imagination. As concurred by International Relations' scholars, foreign policy became an extension of domestic policy and domestic policy has also been an important dynamic of the transformation in foreign policy.

The significant factor which affects the Turkish foreign policy was the international system and thus the structure of the bipolar world order, in other words "the Cold War" that were built the aftermath of the World War II. In the Cold War, Turkey took place in the US side and this stance continued to the end of the 1980s. With the collapse of Soviet Union and end of the Cold War a new era was opened. This new era has made system-wide effects and for some countries it has given path to the extraordinary developments for their foreign policies. In post Cold War era, actors in international system, especially small and medium sized ones, have faced important difficulties in adapting their policies to the new era. Turkey as a medium-size power found itself in both challenges and opportunities. The emergence of new independent Turkic states in Central Asia and in Caucasia and Balkans, the ongoing EU membership process were the remarkable topics of the Turkish foreign policy agenda.

In the recent years, a remarkable change and transformation have been living in Turkish foreign policy. Turkish foreign policy makers mention that this change will

give support to security, stability and wealth in Turkey's neighboring areas and also in far geographies. Turkey's interests shaped by new conditions in adjacent areas are the result of its self criticism, its provision of self confidence in international relations, its development of a universal foreign policy vision, and its quest for a new method in order to play a central role in world politics.¹ The dynamics which lead this change of Turkish foreign policy are analyzed below.

Turkey's soft power emerges from its on-the-ground influence, coupled with its political, cultural and economic abilities. Seeing Turkey's peace-making attempts as a soft power in the periphery of the international system, i.e. in the Middle East and Caucasus, not only Middle Eastern people, politicians and analysts but also ones from the rest of the world pay gradually more attention to Turkish role and perspectives on their affairs. As the international system's ability to resolve conflicts decreases and the concept of hard power loses its effectiveness contrary to soft power, Turkey has emerged as a peace-maker and gained a rising soft-power status. Firstly, Turkey became an attractive civil-economic power to the countries of the region's with its sociocultural achievements, economic development and political stability (democratization and good governance). Secondly, Turkey pursues an active foreign policy by paying attention to international legitimacy and regional concerns. Thirdly, Turkey's active, careful and modest diplomacy aims to form a broad coalition with the help of its all-inclusive and equidistance policy. As a result of these, Turkey's foreign policy has acquired self-confidence and strategic depth in the Middle East.² All these developments have been changing the perception and imagination of the both Turkish policy makers and the rest of the regional countries.

This study explores which factors explain Turkey's new foreign policy Vision and its determinants, and how perception and imagination have changed in contemporary Turkish foreign policy.

Changing Perception and Imagination

Looking at the West from the East

One of the most significant dynamics of the Turkish foreign policy change is that Turkey learns looking at the West from the East. After coming into power of Justice and Development Party in 2002, Turkey has come to know looking at the West from the East. This means Turkey's looking at itself from the East instead of from the West at the same time. Therefore, this changing view, even if not so often

¹ Bulent Aras, Kenan Dagci and M. Efe Caman, "Turkey's New Activism in Asia", *Alternatives*, Vol. 8, No. 2, Summer 2009, p. 24.

² Bulent Aras, "Turkey's Soft Power", *Guardian*, 14 April 2009.

recognized, has contributed to the development of a new Turkish foreign policy vision. There is a general principle. From where and from which aspect do you look at something? This determines the way of attributing meaning to it. It means, looking at the East from the West leads to a certain perception of the East according to the Western political, economic and socio-cultural background in philosophical terms.

This perception of the East has been dominant in Turkey especially in the Cold War period and relatively until 2002. However, after coming into power of Justice and Development Party a new style has been developed. Some analysts call this new style “neo-Ottomanism” and some writers refer to “impact of geographical imagination”. In this period, a new image of the West and East appeared. We perceive this new style as a result of seeing the East not in Western eyes, but in Eastern eyes of a new style. Certainly, one of the most prominent architects of this new style is Minister of Foreign Affairs Ahmet Davutoğlu. Turkey was not able to get rid of the Cold War paradigm in terms of its view on politics and economics although the Cold War came to an end after 1990. Davutoğlu brought a new style to this country. This new style of explanation has been handled from several points of views in the current literature. The common trait of these approaches is that all of them place the element of geography in the center of their analysis. For example, the idea of neo-Ottomanism grounds on the Ottoman cultural geography. Therefore, this study has been based on the “geographical imagination approach” which deals with the relationship between geography and imagination.

The idea of the geographical imagination helps us to understand the dynamic identity process of “distant” geographies with their changing meanings and appearances. Some geographies were seen as distant and far away from Turkey. In other words, the distance remains same, but the perception of these geographies changes in the context of a new geographical imagination. Physical distance and old difficulties of getting and keeping in touch with these geographies are seen no longer as complicating factors in political realm and in the eyes of people.³

Another approach in the literature is the wave length approach which is developed by us. I want to employ wave length approach to explain the change in perception and imagination in Turkish foreign policy through the end of Cold War and present.

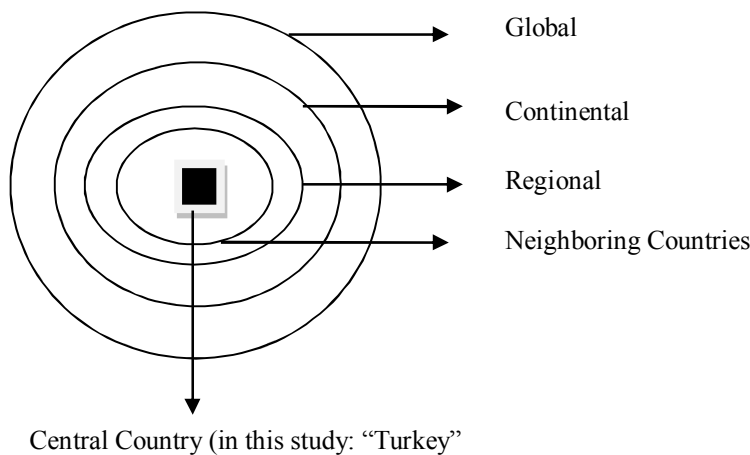
³ For details regarding geographical imagination see John Agnew, *Geopolitics: Re-visioning World Politics*, 2nd ed., London-New York, Routledge, 2003, p. 2; Aras etc., *ibid.*

Wave Length (Four-Zone) Approach

Wave Length (Four-Zone) Approach initially locates the applying country into the center of four waves (zones). In other words, the applying country is situated as the central country that is surrounded by waves (zones). In the circle of first wave (zone) located the close neighboring countries, of the second wave (zone) the close region, of the third wave (zone) the continent, and of the fourth wave (zone) the geography in which all continents interact.

In this approach, wave lengths can be circular as well as ellipse-shaped depending on the capacity of the country at the center. Just like the wave lengths expanding from the center towards the periphery, zones also expand from the center to the periphery. Every zone includes differences within itself, yet the country at the center inevitably produces separate policies for each zone. The capacity of the countries located in separate zones to influence the center varies.⁴ For instance, the degree of influence that a country located in the first zone has on the country at the center is four times bigger than on the country located at the fourth zone.⁵

To put it simply, new foreign policy approach takes Turkey at its center and draws four waves around the country. As seen in the diagram below, Turkey is the central country. There are close neighbors in the first wave, close regions in the second wave, continents in the third wave and the “globe” comprising all continents in the fourth wave.

⁴ Kenan Dagci, “Wave Length (Four-zone) Approach in International Relations”, unpublished *Project Draft*, 2010.

⁵ The wave lengths increase from the center of the wave towards the periphery while the amount of energy they carry decreases. Therefore, the farthest wave (4th wave) from the center is the biggest, but in terms of the amount of energy, it carries 4-times less energy than the 1st wave.

For Turkey, Central Asia is located on the second wave since it is located in the close region. As it is argued in the second wave-length approach,⁶ compared to the first wave, it is located in a geography that Turkey's potential influence decreases to 50%. In order for Turkey to reach a capacity which enables it to produce policies, this close region should be included in the first wave. Such a shift could be realized in two ways: First, Turkey can engage into regional integration models and therefore becomes close neighbors with the countries of the region. Second, Turkey, as the country at the center, is able to double the amount of energy carried by the wave lengths.

For example, Russia is placed to the first circle of Turkey's environment. At this position, Russia has a significant place and so what Turkey need is to create strong links with the Russia. This posture is valid for all countries that are in the first circle. Turkey has different foreign policy visions for each circle. Therefore, Turkey has made efforts to establish right instruments to have peace and stability and also prosperity for the people living in the region.

Turkey's New Foreign Policy Vision and Recent Developments

Maybe, the most significant factor resulting in Turkey's new foreign policy vision, especially for neighboring countries, is the cabinet shuffle in May 2009 after which Prof. Dr. Ahmet Davutoğlu, a leading academic figure of International Relations in Turkey, was appointed as the Minister of Foreign Affairs. He was also a kind of backstage advisor by that time. However, during AKP government since 2002 and especially during his Ministry of Foreign Affairs since 2009, his vision has got more and more influential in shaping recent Turkish policies. According to his approach called "Strategic Depth", the main issue is to persuade the second party with the help of attraction and reasoning. Here, military power and methods are not preferred even as supportive arguments. The main source of power is seen as the ability of persuasion.⁷ Turkey's recent foreign policy initiatives is characterized as proactive, "actionary" instead of reactionary, dynamic and rhythmic diplomacy.

"Zero-problem-with-neighbors" is the first aim regarding relations with neighboring countries. As Davutoğlu pointed out at the end of 2009, the second step after zero problem is "maximum cooperation". The question of former US President Bill Clinton why Turkey is so much interested in regional problems is replied by Davutoğlu saying "If you draw a circle with 1000 kilometer around Turkey, it will

⁶ Dagci "Wave Length (Four-zone) Approach in International Relations", unpublished *Project Draft*, 2010.

⁷ Tanık Oğuzlu, "Türk Dış Politikasında Davutoğlu Dönemi" (Davutoglu Period of Turkish Foreign Policy), *Ortadoğu Analiz*, Volume 1, Number 9, September 2009, p. 43-44.

include 20 countries, and if you increase the diameter to 3000 kilometer, the number of countries will be more than 70. If you draw circles with similar diameters around US, how many countries will be in those circles? Of course, we will be interested in regional problems.”⁸

Another term used by Davutoğlu in order to explain Turkey’s foreign policy vision was “diplomacy of surface versus diplomacy of line”. Accordingly, to play an effective role in the establishment of a new global order, Turkey has to adopt a new style of diplomacy understanding by expanding its perspective to the whole globe. However it has to be kept in mind that it is totally different from any kind of expansionism which was suggested by the expression of “neo-Ottomanism”. In an adaptation of a famous quote from Mustafa Kemal, the founder of modern Turkey, Davutoğlu said “There is no diplomacy of a line; there is diplomacy of the surface.” It is followed by that this surface is the globe.⁹

Davutoğlu’s response to critiques of “shift of axis” in Turkish foreign policy was that Turkey has not the chance to follow any fragmented policy as a country with such a central position and when Turkey follows active policy, these ill intentioned discussions about “shift of axis” arouses.¹⁰ Another effort was to name new Turkish foreign policy vision as “Neo-Ottomanism” or “Ottoman mission”. In two articles in *Financial Times*, it was advocated that Turkey aims to re-integrate Ottoman boundaries after AK Party government. However, the Minister of Foreign Affairs rejected that he had used this expansionist tag of "neo-Ottomanism" and underlined that he preferred the slogan of "zero problem with neighbors".¹¹ According to another author of the same newspaper “Davutoğlu paints a picture of the world with Turkey at its center.”¹²

Parallel to Davutoğlu’s vision, reciprocal economic relations have been strengthened in this period. In addition to the EU, EFTA, the former Yugoslav Republic of Macedonia, Croatia, Bosnia-Herzegovina, Georgia and Albania, Turkey has now Free Trade Agreements with Syria, Egypt, the Palestinian Authority, Israel, Tunisia, Morocco from its Southern neighboring region.

In addition, the United Nations Security Council membership of Turkey has to be mentioned as another important development regarding the changing role of

⁸ Hüseyin Likoğlu, “Sıfır problem’de sıra ikinci aşamaya geldi”, *Star*, 25 November 2009.

⁹ Sami Kohen, “Davutoğlu Doctrine in Foreign Policy”, *The Journal of Turkish Weekly*, 7 January 2010.

¹⁰ “Principles of Turkish Foreign Policy”, assessed on 13.5.2010, http://www.setav.org/document/FM_of_Turkey_A.Davutoglu_Address_at_SETA-DC_12-08-2009.pdf; Hüseyin Likoğlu, “Sıfır problem’de sıra ikinci aşamaya geldi”, *Star*, 25 November 2009.

¹¹ Delphine Strauss, “Ottoman Mission”, *Financial Times*, 24 November 2009; Delphine Strauss, “Turkey’s Ottoman mission”, *Financial Times*, 23 November 2009.

¹² Daniel Dombey, “Foreign relations: Ankara builds a role as regional peacemaker”, *Financial Times*, 8 June 2009.

Turkey in the International Relations arena. Turkey has been elected as one of ten non-permanent members, in other words together with Austria as one of two members representing the “Western Europe and Other” regional bloc, for a two-year term starting on 1 January 2009 and ending on 31 December 2010. As known, the Security Council's five permanent members, i.e. China, France, Russia, United Kingdom and United States, have the power to veto any substantive resolution. The currently elected member from Turkey is Ertuğrul Apakan. Certainly, this membership can be seen as a potential advantage for Turkey. However, it also has to be kept in mind that it can lead an expectation from Turkey to take clear positions toward certain global and regional problems. For example, if all diplomatic and economic means do not result in any change in Iran’s nuclear program, hard power policies against Iran can come into question. Under such conditions, the position Turkey will take may create problems.¹³

Some Cases regarding Turkey’s New Foreign Policy Visions

Iraq

Iraq has been the most problematic country in the Middle East since 2003. It is also valid in terms of Turkish foreign policy. Because of Iraq’s particular situation, a constructive solution is sought and the Turkish-Iraqi relations represent a highly interesting relation style in the Middle East. In early 2008, a new period started which generated a new wave in relations. This new trend has been underlined after Ahmet Davutoğlu became the Minister of Foreign Affairs in May 2009. And a relatively high number of mutual top-level visits have been realized in this period.¹⁴

Turkish foreign policy aims are as follows: providing social stability, security and social wealth in Iraq, preventing the terrorist activities directed to Turkey from Iraq, improving good neighborhood relations, protecting the territorial unity of Iraq, improvement of Turkmens’ political and social conditions, providing stability in Kirkuk based on equity, dissolving the existence of PKK in Iraq, transfer of Iraqi energy resources to international markets, and improvement of Turkey’s oil works in Iraq.¹⁵

An important development was the first meeting of the Turkey-Iraq High Level Strategic Cooperation Council held in Istanbul on September 17-18, 2009 which is

¹³ Oğuzlu, “Türk Dış Politikasında Davutoğlu Dönemi”, p. 50.

¹⁴ Serhat Erkmen, “Dışişleri Bakanı Ahmet Davutoğlu’nun Bağdat Ziyareti Işığında Türkiye-Irak İlişkileri” (Turkish-Iraqi Relations in the Light of the Minister of Foreign Affairs Ahmet Davutoglu’s Baghdad Visit), *Ortadoğu Analiz*, Volume 1, Number 9, September 2009, p. 16-17.

¹⁵ Erkmen, op. cit., s. 18.

seen as the most important meeting of the past 20 years in terms of Turkey's Middle East policy. The meeting co-chaired by Foreign Minister Ahmet Davutoğlu and his Iraqi counterpart Hoshiyar Zebari was attended by deputy ministers, experts, bureaucrats and ministers. Syrian Foreign Minister Walid Muallem and Arab League Secretary General Amr Mousa also attended the meeting. The meeting showed that the initiatives launched as of 2007 contributed to strengthening of bilateral ties. Moreover, it displayed that the two countries are getting closer and closer to a comprehensive cooperation.¹⁶

In addition to that, the Turkish Parliament's refusal to cooperate militarily with the 2003 US invasion of Iraq can be seen as a turning point in Turkish-Iraqi relations, and also in its all bilateral relations in the region. After this development, regional perception of Turkey has been changed from being incapable of acting independently to being a regional power which acts relative independently. This is consistent with Davutoğlu's approach that regional problems have to be solved primarily by regional actors.

Another important point is that Turkey's view of Iraq is not anymore restricted to Northern Iraq. In this context, Shiite and Sunni Arabs has to be taken into consideration such as Turkmens and Kurdish groups. The improvement of relations with all of these groups can be seen as a guarantee of Iraq's unity too. Turkey also played a great role in building contact between Sunni Arabs, other Iraqi groups and American representatives in order to include Iraqi Sunni groups into political processes in their country. Underlining the common geography and regional identity of parties, Turkey tries to strengthen the economic ties and reciprocal dependency. Additionally, the condensing relations and visits between Ankara and Erbil intensify the developments.¹⁷

Syria

Recent Turkish-Syrian relations can be seen as a kind of success story. Before ten years, the classical problems between the mentioned countries were Syrian support to Kurdistan Workers Party (PKK), Syrian accusing attitude against Turkey regarding water disputes about Euphrates river, Syrian Hatay policy and the question of Hatay's political status. But now, both countries see each other as trade partners.

In late 2004, Turkish Prime Minister Recep Tayyip Erdoğan flew to Damascus,

¹⁶ Ramazan Gözen, "First Turkey-Iraq High Level Strategic Cooperation Council meeting", 25 September 2009, TRT-World (trt)

¹⁷ Oğuzlu, "Türk Dış Politikasında Davutoğlu Dönemi", p. 48, 49.

and a free trade agreement has been signed between two parties. This development can be seen also as a continuation of former Turkish President Turgut Özal's high-level trade negotiations with Syrian authorities.¹⁸ However, efforts of the AKP government constitute a kind of rupture in Turkish-Syrian economic and diplomatic relations.

Now, on the one hand, Syria supports Turkey's EU membership and requests Turkey's support for the solution of Syrian problems with Israel. On the other hand, Turkey refrains from following an exclusionary policy toward Syria, so the possibility is avoided that Syria gets into orbit of Iran. Turkey is also willing to contribute to peace negotiations between Israel and Syria. Turkey at all times stressed Turkey's readiness to help restart indirect talks between Syria and Israel. Turkey has also offered to mediate in other tracks of the Arab-Israeli peace process.¹⁹

Another important and symbolic development which has also great military significance was the Turkish-Syrian military exercise as of 27 April 2009. It has important political ramifications for Syria, Turkey and the region. On the one hand, for Syria, this military exercise with Turkey means to send a political message to US and Israel. On the other hand, for Turkey, it helps to protect its borders and develop more positive relations with its Arab-Muslim neighbors.²⁰ Turkey launched a joint drill with Syrian soldiers on their shared border in April 2009 in order to improve security. Military teams from Turkey and Syria crossed the border and visited outposts during the three-day exercises. The drill was the "first-ever" between the countries. Syrian Defense Minister Hassan Ali Turkmani made a five-day visit to Turkey for defense talks. Israel's Defense Minister Ehud Barak said that he viewed the exercise as "a worrisome development".²¹ A further step in this military issue was realized in October 2009. Turkey held military exercises with Syria, shortly after cancelling maneuvers with Israel. Syria had held its first joint land military exercise with Turkey in Spring 2009. After that, Syria and Turkey agreed to do a more comprehensive, bigger exercise. Turkey has been a key ally of Israel, but ties have been strained over Turkish Prime Minister Tayyip Erdogan's harsh criticism of Israel's three-week offensive in the Hamas-ruled Gaza Strip in December 2008 and January 2009. Syria welcomed the decision of cancellation of air force exercises of Turkey and Israel. This decision was based on Turkey's approach towards Israel and reflected

¹⁸ Chris Morris, "Introduction", *The New Turkey*, Granta Books, 2005, pp. 1-10.

¹⁹ "Turkey and Syria leaders to hold talks", *Gulf News*, 22 July 2009, assessed on 14.5.2010, <http://gulfnews.com/news/region/syria/turkey-and-syria-leaders-to-hold-talks-1.502265>.

²⁰ Bilal Y. Saab, "Syria and Turkey Deepen Bilateral Relations", *The Brookings Institution*, 6 May 2009, assessed on 14.5.2010, http://www.brookings.edu/articles/2009/0506_syria_turkey_saab.aspx.

²¹ "Turkey and Syria conduct military drill", *Gulf News*, 27 April 2009, assessed on 14.5.2010, <http://gulfnews.com/news/region/syria/turkey-and-syria-conduct-military-drill-1.65536>.

the way Turkey regarded the Israeli attack in Gaza.²²

In short, Turkey sees Syria as an important actor and partner in the region which can help to solve regional problems such as Israel-Palestine conflict, Lebanon's stability and Iraq's reconstruction.

Iran

Iran is one of the most important regional actors. Even if Iran and Turkey are seen as regional rivals, recently cooperation between two countries seems to be more dominant than rivalry. Iran's significance for Turkey comes from energy and security reasons. Turkey needs Iran's energy resources. Another point is that any probable conflict between Iran and Western powers especially US can effect Turkey's relations with the mentioned powers in a negative manner. Turkey has not the opportunity to tolerate any military conflict between Iran and a Western power. In this context, Turkey adopts EU's diplomatic and economic methods toward the crisis after Iran's efforts to acquire nuclear weapons.²³

Jordan

Turkish President Abdullah Gul's three-day visit to the Kingdom as of December 2009 and the signed partnership agreement during this visit between Jordan and Turkey to set up a joint free trade zone were among most important recent developments. The two countries also signed an agreement on the reciprocal cancellation of visa fees and another agreement on customs cooperation. Jordan Minister of Industry and Trade Amer Hadidi said that the free trade agreement stipulated the establishment of a free trade zone by 2011 while after 12 years customs fees would be fully eliminated. Abdullah Gül and King Abdullah discussed various fields of cooperation related to regional infrastructure projects, mainly in the areas of roads, rail, energy, transport and gas, underlining the need for regional cooperation.²⁴ Another top-level visit was realized as of March 2010. During the meeting, Jordan Prime Minister Samir Rifai and Turkish Deputy Premier and Minister of State for Media Affairs Bulent Arinc discussed prospects for forging closer political and economic ties between Amman and Ankara. The topics were the enhancement of relations between Turkey and Jordan in various fields, particularly in the political,

²² "Syria to hold military exercises with Turkey", Gulf News, 15 October 2009, assessed on 14.5.2010, <http://gulfnnews.com/news/region/syria/syria-to-hold-military-exercises-with-turkey-1.514646>.

²³ Oğuzlu, "Türk Dış Politikasında Davutoğlu Dönemi", pp. 48-49.

²⁴ "Jordan, Turkey sign FTA", *The Jordan Times*, 2 December 2009, assessed on 14.5.2010, <http://www.jordantimes.com/?news=22010>.

economic and commercial realms, regional railway Project, various energy and water projects, solution of the Palestinian issue, in accordance with a two-state solution.²⁵

Gulf States

Turkey's relations to Arab states of the Persian Gulf or Gulf Cooperation Council (GCC) countries, i.e. Bahrain, Saudi Arabia, the Sultanate of Oman, Kuwait, Qatar, and the United Arab Emirates, has been getting stronger parallel to other Middle East countries. In the period of AK Party government, Turkey's relations with Gulf States also changed in a parallel manner to the developments in the region. The Governments of UAE and Turkey signed an agreement for boosting military cooperation as of March 2009. The agreement provided a framework for bolstering joint cooperation in military fields that advance plans and strategies for defense modernization.²⁶ Turkey's last initiative regarding Gulf states as of May 2010 was its mediation efforts in talks on UEA islands. Turkey is willing to act as an intermediary in talks between the UAE and Iran over the issue of the occupied UAE islands of Abu Mousa, Lesser Tunb and Greater Tunb. Bahaddin Cebeci, adviser to the President of Turkey, said that Turkey should play a role in resolving this long-standing issue, urging for solidarity among Muslim countries. He stressed Turkey's interest in enhancing relations with the UAE and other Muslim countries.²⁷

25

The Palestinian Authority

Turkey's mission in the region can be defined by its peacemaker and negotiator roles. In this context, Turkish authorities tried to include HAMAS within the negotiation process between the Palestinian Authority and Israel. On the one hand, Turkey insisted on that Israel has to accept the legitimacy of HAMAS authorities which have come into power through election. On the other hand, Turkey called HAMAS to recognize Israel sovereignty rights and leave its strategy of violence.²⁸

Conclusion

Since the collapse of bipolar system, structure of international system and subsequently agents of the international relations have prominently changed and have

²⁵ "Jordan, Turkey highlight closer ties", *The Jordan Times*, 22 March 2010, assessed on 14.5.2010, <http://www.jordantimes.com/?news=25067>.

²⁶ "UAE and Turkey sign military agreement", *Gulf News*, 24 March 2009, assessed on 14.5.2010, <http://gulfnnews.com/news/gulf/uae/government/uae-and-turkey-sign-military-agreement-1.59206>

²⁷ "Turkey wants to mediate talks on UAE islands", *Gulf News*, 11 May 2010, assessed on 14.5.2010, <http://gulfnnews.com/news/world/other-world/turkey-wants-to-mediate-talks-on-uae-islands-1.625114>.

²⁸ Oğuzlu, "Türk Dış Politikasında Davutoğlu Dönemi", p. 49.

been increasing in variety. There has been emerging a multilateral world order. There is no international actor that knows what actors may do in which conditions. In the Cold War era, actor behaviors relatively were able to be estimated under the bipolar World order conditions. In the contemporary international relations, it is pretty difficult to say that international governance can be continued as done as in the Cold War.

As mentioned earlier at the outset of this study, post cold war era has given opportunity to Turkey for making and implementing its foreign policy. Therefore, Turkey has independently and carefully approached to its environment and developed region by region policy visions. Turkey, by its new vision, aims to serve the regional peace and stability, constructing cooperation and partnership which will contribute to security and prosperity in its region. Turkey believes that regional issues should be solved among to regional countries. Because of that, the cooperation between Turkey and Russia deepening in political, economic and sociocultural realms is expected to become a partnership relationship with Russia at the end. The relationship between Turkey and Russia developing especially in economic base will support also cultural interaction between Turkish and Russian peoples.

TURKISH FOREIGN POLICY TOWARDS MIDDLE ASIA AND CAUCASUS

Mehmet Efe Caman

Turkish Foreign Policy's Discovery of the "Turkic" World and Central Asia

The new form of the international politics after the end of the Soviet Union did not easily perceived by the Turkish decision makers. Because of the internal inadequacies and the lack of necessary foreign policy instruments, Turkey was not able to establish efficient relationships with the Caucasus and Central Asian countries that are conspicuously meaningful in terms of Turkish foreign policy identity and geographic imagination. Central Asia and Caucasus are being perceived as one single region according to the geographic imagination of Turkish political elites.

Turkish public opinion was very much sensitive towards the Turkic communities of Central Asia and Caucasus, because of the several reasons. First of all the region is significant in terms of geographic definition. Secondly the region is perceived as "Turkey's fatherland" or in other words as the original land of the ethnic

Turkic population.

The term “Turkish” or “Turk” as it is used today implies all citizens of Turkey. On the other hand ethnic “Turks” in Turkey is those originating from Ottoman Empire’s Turkic population (Bulgarian Turks and Thrace Turks) and other Turkish-origin populations living outside Turkey and outside the borders of the Ottoman Empire.²⁹ In general world literature differentiates the term “Turkish” and “Turkic”. In the similar base Turkic populations of the Central Asia do not identify themselves as “Turkish” like it is perceived in Turkey.

Central Asia did not take place in the Turkish Foreign policy and until the early 1990s. When Turkish population claimed kinship with the Central Asian communities Central Asia began to play a central role in the Turkish Foreign Policy. During the Cold War decades, main concern of Turkish decision makers was the USSR in relation with the Central Asian peoples. During that period the relations of Turkey with these peoples were just minimal. In 1991, President Özal’s diplomatic visit to the USSR included not only Moscow, but also Azerbaijan, Kazakhstan and other Union Republics. These visits revealed the rising interest in Turkey towards the newly emerging republics in former Soviet south.³⁰ In 8 December 1991, Commonwealth of Independent States was established and Turkey became the first state to recognize the newly independent Turkish Republics.³¹

27

An entity established in the region which aiming to deliver development assistance to these countries, as an important step for institutionalizing the Turkey’s regional policy and political orientation called as Turkish International Cooperation and Development Agency (TIKA) January 24th, 1992. TIKA’s primary responsibility was to coordinate Turkey’s coordination with the Turkish Republics on the field of economics, education, culture, art, history, research, language and alphabet, ethnography, tourism, administration, justice, security, communication, environment, science and technology.³² It shows Turkey’s adoption to the new international system in the post-USSR era and it emphasizes Turkey’s given priority and importance to the countries of Central Asia. The transformation in definition of its neighboring regions occurred in Turkish Foreign Policy. Until 1990s Turkey’s neighborhood included Balkans, Northeast Mediterranean and the Middle East; after 1990s, it is expanded towards the Caucasus and Central Asia.

²⁹ Efe Çaman, *Türkische Aussenpolitik nach dem Ende des Ost-West-Konflikts: Aussenpolitische Kontinuität und Neuorientierungen zwischen der EU-Integration und neuer Regionalpolitik*, Berlin 2005.

³⁰ Muhittin Ataman, ‘Leadership Change : Özal Leadership and Restructuring in Turkish Foreign Policy’, *Alternatives Journal*, Volume 1 Number 1 Spring 2002

³¹ Bülent Aras, “Turkish studies, Turkey’s Policy in The Former Soviet South”, Vol.1. no. 1, spring 2000, p 36-58, p. 45

³² *Ibid.*, p.45

The ambiguous form of relations between Turkey and the Turkish Republics were carried out. This ambiguity is largely due to the wide gap between tender interstate relations and supra-state institutions of integration.³³ Many academics and politicians believed that Turkey should have assumed a political leadership in the newly emerging Turkic world. The leaders of the Turkish Republics also referred to their close cooperation with the newly emerging “Turkic” geography.

Furthermore many different parties inside Turkey believed that with its political structure and character Turkey could be excellent model for the newly established Turkish republics in the Central Asian region. Accordingly, the US President George Bush (Senior) declared Turkey as a model for the Turkish Republics.³⁴

This new attitude towards Central Asia opened up an opportunity for close relations with European countries. Decision makers of the Turkish Republics were also oriented towards applying the model of Turkish political system to their own states³⁵ and declared this decision all together.³⁶ They wanted to establish good relations with the international organizations and they believe that if they make use of Turkey’s political relations with the Western countries, they can reach their aims easily.

Turkish foreign policy was indeed able to respond to these expectations in an appropriate way and undertook a diplomatic function as a “door-opening and right-advocating” actor and contributed to building a relationship between these news states and the Western political, economic and military organizations.³⁷ Central Asian Republics were able to make their voices heard in the Council of Europe, OECD, IMF, EU and NATO through Turkish intermediation. In 1992 all Turkish Republics except Kazakhstan became a member of ECO thanks to the support of Turkish diplomacy.³⁸

Regional Relations in the last 10 Years

³³ Efe Çaman, “Dış Politikanın Yönelim Sorunsalı, Avrasya Dosyası”, *Kafkasya ve Orta Asya’da Türkiye’nin Yeni Bölgesel Politikası*, Cilt 12, Sayı 1, 2006, s. 185-214.p. 197

³⁴ Ahmet Kuru, “Between The State and The Cultural Zones:nation Building in Turkmenistan”, *Central Asian Survey*, Mar 2002, Vol. 21 Issue 1, p71, 20p

³⁵ *Ibid.* p.13.

³⁶ Bess Brown and Elisabeth Fuller, “Die Türkei und die muslimischen Republiken der ehemaligen Sowjetunion”, *Sankt Augustin* 1994, pp. 18.

³⁷ Nasuh Uslu, “The Russian, Caucasian and Central Asian Aspect of Turkish Foreign Policy in the Post Cold War Period”, *Alternative*, Vol.2, No.3-4, Fall 2005, pp164-189.p. 172

³⁸ Kiaras Gharabaghi, “Development Strategies for Central Asia in the 1990s:in Search of Alternatives”, *The World Quarterly*, Vol. 15, No. 1, 1994, pp 14

Cultural historical links between Turkey and the Turkish communities of the region simplify relations with Central Asia. Around 500 treaties signed with these countries have constituted a base for the development of the relations with the new republics in Central Asia.

The 5th term meeting of the Protocol on Turkey and Kazakhstan Joint Intergovernmental Economic Commission, firstly held in 1995, convened in 2008.³⁹ This Commission's objective is to improve trade-related relations between two countries. Another agreement on common security was signed on April 14th, 2009 and a new cooperation was sustained in suppression of crime, illegal drug trafficking and terrorism. Close relations between two countries are also observable in mutual official visits. The friendly visit by Kazakhstan President Nazarbayev on September 30th, 2007 was a significant case at this point. Turkish President Abdullah Gül paid a visit to Kazakhstan in reciprocity on December 15th, 2007.⁴⁰

The basis of relations between Turkey and Uzbekistan is common security problems. The last meeting of Turkish-Uzbek Governments' Joint Economic Commission, launched in 1995, was convened again in 2008. Relations with Tajikistan were negatively affected by the Civil War in Tajikistan.

In order to strengthen the cultural and historical bonds between Tajikistan and Turkey, a Turkey Information Center was established in the Russian-Tajik Slavic University with the support of TIKA. Cooperation in economy, trade and transportation and existing relationship between two countries were anticipated to improve more in the future.⁴¹

Turkey's regional integration policy towards Central Asia aimed at taking common positions against regional problems and producing common policies through easing the existing linguistic and cultural differences, producing new areas of economic cooperation and making common policies in sensitive foreign policy issues such as Cyprus and Karabakh.⁴² In order to solve their isolation problem from the international atmosphere and international organization Instead of integrative models, they preferred bilateral diplomatic relations.

The very presence of the rival expectations caused some catastrophic difficulties for Turkey in realization of their own political vision over the Central

³⁹ <http://www.kazakhembus.com/index.php?page=foreign-policy>

⁴⁰ Hakan Fiadan and Rahman Nurdun, 'Turkey's role in the global development assistance community: the case of TIKA (Turkish International Cooperation and Development Agency)', *Journal of Southern Europe & the Balkans*, Apr2008, Vol. 10 Issue 1, p93-111, p 103

⁴¹ Economic and Social Council official Records, Annual Report, Economic and Social Report for Asia and Pacific, 13 April 2006-23 May 2007

⁴² Cumhuriyet, 02.11.1992.

Asian countries. Turkey's proposals in 1990s to establish a common market including Turkey and Central Asia and adopting Turkish Lira as the common official currency did not attract much interest. As a major player of the region, Russia's attitude towards Turkey about its Central Asian foreign policy was another obstacle in front of Turkey and concern for Turkish ideals.

Many of the Central Asian policy makers abstained to give support Turkey in Cyprus issue and Azerbaijan in Nagorny Karabakh problem that exhibit again difficulties in convergence of competing foreign policy approaches of Turkey and Central Asian countries; despite Turkish foreign policy aim to create an integration platform under the ceiling of "Turkish Republics Summit" which should be similar to EU or NAFTA.

The failure of Turkey to apply adequate policies towards the region can be explained with the several reasons. First causal reason is the differences in perceptions between Turkish and Turkic policy makers and Turkey's unfounded expectations. The second and the more practical one is that Turkey's short of adequate economic power to meet the economic requirements of these new states led to the failure of Turkish aspirations towards this region.

However Turkey's overall post-Cold War foreign policy approach later gained a multidimensional character unlike its initial attempts immediately after 1991. This time, Turkish policy makers' merging approach has not been a maximalist one, beside that it contained active Russian involvement in the region as a natural consequence of the deep strategic power calculations of the region.

The corner stone of Turkish foreign policy towards the Turkish Republics was to build strong lines of communication facilitated by linguistic similarity. Linguistic kinship as agreed by Turkish and international sources has been a central element of cultural cooperation.⁴³

Ideologies and other ideational and historical factors that influence the perceptions of decision makers enable a subjective interpretation of reality. In other words, decision makers always perceive "what exists" on the basis of "conditionally corresponding to absolute reality".⁴⁴ In this context, the linguistic similarities between Turkey and the Turkic republics in the region – in other words national awareness among the Turkic population – caused the attempts to make use of it. Late Ottoman historians referenced to the Ottoman language as a Western brunch of a bigger

⁴³ Efe Çaman, "Kafkasya ve Orta Asya'da Türkiye'nin Yeni Bölgesel Politikası: Dış Politikanın Yönelim Sorunsalı", *Avrasya Dosyası*, Cilt 12, Sayı 1, 2006, pp. 185-214. P.197

⁴⁴ Gottfried-Karl Kindermann, "Weltverstaendnis und Ideologie als Faktoren auswaertiger Politik", Kindermann, Gottfried-Karl, der., *Grundelemente der Weltpolitik*, München 1991, p. 145-164, pp. 152.

language family,⁴⁵ Crimean Tatar and one of the most important thinkers of Turkish nationalism, Gaspıralı İsmail Bey, anticipated a “unity in language, idea and action”⁴⁶ through his writings in *Tercüman* newspaper. He aimed to prove his belief in the Turkishness of all Turkic populations.⁴⁷

In the current decade Turkish foreign policy makers recognized the fact that differences in perceptions constructs the main obstacle in Turkey’s relation with Central Asia. The shift from euphoric, enthusiastic and sentimental policy attitudes to a more realistic and constructive policy line towards Caucasus and Central Asia is not likely to be smooth and easy, but it is an ongoing project under the assertion of the new foreign policy line.

With the years of 2000s both rhetoric and practice of foreign policy evolved and gained multi dimensional, dynamic and active nature. Especially the policy of “zero problem with neighbors” which is formulated by Prof. Dr. Ahmet Davutoğlu accelerates the process of improvement of Turkey’s relationship with her neighbors. Again with the “strategic depth” policy of Ahmet Davutoğlu, Turkey developed a new foreign and regional policy vision which leave behind the transition country perception and adopt a central country identity. Turkey’s new geographic imagination with the perception of central country, lead her to follow a foreign policy which based on international legitimacy, ethic principles and harmony of strategic interests.⁴⁸ The concept that security policy includes the foreign policy is being replaced with the opposite concept of desecurization of the foreign policy which enables a pro-active foreign policy.

As a tool of the new concept TICA has an important mission. According to the figures released by the Turkish Statistical Institute (TURKSTAT) and State Planning Organization of Turkey at the end of 2003, official flows from Turkey have amounted to \$3.8 billion³³ of which TICA has constituted a \$98 million portion of technical assistance to partner countries, among which 47 per cent of TICA’s aid went to Kazakhstan, 13 per cent to Azerbaijan, 9.4 per cent to Turkmenistan, 8.6 per cent to Crimea (Ukraine) and 22 per cent to others.⁴⁹ Through TICA, Turkey has provided technical assistance to Central Asian countries since their independence, and TICA’s role has only grown under the auspices of Turkey’s new foreign policy vision. 60% of

⁴⁵ Bernard Lewis, *The Emergence of Modern Turkey*, London 1968.

⁴⁶ Efe Çaman, “Kafkasya ve Orta Asya’da Türkiye’nin Yeni Bölgesel Politikası: Dış Politikanın Yönelim Sorunsalı”, *Avrasya Dosyası*, Cilt 12, Sayı 1, 2006, pp. 185-214.p198

⁴⁷ Ali Engin Oba, *Türk Milliyetçiliğinin Doğuşu*, Ankara 1995, pp. 152.

⁴⁸ Lenore Martin, ‘Turkey as a Trans-Regional Actor’, *Turkish Studies*, Mar2009, Vol. 10 Issue 1, p3-6, p1

⁴⁹ Hakan Fiadan and Rahman Nurdun, ‘Turkey’s role in the global development assistance community: the case of TICA (Turkish International Cooperation and Development Agency)’, *Journal of Southern Europe & the Balkans*, Apr2008, Vol. 10 Issue 1, p93-111 p.102

Turkey's (702 million USD) in development aid in 2007 went to Central Asia and the Caucasus. It shows the relevance of these regions for Turkey. These funds sponsored projects in economic and industrial infrastructure development, the health and education sectors, academic cooperation between Turkish and Eurasian universities, and internship programs in Turkey for Central Asian and Caucasian university students, Turkish language programs, and the promotion of business and trade.⁵⁰

Also cooperation in science and technology is a leading sector in the existing relations. In the region Turkey established two universities, *Hoca Ahmet Yesevi University* in Kazakhstan and *Manas University* in Kirghizstan. Turkey supports these universities in academic and financial terms. In this context Turkey also provides scholarships of higher education to the students from Turkic communities. Opening of over 100 schools by the Turkish Ministry of Education and by civil societal organizations have been the positive and successful projects of this policy.⁵¹ President Abdullah Gül, for instance, was accompanied by representatives of the Turkish Union of Chambers and Commodity Exchanges (TOBB) and a large number of businesspeople during his visit to Turkmenistan in December of 2007.⁵² Inter-regional bilateral trade volume is expected to increase and doubled in 2003 to the year 2009 that reached from 3 billion dollar to the 8 billion dollar. Beside that turkey also guarantee the transition the energy resources and protection of their independence that is owned by the countries of the region.⁵³

Within the frame of new foreign policy, while Turkey have an pro-active policy and take initiative in the region of Central Asia and Caucasus; she also tries to keep her good relations with the Iran and Russian Federation which are the other relevant actors in the region. Strengthening the independence of Central Asian countries, to contribute the formation and structure of states, to help the economic and political transition of these countries in order to sustain peace and stability and the improvement of relationship with these countries on the basis of sovereign equal and mutual interests are the main principles of the Turkish foreign policy towards Central Asia and Caucasian regions.

Instead of competition in the first decade after the disintegration of the USSR, Turkey has adopted a new foreign policy which aims cooperation with Russia in its relations with Central Asian countries. Beside that Turkey also desires to have good

⁵⁰ 2007 TİKA Faaliyet Raporu (Ankara: TİKA Yayinlari, 2008); 2007 Turkiye Kalkınma Yardimlari Raporu (Ankara: TİKA Yayinlari, 2008).

⁵¹ Bülent Aras, "Turkey's Policy in The Former Soviet South", *Turkish studies*, Vol.1,no. 1,spring 2000, p 36-58p. 45

⁵² *Sabah*, December 8, 2008.

⁵³ Hakan Fiadan and Rahman Nurdun, 'Turkey's role in the global development assistance community: the case of TİKA (Turkish International Cooperation and Development Agency)', *Journal of Southern Europe & the Balkans*, Apr2008, Vol. 10 Issue 1, p93-111, p. 103

relations with EU and USA which are the global actors in these regions. Turkey especially aims to improve its relations with the region by developing trade oriented relations and by diversifying and deepening.

Turkey, Regional Constellation and Strategic Perspective

As a consequence of the rich resources in particular the hydrocarbon energy resources, Caucasus and Central Asia has become the focus of interests of the regional and global powers. For many experts, after the collapse of the Soviet Union a new “Great Game” has started. The main aim of the game is to become an energy terminal that transfers the hydrocarbon energy resources to the world markets. Especially oil pipelines that are planned to transfer the fossil energy resources to Europe can be considered a possible main conflict reason of interest between Turkey and Russia.

Turkey’s geopolitical position makes it ideally situated to be an energy hub. In the mid-1990s Turkey and Russia agreed to the Blue Stream Pipeline, completed in 2002 and formally inaugurated in 2005, which brings 16 billion cubic meters (bcm) of Russian gas annually to Turkey under the Black Sea. There are also pipelines running from both Iraq and Iran that connect to pipelines within Turkey.⁵⁴

Turkey is also an energy consumer. According to the Energy Information Agency (EIA), Turkey consumes approximately 618 billion barrels of oil per day and has contracted to import 1.8 trillion cubic feet of natural gas for 2010. Turkey currently purchases gas from Russia and Azerbaijan, and it has negotiated repeatedly with Turkmenistan—both for gas for its own use and for gas to flow through to Europe.

The most critical area of economic relations between Turkey and Russia concerns fuel and energy resources, and specifically the increasing energy dependence of Turkey on Russia; Turkey currently receives roughly three-quarters of its fuel and energy resources from Russia.⁵⁵ Domestic demand for gas is expected to reach fifty-five billion cubic meters in 2010 and eighty-two billion cubic meters in 2020.⁵⁶ The widely heralded *Mavi Akım* (Blue Stream) Project involves pipelines stretching 1,250 kilometers beginning in the Black Sea coastal city of Dzhugba, Russia; going under the Black Sea; emerging in Samsun, Turkey; and proceeding to

54 Carol R. Saivetz, ‘Tangled pipeline: Turkey’s Role in Energy Export Plans’, *Turkish Studies*, March 2009, Vol. 10 Issue: Number 1 p95-108,p.95

55 “Turkey Caught in a Dilemma over South Ossetia,” *Jamestown Daily Monitor*, No.153 (2008),

<http://www.jamestownfoundation.org>

56 Ibid.

Ankara.⁵⁷ Therefore there is an absolute need for the permanence of stable political relations between Russia and Turkey when Turkey's energy resource dependence to Russia is considered.

Furthermore Turkey is an integral part of the global energy market and Russian energy schemes in Turkey have the potential to provide Moscow access to markets in Greece, Spain, Italy, and even North African countries.

Because of the strategic importance and the position of the Russia in the region and in spite of the Turkish decision makers that the Baku-Tbilisi-Ceyhan (BTC) petrol line is the only and the best alternative, the other alternatives pipeline roads are also take into consideration.

In respect to the economic and ecological perspective and the strategic situation of BTC, this pipeline had several obvious superiorities to the Russian Novorossiysk pipeline. First of all while the annual capacity of the Novorossiysk port was 30 million tons, the Ceyhan terminal showed superiority with its 120 million tons capacity. Moreover the Russian port in the Black Sea depending on the weather conditions showed activity 87-100 days in a year; on the other hand Ceyhan terminal was capable of serving at full capacity all year long. With its three times more tanker capacity Ceyhan pipeline was again preponderant to the Novorossiysk.⁵⁸ Turkey's control of the Bosphorus made it crucial to Soviet/Russian oil exports from the Black Sea port of Novorossiysk. The Bosphorus is among the three busiest shipping lanes in the world. If the 25 percent of all Russian oil exports go through the straits;⁵⁹ tanker traffic in the Bosphorus will increase exponentially and the by-pass of the dens traffic would not be possible.

The EU and US proposal is for Nabucco, which would take Caspian, and perhaps Iranian, gas through Turkey to Central Europe. The pipeline will link the Eastern border of Turkey, to Baumgarten in Austria - one of the most important gas turntables in Central Europe - via Bulgaria, Romania and Hungary. When completed the 3,300 km pipeline's annual capacity will be 31 bcm. The construction of the pipeline is supported by the 2009 Intergovernmental Agreement signed in Ankara in July 200. The Nabucco shareholders are: OMV (Austria), MOL (Hungary), Transgaz (Romania), Bulgargaz Holding (Bulgaria), Botas (Turkey) and RWE (Germany) and each shareholder holds an equal share of 16.67% of Nabucco Gas Pipeline Nabucco's

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Efe Çaman, 'Kafkasya ve Orta Asya'da Türkiye'nin Yeni Bölgesel Politikası: Dış Politik Yönelim Sorunsalı', *Avrasya Dosyası*, 2006, cilt 12, sayı, 1.

⁵⁹ Carol R. Saivetz, 'Tangled pipeline: Turkey's Role in Energy Export Plans', *Turkish Studies*, March 2009, Vol. 10 Issue: Number 1 p95-108, p. 97

problem is the availability of gas to fill the pipeline. Azerbaijan by itself does not currently have enough gas to fill it and BTE⁶⁰

Regional Security and Conflicts

Within the new line of the Turkish Foreign Policy, Turkey aims to sustain peace and stability within its neighborhood. In a widely-quoted article, Ahmet Davutoğlu has described the style and orientation of the AKP government's "new" foreign policy in accordance with five principles. The principles direct Ankara's attention to Turkey's neighboring regions and the various activities that Turkey needs to pursue to develop good relations with them.⁶¹ For Turkey the major challenge from the Caucasus and the Black Sea is the supply and transshipment of energy, plus concerns over Russia's resistance to NATO's expansion in those regions. With respect to the Caucasus there are additional concerns Azerbaijan and Armenia issue Georgian war and the developing relations with Russia.

In the early 1990s, the two Caucasian states fought a brutal war over the ethnically Armenian territory contained within Azerbaijan. Because of the conflict, 6,500 Armenians and 20,000–25,000 Azerbaijanis were killed; 412,000 Armenians were expelled from Azerbaijan; and 186,000 Azeris fled from Armenia. Turkey supported Baku and closed its borders with Armenia in protest. The government in Yerevan is interested on normalizing its relations with Turkey, in the hopes of reopening its borders, to attempt to unfreeze relations with Turkey. What has come to be known as football (soccer) diplomacy began with an invitation to Turkish President Gül from his newly elected Armenian counterpart, Serzh Sarkisian, to attend a world cup qualifying soccer match between the two countries. The warming up nature of the developing relations between Turkey and Armenia is also compatible with new line of the Turkish Foreign Policy. This possible thaw in relations between Turkey and Armenia is important for several reasons. First, it might allow Ankara to mediate between Armenia and Azerbaijan. Second, it would also represent a major foreign policy success for Turkey and enhance Ankara's regional role. Third, a look at a map of the region would show that Armenia could well be a possible site for the future Nabucco pipeline, should the situation in Georgia remain unstable.⁶²

Another conflictual area and the concern of the Turkish Foreign policy decision makers is Georgia. Tensions rose throughout spring 2008, between Georgia and Russia on the night of August 7/8 of that year. A ceasefire was declared after five

⁶⁰ For detailed information see: <http://www.nabucco-pipeline.com>

⁶¹ Lenore Martin, 'Turkey as a Trans-Regional Actor', *Turkish Studies*, Mar2009, Vol. 10 Issue 1, p3-6, p1

⁶² Carol R. Saivetz, 'Tangled pipeline: Turkey's Role in Energy Export Plans', *Turkish Studies*, March 2009, Vol. 10 Issue: Number 1 p95-108, p.105

days, leaving large areas of Georgia heavily damaged and Russian troops occupying regions outside South Ossetia and the other breakaway province, Abkhazia. Welcoming the ceasefire, Erdoğan announced a major diplomatic initiative labeled the Caucasus Stability and Cooperation Platform. The organization would bring together Armenia, Azerbaijan, Georgia, Russia, and Turkey, with the United Nations as a patron, and its goal would be to foster peace, democracy, and stability in the region. Babacan added a few weeks later that Turkey saw the proposal as a mechanism through which the states in the region could discuss “cooperation opportunities” and “concrete measures, particularly confidence building ones.”⁶³

Turkey’s EU aspirations and its membership in NATO ran directly counter to its need to protect its relationship with Russia. When its NATO ally, the United States, asked permission for two naval vessels to enter the Black Sea to provide humanitarian assistance to Georgia, Turkey hesitated but ultimately agreed. Ankara also gave permission to other NATO ships to enter through the Bosphorus for NATO exercises. The Montreux Convention, which governs the passage of ships through the straits, provides for such ships to be in the sea for no more than 21 days.

When it comes to the improvement of relations with Caucasus, Turkey should also consider the relations with Russia in the same way. The deepening of political dialogue between Russia and Turkey dates back to the signing of the Eurasia Action Plan in 2001 between the then foreign ministers, Ismail Cem and Igor Ivanov.⁶⁴ Since 2001, political dialogue intensified and ascended the relationship to higher levels. Turkey and Russia are in full agreement in their views vis-à-vis their immediate regions. Ankara and Moscow share apprehension about US policy toward Iran, Iraq, and Syria. Moreover, Turkey’s recent emphasis on ‘normalization with the neighborhood’, the concept of Davutoğlu significantly contributed to this convergence of positions. Davutoğlu’s vision, views Turkey as a pivotal state at the centre of the Balkans, Black Sea, Caucasus, the Middle East and the Mediterranean regions. From a Turkish–Russian perspective, Davutoğlu’s vision provided the Turkish government with the intellectual legitimacy to pursue the acceleration of the ongoing rapprochement and deepen the bilateral relationship with Moscow.

The deepening of Turkish–Russian relations also reflected upon the two countries’ multilateral dealings on a variety of platforms. In the 2008 Approximately 25 million Muslims live in Russia. By improving its relations with Muslim countries in the year of 2005 with observer status, Russia attended the Organization of Islamic

⁶³ “Turkish Minister Views Diplomatic Efforts in Caucasus,” Anatolia News Agency, August 31, 2008, accessed at ISI Emerging Markets Database

⁶⁴ Suat Kiniklioğlu, Valeriy Morkya, ‘An anatomy of Turkish-Russian Relations,’ *Journal of Southeast European & Black Sea Studies*; Dec2007, Vol. 7 Issue 4, p533-553, p535

Conference. Ankara also extended crucial support to Moscow's desire to obtain observer status at the Organization of the Islamic Conference.⁶⁵

Conclusion

As it is described by Ahmet Davutoğlu, Turkey needs to interact with the neighboring regions in a way that, with particular reference to its war on terrorism, “balances” the security challenges from abroad with “democracy” at home. Turkish foreign policy makers need to work with its neighbors to reduce problems to “zero” and to develop relations with immediate and more distant neighbors. It needs to engage in multi-dimensional foreign policy and “rhythmic diplomacy,” hence the concept and emphasis on Turkey as an actor.⁶⁶

In respect with the stated idea and in order to develop the integration with Caucasus and Central Asia, Turkey has to consider the other actors that play active roles in the region and also have to construct strong ties with countries in the region. Turkey's new foreign policy has moderate and more reasonable goals to achieve in the Central Asian region. Instead of regional competition, Turkey aims to strengthen its relations with the region by sustaining cooperation. Central Asia and Caucasus is in the question we may count many sources of instability with and in the region like Azerbaijan Armenian problem, terrorism, radical Islamic movements, illegal narcotic traffic and in north Caucasus the conflict between Georgia and Russia. Beside all of these the rivalry in the region over hydrocarbon energy recourses between the regional and the global actors also needs to pay attention. When it is come to the transition of energy resources from Central Asia and Caucasus to the European market Turkey gains significant importance. Central Asia and Caucasus are perceived as regions that offer opportunities for the energy interests of Turkey and represent Turkey's increasing strategic importance. Within the frame of new foreign policy, Turkey has an active policy and take initiative in the region of Central Asia and Caucasus; also her tries to keep the good relations with Iran and Russian Federation which are the key actors of the region.

Instead of competition Turkey aims to adopt a new foreign policy which aims cooperation with Russia in its relations with Central Asian countries. Beside that Turkey also wants to have good relations with EU and USA. In order to sustain stability and peace in the region she aims to construct strong economic and cultural

⁶⁵http://www.bilgesam.com/tr/index.php?option=com_content&view=article&id=225:rusya-ve-slam-duenyas&catid=104:analizler-rusya&Itemid=136

⁶⁶ Lenore Martin, ‘Turkey as a Trans-Regional Actor’, *Turkish Studies*, Mar2009, Vol. 10 Issue 1, p3-6, p1

linkages with the conflict areas. As an example economic ties with Armenia would be more effective in reaching out a solution in normalizing problematical relations between the two states and also the Karabakh problem. On the other hand institutionalization of relations and increasing cooperation with Russia – also in the post-Soviet Regions – both ensures the success of the attempts of turkey on transfer of hydrocarbon energy resources and may be an effective tool of sustaining peace and stability in the region. Beside that progress of cultural economic and political relations, enables Turkey to act as a soft power that able to instill its own values to her neighbors.

Круглый стол

«Концепции внешней политики и национальной безопасности Турецкой Республики»

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПЕРИОД ВЛАСТИ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ

А.В.Сулейманов

Светская Турция, являющаяся сегодня значимым государством Ближневосточного региона, проводит взвешенную и акцентированную политику, как на евразийском континенте, так и за его пределами. Турецкая дипломатия не только активно участвует в разрешении многих конфликтов и кризисов (иранская ядерная программа, арабо-израильский конфликт, проблема вокруг Нагорного Карабаха, курдский и уйгурский вопросы), но и продвигает свои национальные интересы на мировой арене, что, безусловно, способствует укреплению престижа страны.

Следует отметить, что нынешняя концепция внешней политики Турецкой республики, в целом, была сформирована под влиянием взглядов происламской Партии Справедливости и Развития (ПСР), пришедшей к власти в ноябре 2002 года. А, ключевые внешнеполитические ориентиры турецкого государства были закреплены в Программе ПСР и заключались в активизации сотрудничества с Европейским Союзом, Российской Федерацией и исламским миром. Основная заслуга в разработке внешнеполитической концепции Турции принадлежала бывшему советнику по внешней политике канцелярии премьер-министра, а ныне министру иностранных дел, профессору Ахмету Давутоглу, который, основываясь на опыте предыдущих политических деятелей Турции, учитывая их недостатки в политике, разработал новую концепцию внешней политики.[1]

Совокупность внешнеполитических приоритетов, разработанных А. Давутоглу, можно рассматривать как разновидность евразийской политики Турции. Евразийство правительства ПСР предполагает проведение гибкой дипломатии по линии ЕС - исламский мир, а также развитие взаимовыгодного сотрудничества с Россией, являющейся одним из влиятельных полюсов в

сложившейся системе международных отношений.[2]

Безусловно, «евразийство» во внешней политике Анкары оставалось ведущим направлением прошедших лет. Но по мере развития политической конъюнктуры в мире стало достаточно понятно, что к концу первого десятилетия XXI века у турецкого государства возникли новые (внеевразийские) внешнеполитические ориентиры. Турция помимо взаимоотношений с Россией стала проявлять значительный интерес в отношениях с другой великой державой – США, а также наращивать связи с государствами Латинской Америки и Карибского Бассейна (ЛАКБ). Несколько претерпела изменения и евразийская политика Анкары, как в качественном, так и в количественном порядке. Говоря о качестве, изменилось соотношение сторон в треугольнике «ЕС – Россия – исламский мир», на «ЕС – исламский мир – Россия». Причем достаточно спорными сегодня остаются взаимоотношения по линии ЕС – исламский мир. Здесь эксперты разделились на два лагеря, первые считают, что взаимоотношения Турции со странами ЕС остаются ее главным внешнеполитическим ориентиром, вторые полагают иначе, утверждая о приоритете мусульманских (ближневосточных) государств во внешней политике Анкары. Изменилось и количество внешнеполитических ориентиров Турции на евразийском пространстве. Помимо основных трех (ЕС, исламские страны, Россия) добавился вектор взаимоотношений Турции с ведущими государствами Восточной Азии: Китаем и Японией.

Для полного понимания рассматриваемой проблемы перейдем от общего к частному и расположим вышеуказанные направления внешней политики Турции по степени их приоритетности. Первым, наиболее важным на наш взгляд внешнеполитическим ориентиром турецкого государства, является развитие отношений с Евросоюзом. Вторым, интенсификация политических и экономических связей с ближневосточными мусульманскими государствами. Третьим, развитие сотрудничества с великими державами: Россией и США. Четвертым, усиление политических и экономических связей с государствами ЛАКБ. Пятым, нормализация и развитие отношений с Китаем и Японией. Теперь охарактеризуем более подробно каждое из перечисленных направлений.

Турция – Европейский Союз. На протяжении последних лет взаимоотношения турецкого государства с ЕС складывались достаточно не просто. Вступление Турции в Евросоюз было отложено на неопределенный срок вследствие критики ряда европейских стран ее внутренней и внешней политики. Несмотря на это, Анкара всячески пыталась активизировать неоднократно прерывавшийся диалог, рассматривая взаимоотношения с ЕС, как

главный приоритет своей внешней политики. Это стало ясно во время визита в Париж в апреле 2010 г. премьер-министра Турции Р.Т.Эрдогана, заявившего, что: «Некоторые французские деятели предвзято относятся к нашему членству в ЕС. Нам придется приложить усилия к тому, чтобы изменить эту позицию». Также Р.Эрдоган отметил, что: «Турция — не обуза для ЕС, а страна, которая поможет разрешить многие проблемы».[3]

Необходимо сказать, что стремление Турции в ЕС обозначилось сразу же после подписания Римского соглашения о создании Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) 1957 г., Турция обратилась с просьбой о ее принятии в эту организацию ассоциированным членом.[4] В 1963 г. Турция заключила с ЕЭС Анкарский договор, вступивший в силу 1 декабря 1964 г. и предусматривающий возможность членства Турции в Европейском Сообществе. 23 ноября 1970 г. был подписан «Дополнительный протокол», вступивший в силу 1 января 1973 г., направленный на разработку плана действий для «переходного периода», где определялись условия по реализации Таможенного Союза между Турцией и ЕЭС.[5] После военного переворота 1980 г. в Турции, приведшего к отмене Конституции и роспуску Мили Меджлиса (парламента), Европа прекратила отношения с Анкарой, и лишь после 1983 г. переговоры были возобновлены.[6] На Люксембургском саммите Евросоюза, прошедшем в декабре 1997 г. Турции был предоставлен статус «государства-кандидата». Позже, на Ниццком саммите, проведенном в декабре 2000 г., Турция, как ни странно, не была принята даже во внимание, несмотря на то, что, на саммите, проведенном в Хельсинки в 1999 г., она считалась 13-м по счету государством-кандидатом в ЕС.[5]

Новый период переговоров о вступлении Турции в ЕС начался 3 октября 2005 г. и продолжается, по сей день. Для вступления Турции в ЕС, как и любой другой стране, необходимо соответствовать Копенгагенским критериям, установленным в июне 1993 г., заключающиеся в следующем: верховенстве демократии и права, защите и соблюдению прав человека и меньшинств, наличие действующей рыночной экономики в стране.[7]

Относительно проблем вступления Турции и ЕС, нужно сказать, что основной причиной непринятия в Союз является приверженности страны к исламскому миру.[8] Помимо этого, существуют и другие факторы «замедляющие» вступление Турции в ЕС. Во-первых, это недостаточный с точки зрения показателей ЕС, уровень экономического развития Турции, где ежегодный рост ВВП равен 6-8%. Во-вторых, наличие убеждения большей части населения стран ЕС, что Турция представляет для них демографическую

угрозу. Население Турции в 72 млн. человек составляет около 15 % от населения ЕС-27. При этом прирост турецкого населения составляет 1,1% в год, по ЕС в среднем – 0,2%. В-третьих, наличие неурегулированных кипрского, армянского и курдского вопросов.[9]

Турция – Ближний Восток. Активизация ближневосточного вектора внешней политики Турецкой Республики началась с 2003 г. и была обусловлена рядом причин: приходом к власти в Турции ПСР, неудачами переговорного процесса относительно вступления Турции в ЕС, военно-политической интервенцией США в Ирак, а также обострением арабо-израильского противостояния и курдского вопроса.

По мере того, как решимость США начать войну в Ираке становилась все более очевидной, активизировались усилия турецкой дипломатии, направленные на консолидацию отношений с соседями по региону.[10] Нынешний президент Турции, а в то время исполняющий обязанности премьер-министра Абдулла Гюль, в конце 2002 – начале 2003 г. посетил многие страны региона – Сирию, Египет, Иорданию, Королевство Саудовской Аравии (КСА) и Иран. А в середине января 2003 г. Анкара призвала к проведению беспрецедентного саммита с участием руководителей Ирана и влиятельных арабских государств региона, и 23 января 2003 г. в Стамбуле такая встреча состоялась.[11]

Последующие годы обозначились все большей интенсификацией политических и экономических связей Анкары с мусульманскими странами Ближнего Востока. Особо интенсивно стали развиваться отношения Турции с Ираном, Сирией и КСА.

В отношениях Анкары и Тегерана просматривались схожие позиции относительно иракского кризиса и курдского вопроса. К тому же оба государства поддерживают сегодня друг друга в других затрагиваемых их региональных проблемах: кипрском вопросе и иранской ядерной проблематике. Не менее сильно развиваются и экономические отношения. За период 2003-2009 гг. товарооборот между Турцией и Ираном вырос в пять раз.[12]

После визита в 2004 г. в Анкару президента Сирии Б.Асада наметилось улучшение и в турецко-сирийских отношениях. Стороны достигли понимания по ключевым проблемам, ранее которые приводили к напряженности в двусторонних отношениях: курдскому вопросу и распределению водных ресурсов. К тому же турецкое руководство выразило поддержку Сирии в возвращении Голанских высот, захваченных Израилем в ходе

«Шестидневной войны» 1967 года.[11] В декабре 2009 г. состоялся официальный визит Р.Эрдогана в Дамаск. Во время визита было подписано более 50 соглашений, касающиеся сфер торговли, транспорта, использования водных ресурсов и др.[13]

Начиная с 2009 г. активизируется двусторонний диалог между Турцией и Саудовской Аравией. 3 февраля 2009 года состоялся официальный визит президента Турции А. Гюля в КСА. А.Гюль стал первым президентом мусульманской страны, выступившим с речью перед Консультативным советом Саудовской Аравии. Напомним, что визит турецкого президента носил характер ответного визита. Король Абдалла дважды посещал Турцию: в 2006 г. и в 2007 г. Для турецко-саудовских отношений эти события стали знаковыми, поскольку со стороны Саудовской Аравии визитов такого уровня не было на протяжении 40 лет. Что касается Турции, то предыдущий визит турецкого президента состоялся лишь в 1990 году.[14] В январе 2010 года по приглашению министра иностранных дел Саудовской Аравии принца Сауда аль-Фейсала Эр-Рияд посетил министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу. Наряду с двусторонними отношениями, на переговорах были обсуждены такие вопросы, как последнее развитие событий на Ближнем Востоке, особенно палестино-израильские отношения, ядерная программа Ирана, а также ситуация в Йемене и Афганистане.[15]

Сближение Турции с мусульманскими государствами Ближнего Востока, а также поддержка Палестины в арабо-израильском конфликте, вызвало резкое ухудшение отношений между Анкарой и Тель-Авивом. 29 января 2009 года в рамках Международного экономического форума в Давосе разразился скандал, после того как Р.Т.Эрдоган стал обвинять Израиль в массовых убийствах палестинцев во время операции в Газе. В знак протеста турецкий премьер-министр демонстративно покинул форум.[16] Следующий дипломатический скандал был связан с показом в Турции популярного сериала «Долина Волков»(Kurtlar Vadisi Pusu), в котором израильские военные показывались виновниками убийства невинных палестинцев. Вследствие чего, 11 января 2010 г. послу Турции в Израиле был выражен протест в оскорбительной форме. Турция, в свою очередь, временно отозвала своего посла и пригрозила вообще закрыть посольство.[17]

Турция – США, Россия. Не менее приоритетными являются сегодня отношения Анкары с Вашингтоном и Москвой. Во взаимоотношениях Турции и Америки, в период правления Д.Буша младшего, долгое время сохранялась напряженность, начавшаяся после того, как Анкара отказалась предоставить

сухопутный проход для подразделений вооруженных сил США с целью нападения на Ирак с севера в 2003 г. В дальнейшем возникли и другие проблемы в турецко-американских отношениях, вызванные поддержкой со стороны Вашингтона курдов, с целью дестабилизации ситуации на севере Ирака, а также проиранской позицией Анкары относительно ядерной программы Тегерана. Еще большие осложнились отношения двух стран после принятия Палатой Представителей США в октябре 2007 г. законопроекта подтверждающего геноцид армян 1915-1923 гг. в Османской империи.[18]

С приходом к власти в начале 2009 г. администрации Барака Обамы, США внесли ряд корректировок в свою стратегию внешней политики. Свои главные внешнеполитические цели новая администрация сформулировала следующим образом: 1) восстановить авторитет Америки в мире; 2) начать диалог с друзьями, партнерами и противниками на основе взаимного уважения; 3) приступить к совместной работе по созданию партнерств. Действуя в рамках этих целей, свой первый заокеанский визит в апреле 2009 г. Б. Обама неслучайно осуществил в Турцию. Турция, была единственной мусульманской страной Ближнего Востока, развивающей долгое время тесное сотрудничество с Вашингтоном в военной и экономической областях.[19]

Визит премьер-министра Турции Т.Эрдогана в США 7-10 декабря 2009 г. был призван не только свидетельствовать об укреплении турецко-американских союза, возрождение которого провозгласила администрация Б.Обамы после прихода к власти, но показывал усиление значимости Турции в ближневосточном регионе. В ходе встречи Белый Дом заявил, что рассчитывает на поддержку Турции в урегулировании ситуации вокруг ядерной программы Ирана.[20] Несмотря на некоторое потепление в отношениях, в марте 2010 г. Турция вынуждена была отозвать своего посла из Вашингтона вследствие принятия Палатой Представителей США новой резолюции относительно признания геноцида армян.[21]

Более интенсивно, и менее противоречиво развиваются сегодня турецко-российские отношения. На уровне первых лиц производится регулярный обмен посланиями по актуальным вопросам двусторонних отношений, осуществляются телефонные переговоры. Так, в марте 2008 г. президент Турции А.Гюль поздравил Д.А.Медведева с избранием на пост Президента России. 5 июля 2008 г. в Астане «на полях» саммита руководителей ряда государств в связи с 10-летним юбилеем столицы Казахстана состоялась их встреча. 12-15 февраля 2009 г. Президент Турции А.Гюль находился с государственным визитом в России, в рамках которого была подписана

Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства. Качественно новым этапом российско-турецких отношений стал визит премьер-министра РФ В.В. Путина в Турецкую Республику в августе 2009 г. Анкара высоко оценила итоги визита, в ходе которого было подписано 20 межправительственных соглашений.[22] Позже, в январе 2010 года во время визита Р.Т.Эрдогана в Москву были подведены основные итоги российско-турецкого сотрудничества, а также обсуждены дальнейшие перспективы торгово-экономических отношений.[23]

Столь резкое усиление турецко-российских отношений было не случайным. Россия для Турции, прежде всего, важный экономический партнер. Торговый оборот между странами в 2009 г. составил около 40 млрд долл.[24] Также, не смотря на заключенные договора с Ираном, в области энергетики, Турция остается зависимой от российских поставок энергоносителей. Напомним, что Турция получает от России 29% всей импортируемой нефти и 63% природного газа.[25]

Турция – ЛАКБ. Начала современных турецко-латиноамериканских отношений были заложены в апреле 1995 года во время исторического визита девятого президента Турции Сулеймана Демиреля в Бразилию, Аргентину и Чили. С этими государствами были подписаны основополагающие договора и соглашения. А в 1998 и 2006 гг. Анкара утвердила «Планы действия по отношению к странам Латинской Америки». Эти документы определяли политические, экономические и правовые основы отношений Турецкой Республики со странами латиноамериканского региона.[26]

В настоящее время особо интенсивно развиваются отношения Турции с Бразилией, Мексикой, Чили и Кубой. Бразилия и Мексика выступают важными экономическими партнерами Турции. Чили – исторически дружественное для Турции государство. В 2007 г. в Анкаре была торжественно открыта площадь в честь известного чилийского поэта и дипломата Пабло Неруда.[27] Не менее дружественным государством для Турции является и Куба. Практически ежегодно в Турции проводятся парады в поддержку нынешнего кубинского лидера Фиделя Кастро. Кроме того, происходят частые встречи коммунистических партий двух стран.

Начиная с 2008 г. произошло резкое усиление торгово-экономических отношений между Турцией и Кубой, вследствие подписания ряда соглашений в

2006-2007 гг. Товарооборот между странами возрос более чем в 20 раз, с 33,5 млн долл в 2007 г. до 830 млн долл в 2008 г.[28]

Турция – Восточная Азия. Не менее интенсивно развиваются сегодня отношения Турции с ведущими государствами Восточноазиатского региона: Китаем и Японией. Также как большинство стран ЛАКБ, эти государства являются для Турции важными экономическими партнерами. Торговый оборот между Турцией и Китаем составлял порядка 15 млрд долл. в 2009 г. и вывел Китай на третье место в число важнейших экономических партнеров Турции.[24] Несмотря на столь развитые экономические отношения между странами, современные отношения между Анкарой и Пекином переживают не лучшие времена. Основными проблемами, затрагивающими оба государства, являются: поддержка Китаем Южного Кипра, а также проблема вокруг Синцзяня (уйгурский вопрос). Как известно, 5-7 июля 2009 г. в Урумчи было жестоко подавлены выступления уйгуров (более 500 погибших и 1600 раненых), стремящиеся провозгласить независимость Синцзяня. Премьер-министр Турции Р.Эрдоган обвинил Китай в геноциде уйгурского населения.[29] Примечательно, что всего за неделю до событий в Урумчи, 28 июня 2009 г. Р.Эрдоган находился в Токио с официальным визитом.

Начиная с 2004 г. активизировались и отношения Анкары с Токио. В апреле 2004 г. состоялся официальный визит Р.Эрдогана в Японию. Стороны выразили намерение активно развивать торгово-экономические связи между странами. В июне 2008 г. Токио посещал президент Турции А.Гюль. По окончании визита было объявлено, что 2010 г., будет годом Японии в Турции.[30]

Подводя итог, следует сказать, что с приходом к власти ПСР внешняя политика турецкого государства претерпела изменения. Турция сегодня развивает отношения не только с евразийскими государствами, но и странами других континентов. Усилилась и роль турецкой дипломатии в международных отношениях, которая выступает с одной стороны, в образе посредника в решении как региональных, так и внерегиональных проблем, с другой стороны, является «двигателем» турецких интересов в мире.

Примечания

1. Бакустин, А.В. Турция, Россия и государства Центральной Азии в XXI веке // Россия и современный мир. №2(63).2009.- С. 182.
2. Гаджиев, К.С. Введение в геополитику. М.: Издательство «Логос».- 2000.- С. 188.

3. Эрдоган: Турция — не обуза для ЕС, а помощник / <http://www.rosbalt.ru/2010/04/07/726427.html>
4. Мухаммед Карадаг. Внешняя политика Партии Справедливости и Развития (ПСР) / Внешняя политика Турецкой Республики в условиях глобализации. Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород. 2006.- С. 27.
5. Гаджиев, А.Г. Процесс вступления Турции в ЕС и копенгагенские критерии // Современная Турция: проблемы и решения. Сборник статей. М., 2006.- С. 123-124.
6. Турция и Евросоюз: <http://ru.wikipedia.org>
7. Dokuzuncu kalkınma planı (2007-2013). AB Katılım Süreci. TBMM. 2006.- P. 11.
8. Колобов, О. А. Стратегические ориентиры современной внешней политики Турецкой Республики / Актуальные проблемы изучения современной Турции: Материалы междунаучной конференции 27 апреля 2007 г. Новгород: ИСИ ННГУ, 2007.- С. 6.
9. Кудряшова, Ю. С. Перспективы дальнейшего сближения Турции с ЕС и его последствия для России // Востокведный сборник (Выпуск 8). М., 2007.- С. 118-120.
10. Свистунова, И. А. О влиянии иракского фактора на развитие отношений Турецкой Республики с Ираном / Ближний Восток и современность (выпуск 29). Сборник статей. ИИИиБВ. М., 2006.- С. 158.
11. Арутюнян, А.Э. К вопросу о взаимоотношениях между Турцией и Сирией в конце XX – начале XXI вв. // Современная Турция: проблемы и решения. Сборник статей. ИИИиБВ. М., 2006.- С. 157.
12. Türkiye – İran ticari ve ekonomik ilişkileri / Dış Ekonomik İlişkileri Kurulu: <http://www.deik.org.tr>
13. Премьер Турции уничтожит преграды десятилетий вражды с Сирией / <http://www.verbum.com.ua/index.php/turkishnews/turkey-exte/1388-erdogan-in-syria>
14. Свистунова, И.А. Визит президента Турции в Саудовскую Аравию / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/11-02-09b.htm>
15. Глава МИД Турции встретился с королем Саудовской Аравии / <http://ru.trend.az/regions/met/turkey/1611669.html>
16. Премьер Турции стал почетным жителем Тегерана за поступок в Давосе / <http://www.rian.ru/world/20090202/160791840.html>
17. Турция поссорилась с Израилем из-за сериала / <http://www.newsr.com/world/12jan2010/posol.html>
18. ABD-Türkiye ilişkileri. Ermeni soykırımı iddiaları ve A.B.D / : <http://tr.wikipedia.org>
19. Гаджиев, А.Г. Турция во внешнеполитической стратегии США на Ближнем и Среднем Востоке / http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

20. Свистунова, И.А. Об отношениях Турции и США / http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
21. Турция в знак протеста отозвала своего посла из США / <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5322349,00.html>
22. О динамике отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой / Официальный сайт посольства России в Турции: http://www.turkey.mid.ru/hron2_r.html
23. Встреча с Премьер-министром Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом / Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6628>
24. TÜİK. İstatistiklerle Türkiye. Türkiye istatistik kurumu. 2009.
25. Турция инвестирует 12 млрд долларов в иранский газ для уменьшения зависимости от России / http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=54660
26. Latin Amerika ve Karayipleri Toplantıları. Çalıştay sonuç raporu №35. Tasam yayınları.- 2009.
27. Chile–Turkey relations / http://en.wikipedia.org/wiki/Chilean%E2%80%93Turkish_relations
28. Küba. Ülke raporu. İstanbul Ticaret Odası. Ekonomik ve sosyal araştırmalar şubesi. Ekim 2008.
29. Китай требует от Турции отказаться от обвинений в геноциде уйгурского населения / <http://www.gzt.ru/topnews/politics/249083.html>
30. Selçuk Çolakoğlu. 2010 Japonya Yılı ve Türk-Japon İlişkilerini Yeniden Kurgulamak / <http://www.usakgudem.com>

РОЛЬ КЛЮЧЕВЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ВЕДОМСТВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

А.С. Видяйкин

В условиях современных многогранных и многовекторных международных отношений внешняя политика любого развитого государства должна соответствовать требованиям, предъявляемым к ней современными реалиями международной жизни. Кроме собственно политического фактора, современные концепции внешней политики непременно должны учитывать экономические интересы государства, соответствовать концепциям и стратегиям национальной безопасности, а также продвигать интересы страны в социокультурном пространстве. Для этого внешняя политика должна быть концептуализирована, то есть в процессе формирования внешнеполитических концепций должны строго учитываться рекомендации целого ряда правительственных учреждений, с той целью, чтобы общая стратегия внешней

политики создавалась не для достижения сиюминутных целей, а отражала курс государства на годы вперед, охватывая полный спектр государственных интересов.

В этом аспекте ситуация в Турции заслуживает особого внимания, так как Турецкая внешняя политика в настоящее время переживает период расцвета, а сама Турция, являясь одним из самых влиятельных государств обширного региона, включающего Ближний Восток, Закавказье и Центральную Азию, ключевым образом задает тон международным отношениям в вышеуказанном регионе.

Кроме того, нынешнее турецкое руководство является довольно последовательным в своих действиях и стремится развивать максимально тесные и взаимовыгодные отношения как со странами Ближневосточного региона, так и со странами Западного мира, включая Российскую Федерацию.

Сегодня с определенной долей уверенности можно говорить, что Турция всесторонне готова к тому, чтобы вести самостоятельную внешнюю политику, не озираясь на то, что ее действия на международной арене в той или иной степени могут пойти вразрез с интересами ее стратегических партнеров по НАТО и ряду ключевых международных организаций, в которых Турция состоит: как, например, Организация Исламская Конференция или же Союз для Средиземноморья. Кроме того, турецкая внешняя политика на настоящий момент не настолько сильно замкнута на сопоставлении себя с интересами США и Израиля, особенно в регионе Ближнего Востока.

В пример этому можно привести ситуации, когда турецкие официальные лица в довольно жесткой по дипломатическим меркам форме заявляли, что Соединенным Штатам Америки следовало бы решать собственные проблемы и ссылаются на ключевой принцип международного права, запрещающий вмешательство во внутренние дела государства, намекая американским коллегам на невозможность их прямого влияния на турецкие международные дела, что, тем не менее, не мешает американцам пользоваться большими преференциями и лоббировать через Турцию свои интересы в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии [1]. Кроме того, турецкое руководство позволяет себе в достаточно резких тонах реагировать на американские попытки открыто диктовать Турции, что и как нужно делать. Соединенным Штатам Америки, хотя бы они того или нет, уже приходится соглашаться с тем, что даже несмотря на сохранение определенного влияния на турецкое правительство, их влияние за последние годы пошло на спад и им с недавних

пор не удастся прямо манипулировать Турцией и навязывать внешнюю политику, выгодную исключительно США [2].

Последние попытки США вмешаться в проблему признания геноцида армян в Османской Империи и установления Турецко – Армянских отношений вызвали волну недовольства в Турции и очень жесткую реакцию Турецкого Министерства Иностранных Дел. Министр Иностранных Дел Турции Ахмет Давутоглу 16 апреля сего года заявил, что США не следует вмешиваться в сугубо турецкие дела и выразил уверенность в том, что отношения с Арменией будут планомерно развиваться по «греческому» сценарию, а начавшийся встречей в рамках так называемой «футбольной дипломатии» период значительного «потепления» двусторонних отношений, позволит заложить прочный фундамент для дальнейшего развития связей между Анкарой и Ереваном [3].

Важно отметить, что Турция начала вести себя подобным образом после избрания Президентом США Барака Обамы, который несколько снизил напор на Ближневосточных партнеров, занявшись внутренними проблемами в самих США. Турецкая пресса, кстати говоря, с этого же момента стала гораздо более жесткой по отношению к США, и когда американцы проявляли попытки вернуть свое влияние на Турецкую внешнюю политику, турецкие СМИ начинали писать о возможности закрытия воздушного пространства над своей территорией для полетов американских ВВС для реализации Иракской кампании.

Все эти примеры подчеркивают возможность Турции формировать и реализовывать в достаточной степени независимую внешнюю политику, максимально выгодную только лишь Анкаре [4].

Сегодня Турция имеет значительное количество центров, прямо влияющих на принятие внешнеполитических решений. Целый ряд правительственных ведомств продвигают свои цели и собственные интересы во внешней политике, что, в конечном счете, является довольно серьезной «головной болью» Реджепа Тайипа Эрдогана и его аппарата, в чьи обязанности входит компиляция целого спектра мнений, интересов, пожеланий и предложений, зачастую противоречащих друг другу, в процессе разработки основных концептуальных документов и общего курса внешней политики Турецкой Республики.

Очень важной особенностью Турции, как ближневосточной страны, является, безусловно, тот факт, что Турецкая Республика - светское государство,

поэтому религиозный фактор хоть и важен, но не является основополагающим, как, например, в Исламской Республике Иран, где религия – основа жизни, а также главный инструмент и «диктатор» внешней и внутренней политики. В Турции же главным фактором, определяющим характер принятия всех политических решений является, как известно, национализм [5].

Данная теория имеет под собой очень весомые основания, так как согласно преамбуле последней турецкой Конституции 1982 года эта Конституция «сформулирована в соответствии с концепцией национализма...», а неизменяемая статья 2 Конституции гласит, что «Турецкая Республика является демократическим, светским государством, основанном на нормах права, опирающимся на концепцию общественного спокойствия, национальной солидарности и справедливости, уважающим права человека, верным национализму Ататюрка и основанным на главных принципах, изложенных в преамбуле» [6].

Подчеркну, что со времен Мустафы Кемаля принцип национализма оставался неизменным и до сих пор оказывает существенное влияние на процесс формирования внешней политики Турецкой Республики.

В этот самый процесс вовлечены, в первую очередь, чиновники канцелярий Премьер – Министра, Министра Иностранных Дел, Президента Турецкой Республики. Кроме представителей правительственных ведомств, существенное влияние на формирование и реализацию внешнеполитического курса страны оказывают вооруженные силы, которые позиционируются в самой Турции не только как военная, но и как обособленная политическая сила, а также разного рода партии, в основном, либерально-буржуазного, националистического и исламистского толка. Мы можем смело дополнить этот список представителями турецких бизнес - структур, а также частными средствами массовой информации, оказывающими немалое влияние и формирующие во многом общественное мнение в Турции. Кроме этого, нельзя не отметить очень большой вклад спецслужб в разработку внешнеполитических концепций, так как именно на основании их информации часто строится общая стратегия развития отношений между Турцией и другими государствами.

Что касается армии, то даже несмотря на некую утрату ей своих политических позиций, роль ее в процессе формирования внешней политики по-прежнему чрезвычайно высока. Это подчеркивается даже тем фактом, что из 11 президентов, руководивших страной с момента провозглашения в Турции республики, 6 имели генеральские звания [7]. До 1989 года военные

организации вроде Комитета национального единства и Совета национальной безопасности в обход официальных властей страны диктовали внешнеполитический курс Турции. Гражданские же президенты, начиная с Тургутта Озала, явно были недовольны ролью статистов в процессе принятия решений и стремились всячески понижать роль армии в международных делах, что в условиях турецкой реальности сделать довольно проблематично. И именно в контексте внешнеполитической проблемы в Турции произошел первый крупный конфликт гражданской и военной власти, когда военные не согласились с намерениями Озала о разрешении воздействия международных на Ирак с турецкой территории в 1990 году. Напряженные отношения между армией и политической властью сохранялись и во время президентства Сулеймана Демиреля, а также предпоследнего Президента Турции Ахмета Недждета Сезера. Но нужно сказать, что отношения эти хоть и были довольно прохладными, но, в то же время, были вполне приемлемыми, чего не скажешь об отношениях между вооруженными силами и новым происламским президентом - представителем Партии Справедливости и Развития А.Гюлем. Новое руководство страны провело через Парламент ряд важных документов, резко ограничивающих роль армии в политике страны [8]. С этого момента началось противостояние ведомств, закончившееся не в пользу вооруженных сил. Как известно, в 2003 году ПСР ликвидировала суды государственной безопасности, находившиеся в подчинении армии, а также резко снизила статус Совета Национальной безопасности, где было явным доминирование военных, сделав его, по большому счету, совещательным органом.

Однако, несмотря на все указанные проблемы армии, она все еще остается довольно важным участником процесса формирования внешней политики. Это в том числе связано с членством Турции в НАТО и с авторитетом армии в народной среде.

Еще одной важной силой являются, конечно же, политические партии. Особенность турецкой партийной системы заключается в том, что электорат ориентируется не на программу партии, а на личность ее лидера. Именно это позволило молодым и амбициозным А.Гюлю и Р.Т.Эрдогану, совсем недавно бывшими «темными лошадками» в партии Благочестия Неджметтина Эрбакана, войдя в состав ПСР выделиться и стать настоящими лидерами современной Турции [9]. Став лидерами ПСР они имеют возможность продвигать новые взгляды, отличные от традиционных националистических взглядов Эрбакана. Но даже то, что и Гюль и Эрдоган являются Президентом и Премьером соответственно, не отменяет их борьбы между собой. Как известно, роль Президента в Турции скорее формальная, а реальной властью

распоряжается именно Премьер – Министр. Несомненно, рейтинги Р.Т.Эрдогана на сегодняшний день значительно выше рейтингов А.Гюля и именно поэтому ПСР, а вместе с ней и меджис продвигают именно идеи Эрдогана и лоббируя именно его интересы на международной арене.

Говоря о формировании внешней политики, нельзя забывать и про неправительственные организации, но, все же, необходимо признать, что их вклад в процесс принятия решений ничтожен по сравнению с вкладом ПСР или армии. Но тем не менее такие организации как Агентство Турецкого Сотрудничества и Развития (ТИКА), Турецкий директорат по религиозным вопросам (TDRA), Центр Фетхуллага Гюлена, Фонд «Авразия Бир» в определенной степени старались лоббировать свои интересы в парламенте через своих людей, которые будучи депутатами, состояли в этих организациях.

Но вернемся к тематике исследования. Учитывая последние обстоятельства, можно с уверенностью говорить, что реальной властью, способной участвовать в процессе формирования внешней политики являются глава ПСР, премьер-министр Турции Р.Т.Эрдоган, Президент ТР Абдулла Гюль, армейское руководство и сотрудники Национальной разведывательной службы (МИТ), Министр Иностранных дел Ахмет Давутоглу. Достаточно сложно судить о том, как распределены полномочия в этой группе влиятельных политиков, но с уверенностью можно говорить, что внутри этой группы ведется ожесточенная борьба за право внесения максимального количества выгодных лично себе и своей должности проектов, которые проводятся через парламент. Также мы можем говорить, что в настоящее время в Турции есть человек, способный самостоятельно принимать решения любого уровня – нынешний Премьер-Министр ТР Р.Т.Эрдоган. Именно фигура Эрдогана в последние годы становится символом силы Турецкой Республики, а также гарантией того, что турецкая внешняя политика становится более направленной, но в то же время многовекторной и всеобъемлющей.

Примечания:

1. Mahir Zeynalov “US meetings reinvigorate Turkish-Armenian reconciliation” // Today’s Zaman, 18.04.2010
2. Turkish-Armenian Relations sabotaged by United States / History of truth, 05.05.2010 // <http://www.historyoftruth.com/news/latest/6823-iranian-newspaper-turkish-armenian-relations-sabotaged-by-united-states>

3. Геворг Мирзаян “Футбольная дипломатия” подвела Эрдогана / Armenia Today // http://www.armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=22681
4. И.А.Свистунова “Внешняя политика Турецкой Республики в 2010 году” / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/24-01-10.htm>
5. “Ататюрк говорил, что...” / Официальный сайт Министерства культуры и туризма Турецкой Республики // <http://www.kultur.gov.tr/RU/Genel/BelgeGoster.aspx?1C04EA51480895DA7A2395174CFB32E17A68898AA874493B>
6. TÜRKİYE CUMHURİYETİ ANAYASASI / TBMM // <http://www.tbmm.gov.tr/anayasa.htm>
7. Former Presidents / Presidency of the Republic of Turkey // http://www.tccb.gov.tr/pages/past_presidents/
8. Краснов В.Н. “Роль армии в политической системе Турецкой Республики” / Юридическая Россия // <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=185752>
9. Adalet ve Kalkınma Partisi / Wikipedia // http://tr.wikipedia.org/wiki/Adalet_ve_Kalkınma_Partisi#Tarih.C3.A7e

Круглый стол

«Российско – турецкие отношения: достижения, риски, перспективы»

РОССИЙСКО – ТУРЕЦКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО УКРЕПЛЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ ЗАКАВКАЗЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

А.А.Корнилов

В настоящее время Россия и Турция имеют общее понимание угроз региональной безопасности и разделяют целый ряд мер по преодолению этих угроз.

Взаимопонимание между Москвой и Анкарой обозначается, прежде всего, на концептуальном уровне, на уровне внешнеполитической стратегии. Как заявляет Стратегия национальной безопасности РФ, принятая в 2009 г.: «Российская Федерация обладает достаточным потенциалом для того, чтобы рассчитывать на создание в среднесрочной перспективе условий для ее закрепления в числе государств - лидеров в мировой экономике на основе эффективного участия в мировом разделении труда, повышения глобальной конкурентоспособности национального хозяйства, оборонного потенциала, уровня государственной и общественной безопасности». Важнейшим национальным интересом РФ обозначены усилия по превращению «Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира» [1].

Другой фундаментальный документ внешней политики Москвы – Концепция внешней политики РФ 2008 г. обращает внимание на «объективное повышение роли многосторонней дипломатии, международных институтов и механизмов в мировой политике и экономике, вызванное усилением взаимозависимости государств, необходимостью повышения управляемости мирового развития» [2]. Многовекторность внешней политики России, разноплановость и гибкость характеризуют подходы президента Д. Медведева и

премьер-министра В. Путина к решению острых проблем международных отношений, в том числе и отношений в регионе Закавказья.

Подобные многовекторные и прагматичные подходы мы открываем и во внешнеполитической философии политического руководства Турецкой Республики. Международные отношения Анкары базируются преимущественно и главным образом на концепции «Stratejik Derinlik» – концепции «стратегической глубины» министра иностранных дел, профессора Ахмета Давутоглу. Министр иностранных дел Турции, много лет бывший советником премьер-министра Р.Т. Эрдогана и президента А. Гюля, развивает свою внешнюю политику на базе нового географического подхода. А. Давутоглу оставил в стороне прежние стереотипы и представления, будто соседние Турции страны являются источником вражды и конфликта. Освобождение от «груза» прошлого позволило Анкаре перейти к многовекторной, очень прагматичной и очень гибкой внешней политике, которая включает довольно необычный инструментарий разрешения конфликтов в Закавказье [3].

Классическим примером реализации новой внешней политики А. Давутоглу стала позиция Анкары в отношении кризиса на Кавказе в августе 2008 года. Как известно, концепция «стратегической глубины» А. Давутоглу предполагала влияние Турции не в рамках территорий государств, а в рамках международных проблем: проблем безопасности, разрешения конфликтов, преодоления других форм международного беззакония. Поэтому накануне, в период и после 5-дневной войны в Южной Осетии и Грузии Турция отказалась поддержать только Грузию, с которой развивала дружественные отношения. Наоборот, по итогам войны Анкара предложила многостороннюю дипломатическую инициативу под названием «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе». Турецкое руководство предложило всем странам Закавказья разделить ответственность за судьбу региона, за его безопасность и развитие. Платформа отражала многосторонний подход, желание Анкары защищать метод многосторонней дипломатии. На наш взгляд, турецкая инициатива родилась не вдруг и не по следам войны за Южную Осетию. Эта инициатива стала итогом многолетних размышлений и обсуждений внутри внешнеполитических ведомств Турции по поводу тупика, в который зашли не только Грузино-Осетинский и Грузино-Абхазский конфликты, но и Нагорно-Карабахский конфликты. В тупик зашли и переговоры Турции с Европейским Союзом. Турция оказалась в определенной изоляции. Война за Южную Осетию была лишь катализатором выхода турецкой инициативы в свет.

Показательно, каким образом премьер-министр Р.Т. Эрдоган объяснил

позицию своей страны, прежде занимавшей четкую прозападную позицию, которая часто воспринималась в Москве как антироссийская. Р. Эрдоган заявил: «Америка – наш союзник, а Россия – важный сосед. Россия является нашим торговым партнером номер 1. Две трети нашей энергии мы получаем из России. Мы действуем в своих национальных интересах...Мы не можем игнорировать Россию» [4]. Показательно также, с какой мобильностью премьер-министр Р. Эрдоган и президент Турции А. Гюль совершали свои зарубежные визиты по завершении войны на Кавказе. Своими поездками и интенсивными переговорами с государствами Закавказья турецкие лидеры подтвердили приверженность принятому курсу на многостороннюю дипломатию.

Прошел год с августовской войны на Кавказе. Турция и Россия вышли на устойчивый уровень межправительственных консультаций и взаимодействия. Знаковым оказался визит председателя российского правительства В.В. Путина в Турцию в августе 2009 года. В ходе состоявшихся переговоров В. Путина с турецким руководством были не только подписаны 20 документов, но и обсуждены конкретные вопросы безопасности в Закавказье.

«В ходе нашей беседы с Путиным мы обсуждали злободневные вопросы нашего региона, – сказал на пресс-конференции премьер-министр Р. Эрдоган. - По международным и региональным вопросам мы в основном занимаем схожие позиции, что вызывает огромное удовлетворение. Также с целью координации многопланового стратегического партнерства, мы планируем между нашими правительствами на высоком уровне провести встречи. В начале 2010 года в Российской Федерации В.Путин реализует эту ежегодную инициативу на уровне премьер-министров. Под патронажем премьер-министров встретятся исполнительные ведомства и министерства. Также в течение года представители министерств встретятся между собой, и, таким образом, будет возможность посмотреть, что сделано по намеченным планам. Таким образом, будет постоянный диалог между нашими правительствами».

Российско-турецкое сотрудничество получило мощный импульс от предложения Р. Эрдогана создать турецко-российский университет в Турции. Глава турецкого правительства так объяснил свою идею: «Нам нужна молодежь, которая владеет русским языком, поэтому в Турции мы намерены создать турецко-русский колледж и турецко-русский университет. Я сделал такое предложение, и мой дорогой друг господин Путин положительно отреагировал на него. Это означает, что мы в самом скором времени начнем эту работу» [5].

В свою очередь, В. Путин раскрыл перед журналистами часть того, что

обсуждалось на переговорах в Анкаре.

«В.В.Путин: Что касается карабахского вопроса, то и я в свое время многократно говорил, а сейчас в эту работу самым активным образом включился и Президент Д.Медведев. Он регулярно встречается с лидерами обоих государств и проводит большую позитивную работу, связанную с урегулированием карабахской проблемы. Я говорю без всякого преувеличения: именно большую, позитивную работу. Россия заинтересована в этом урегулировании и, наоборот, не заинтересована ни в каких конфликтах на Кавказе. Потому что любая конфликтная ситуация мешает развитию наших отношений с той или другой страной. Позиция России всегда заключалась в том, что мы не можем подменять собой конфликтующие стороны. Мы можем выступать только гарантами этих процессов и договоренностей. Мы будем всячески помогать тому, чтобы эти договоренности и компромиссы были найдены, достигнуты и привели бы к полному и окончательному урегулированию» [6].

Официальный визит президента России Д.А. Медведева в Турцию 12 мая 2010 г. стал следующим этапом беспрецедентного со времен Кемаля Ататюрка-Ленина сближения двух стран.

В ходе визита российского президента были подписаны следующие важные документы, предусматривающие долгосрочный уровень взаимодействия Москвы и Анкары:

Соглашение между Правительством РФ и Правительством Турецкой Республики о воздушном сообщении

Соглашение между Правительством РФ и Правительством Турецкой Республики по морскому транспорту

Соглашение о сотрудничестве между МВД Российской Федерации и Министерством внутренних дел Турецкой Республики

Меморандум о взаимопонимании между Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и Министерством внутренних дел Турецкой Республики о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров

Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования и науки Российской Федерации и Советом по высшему образованию Турецкой Республики о сотрудничестве в области высшего образования [7].

Создан российско-турецкий Совет сотрудничества высшего уровня. Образование подобной структуры отвечает как уже упоминавшейся концепции «стратегической глубины», так и многовекторной внешней политике Российской Федерации. Совет должен стать руководящим органом, разрабатывающим стратегию и основные направления развития отношений между Россией и Турцией. Совет будет координировать реализацию важных проектов политического, торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. Кроме того, в рамках Совета создаётся совместная группа стратегического планирования под руководством министров иностранных дел для обсуждения основных вопросов российско-турецкого взаимодействия в международных делах, которая будет собираться не реже одного раза в год. Достигнута также договоренность о создании форума общественности двух стран. Заседания Совета сотрудничества высшего уровня будут проводиться один раз в год [8].

В ходе визита были подписаны соглашения, среди которых выделяется соглашение об отмене въездных виз для граждан РФ и Турции, прибывающих на срок до 30 дней. Это взаимное обязательство значительно облегчает возможности развития туризма, научных, культурных и, конечно, деловых контактов двух народов и двух стран [9].

Вышеназванные соглашения и российско-турецкие институты, без сомнений, укрепляют общее понимание и пути решения проблем безопасности Закавказья, и не только Закавказья, но также Ближнего Востока и Центральной Азии.

На уровне министров иностранных дел ведутся политические консультации. Они приобрели систематический характер и, что самое важное, их содержание стало более предметным и откровенным. Так, в июле 2009 г. в Москву состоялся визит архитектора турецкой концепции «стратегической глубины», министра иностранных дел А. Давутоглу. Министры С. Лавров и А. Давутоглу отметили близость подходов к решению проблем международной и региональной безопасности. «По международным вопросам наши подходы в подавляющем большинстве случаев близки или совпадают – сказал министр иностранных дел С. Лавров. - Это проявляется, в том числе в рамках нашего сотрудничества в ООН и в ее Совете Безопасности, где Турция сейчас является непостоянным членом. В русле одобренных мировым сообществом общих подходов Турция и Россия активно и инициативно способствуют скорейшему урегулированию ситуации в Ираке, всеобъемлющему ближневосточному урегулированию, выступают с ответственными конкретными предложениями,

содействующими движению в этом направлении. Мы также заинтересованы в исключительно мирном урегулировании вопросов, связанных с иранской ядерной программой. Сегодня также состоялся обмен мнениями по ситуации в Закавказье во всех ее аспектах с учетом, в том числе турецкой инициативы о разработке Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» [10].

Шагом навстречу России в деле регионального сотрудничества мы считаем уникальный визит министра А. Давутоглу в Грузию 8-9 сентября 2009 Г., потому что он совпал с визитом заместителя министра иностранных дел Юнала Шевикёза (Ünal Çeviköz) в Абхазию. Заместитель министра встретился в Сухуми с официальными лицами Республики Абхазия. Шевикёз является опытным дипломатом. В свое время он служил послом Турции в Азербайджане и прекрасно осведомлен о ситуации в регионе Закавказья и регионе Большого Кавказа в целом [11].

Визит официального дипломатического представителя Турции в Абхазию сам по себе означает факт косвенного признания бывшей части Грузии самостоятельным субъектом международных отношений. И хотя Турция пока не следует примеру России, Никарагуа и Венесуэлы, признавших Сухуми, этот шаг турецкой дипломатии следует рассматривать как расширение той самой «стратегической глубины». Мы полагаем, что Турция признает сложившуюся после августа 2008 года реальность и желает взаимодействовать со всеми участниками конфликта и региональными субъектами. Турецкая дипломатия желает сделать – одна из первых – ощутимые шаги для интеграции Абхазии в орбиту своего экономического и политического влияния. Вполне возможно, что отношения Турции с Абхазией, пока не признанной международным сообществом, выведут эту бывшую республику Грузии на международную арену сотрудничества, а не конфронтации. В этом выходе, в этой легитимации Абхазии Российская Федерация заинтересована более всего. Преследуя цели усиления своего торгово-экономического и политического присутствия, Турция одновременно препятствует возможному вхождению Абхазии в состав России, что отвечает интересам Тбилиси. Вовлекая Абхазию в глубокие экономические отношения, в том числе в черноморские отношения, Турция выступает транзитным каналом гуманитарной помощи стран Запада этой маленькой стране. Выскажем еще одно соображение. Развитие отношений Турции и Абхазии должно, с точки зрения турецкого руководства, изменить позицию России применительно к Турецкой Республике Северного Кипра – также непризнанной международным сообществом стране.

Таким образом, Россия и Турция вместе выступают за многосторонний

подход к решению проблем безопасности Закавказья. Обе страны наладили очень важный механизм взаимодействия – межправительственные консультации и, что более важно, постоянный диалог внешнеполитических учреждений. Такой режим взаимодействия приводит к большей скоординированности действий двух стран, к пониманию общих угроз безопасности. Обе страны решительно отказываются планировать и вести политику, опираясь на стереотипы прошлого, на привычки делить страны и народы на «дружественные» и «враждебные». МИД обеих стран исповедуют мобильную, активную, а не реактивную дипломатию, ведут интенсивный диалог со всеми сторонами конфликтов Закавказья. Все вышеназванные обстоятельства отражают положительную динамику сотрудничества Москвы и Анкары.

Наряду с этим следует реалистично оценивать действия и России и Турции в Закавказье и видеть определенные проблемы. Сотрудничество двух государств имеет под собой очень четкую основу – национальные интересы. Интересы Турции и России в регионе могут не совпадать. Турецкое руководство исключительно из прагматических соображений (энергетика, географическая близость, общие невоенные угрозы, терроризм) взяло курс на сближение с Россией. Оставаясь надежным членом Североатлантического блока, Турция нашла выгоды в сотрудничестве с Россией. Турция расширяет везде свое присутствие с учетом интересов России: нормализует отношения с Арменией, Абхазией, сохраняет высокий, партнерский уровень отношений с Азербайджаном.

Однако и Российская Федерация имеет свои интересы в Закавказье, понимая и реализуя их по-своему. Поддерживая своего стратегического союзника Армению, Москва желает расширения своего конструктивного влияния в регионе. Многовекторность означает для Москвы постоянный маневр, гибкость мероприятий в отношениях с Арменией, Азербайджаном и Турцией при гарантиях безопасности и независимости Южной Осетии, Абхазии и той же Армении. Россия связывает проблемы Закавказья и отношения с Украиной, с Европейским Союзом. Россия не замыкается на конфликте с Грузией, потому что, как мы считаем, усиленные контакты Русской Православной Церкви с Грузинской Церковью в последние два года выступают очень ценным элементом дипломатии по урегулированию двусторонних отношений.

Сотрудничество России и Турции имеет еще одно важное измерение – сотрудничество экспертов. Во всех странах эксперты в области международных

отношений, национальной безопасности, какие бы должности они ни занимали, стремятся влиять на процесс выработки и принятия важнейших государственных решений. Кооперация России и Турции была бы еще более успешной, если бы включало широкое сообщество специалистов двух стран – международных, регионоведов, политологов, экономистов, юристов. Однако на пути сотрудничества экспертов-аналитиков есть свои проблемы, прежде всего, информационного плана. Пользуясь столь высокой трибуной, хотел бы обратиться к турецким коллегам-экспертам с предложением: усиливать англоязычные отделы Интернет-сайтов исследовательских центров. Российские ученые и эксперты должны знать больше о серьезных внешнеполитических идеях, которые обсуждаются в Турции. В настоящее время, пожалуй, только газета «Заман» публикует в Интернете впечатляющие англоязычные репортажи и экспертизу по внешнеполитическим вопросам. Но российские исследователи должны знать новости из сообщений турецких центров, турецких think tanks. Анкарский Фонд СЕТА и стамбульский Центр стратегических исследований мудрецов Бильгесам показывают в этом смысле хороший пример.

Подобная же проблема восприятия внешней политики стоит и применительно к Интернет-сайту министерства иностранных дел Турции. Англоязычная версия сайта стала чуть более подвижной, она чуть быстрее стала реагировать на события. Тем не менее, о примечательных, программных выступлениях министра иностранных дел А. Давутоглу мы узнаем либо очень поздно, либо из сообщений газет и информационных агентств, главным образом не турецких. К сожалению, до сих пор отсутствует англоязычная версия интернет-сайта премьер-министра Р. Эрдогана. О выступлениях премьер-министра мы в России также узнаем из сообщений СМИ, либо из аналитических трудов тюркологов. Создается впечатление, что пока турецкие имиджмейкеры и турецкие СМИ отстают от событий, проигрывают в информационных усилиях. Многие события не попадают в англоязычные тексты. В результате у аналитика и общественности создается довольно ограниченный, если не искаженный, образ внешней политики Анкары. На самом же деле турецкие лидеры и дипломаты ведут очень активную и в целом результативную политику.

Примечания:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года 13 мая 2009 года/ Президент России// www.kremlin.ru
2. Концепция внешней политики Российской Федерации 12 июля 2008 года, Пр-1440// Там же.

3. Подробнее см.: Bülent Aras. Davutoglu Era in Turkish Foreign Policy/ Zaman. July 4, 2009// <http://www.zaman.com> ; Richard Falk. Davutoğlu: Turkey's finest Foreign Minister republican era/ Zaman. September 02, 2009// www.zaman.com
4. PM Erdogan says Turkey must keep balance, cannot ignore Russia/ Hurriyet English. September 02, 2008// www.hurriyet.com ; Bülent Aras. Davutoglu Era in Turkish Foreign Policy/ Zaman. July 4, 2009// <http://www.zaman.com>
5. Вступительное слово Р.Т. Эрдогана/ В.В.Путин и Премьер-министр Турецкой Республики Р.Т. Эрдоган провели по итогам переговоров в Анкаре совместную пресс-конференцию/ Сайт Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина. Международные поездки. 6 августа 2009 г.// www.government.ru
6. Там же.
7. Список документов, подписанных по итогам переговоров Президента России Д. Медведева с Президентом Турецкой Республики А. Гюлем. 12 мая 2010 года/ Президент России// www.kremlin.ru
8. Создан российско-турецкий Совет сотрудничества высшего уровня. 12 мая 2010 года// Там же.
9. Medvedev, Gul call on firms to intensify ties// Zaman. May 14, 2010.
10. Стенограмма выступления и ответов на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Турции А. Давутоглу, Москва, 2 июля 2009 года/ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати// www.mid.ru
11. Hasan Kanbolat. Turkey-Abkhazia relations after Çeviköz/ Zaman. Sep 17, 2009// www.zaman.com

БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ В ТУРЦИИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

С.И.Грачев

Современное состояние терроризма оценивают специалистами, как начало новой, третьей (если учитывать «холодную войну» – четвертой) мировой войны. Она началась без объявления, и мы фактически живем в условиях военного времени. Никто ранее не предполагал, что эта война будет носить такой характер. К счастью, человечество «выросло» из такого неразумного

возраста, который позволял разрешать государственные конфликты путем вооруженных противостояний между целым рядом государств с каждой стороны. Традиционная мировая война делила мир на две противоборствующие и четко определенные силы. Мировая война теперь не знает границ, и одной из ее сторон выступает международный терроризм, лишенный государственности, национальности, нравственных идеалов и ценностей. В войну уже вовлечены многие государства, но до сих пор место совершения будущих военных действий известно только одной – неправой – стороне конфликта. Таким образом, эта война – война не только без правил и без границ, но и без конкретного места; война, в которой в столкновении – акте терроризма – солдаты, как правило, участвуют только с одной стороны, с другой есть невинные жертвы. И это война, в которой активные действия ее участников не совпадают по времени: террористы наносят упреждающие удары, мы, к сожалению, пока можем воздействовать очень немного на минимизацию последствий этих ударов.

Мировой криминологический прогноз в отношении терроризма не только однозначно пессимистичен, но попросту страшен. Происходит процесс расширения социальной, финансовой, национальной базы. Растет жестокость и агрессивность. Вполне возможно использование террористами оружия массового поражения. Ярким подтверждением этому служит целая серия террористических актов по всему миру в начале XXI века, в том числе и террористические акты в Московском метро (29 марта 2010 года), когда погибло 40 человек и около 100 было ранено. Человечество начинает понимать, что... все мы – мишени террористов, что наши города уязвимы, а наши ценности вызывают ненависть фанатиков, стремящихся уничтожить и наше общество, и наш образ жизни [1].

В своем докладе «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан 3 мая 2006 г. отметил: «Террористы используют слабые места как в развивающихся, так и в развитых государствах в целях финансирования, организации, оснащения и подготовки завербованных ими лиц, совершения своих нападений и избегания ареста. Поэтому укрепление потенциала во всех государствах должно являться краеугольным камнем усилий по борьбе с терроризмом в глобальном масштабе» [2].

Данного рода озабоченность была высказана руководителями государств и на прошедшем 12-13 апреля текущего года в Вашингтоне саммита по нераспространению ядерного оружия.

Сегодня международный терроризм практически непредсказуем, и тем более ему трудно противостоять. Организации типа Аль-Каиды и ее сторонники действуют в разных географических зонах вопреки здравому смыслу. Они все являются членами виртуального государства. Расширение этой организации приводит к воспроизведению ее основ в разных местах и к расширению ее деятельности. Ее иерархическая структура не отличается жесткостью, так что появляется возможность создавать объединения на больших пространствах и совершать террористические акты, оставляя организационное ядро инкогнито. Виртуальная структура террористической сети, коммуникации ее членов между собой имеют тенденцию быть на самом высоком уровне технического прогресса. Некоторые члены сети получают послания только по Интернету или путем видеороликов, что говорит о том, что они реально очень слабо между собой связаны. Некоторые аналитики считают, что Аль-Каида имеет таких последователей в разных странах мира, которые ей совершенно неизвестны, так что при других обстоятельствах собрать этих людей вместе не представится никакой возможности.

Профессора кафедры международных отношений Стамбульского университета Фатиха Бюлента Араса в одном из интервью отметил: « Несмотря на то, что международный терроризм имеет притязания во всемирном масштабе, в настоящее время, как это видно на примере Аль-Каиды, он все чаще атакует мусульманские страны. Эта организация часто говорит о своем намерении очистить исламский мир от так называемых иностранных элементов. Она побуждает своих последователей развернуть тотальную войну против западного мира, чтобы отомстить за те несправедливости, которым подвергаются мусульмане во всем мире. Эта цель эффективно достигается путем подстрекательства на операции местного масштаба, причем преимущество отдается мнимым коллаборационистам».

Ярким примером этому служат ноябрьские террористические атаки 2003 г. в Стамбуле, где состоялись серии из двух атак международного терроризма (взрыв двух синагог 15 ноября, нападения на британское консульство и филиал британского банка HSBC 20 ноября). Это в значительной мере указало на то, что Турция может стать мишенью международного терроризма (вероятность, которой раньше казалась близкой к нулю), стала реальностью. Ноябрьские стамбульские атаки показали, что, несмотря на ее преимущественно мусульманское население и демократическую государственную структуру, Турция сама находится в "сфере интервенции" террористов.

Турецкая Республика, как и многие другие государства современного мира,

не избежала проблем, связанных с распространением терроризма. Анализ современной ситуации в стране позволяет говорить о том, что в зависимости от характера политических целей, которые преследуют террористические формирования, на территории Турции существует как минимум три вида политического терроризма (выделение указанных трех идеальных (чистых) видов является условным и не всегда соответствует всем реалиям политической жизни) [3]:

- националистический (этноцентристский) терроризм (представленный сепаратистскими курдскими организациями и националистическими группировками типа «Серые волки»);

- религиозный или фундаменталистский терроризм (представленный такими организациями, как «Великий исламский фронт боевиков Востока», «Хезболлах», группа «Революционная Хезболлах», «Исламская освободительная армия», «Бойцы исламской революции» и др. [4]);

- идеологический (представленный левацкими группировками типа «Марксистско-ленинская Турецкая коммунистическая партия», «Турецкая революционная коммунистическая партия», «Революционная народно-освободительная партия Турции», «Революционные левые» и др. [5]).

Учитывая специфику региона и сложность международной ситуации, связанной с обострением целого ряда проблем после свержения режима С.Хусейна в Ираке, в настоящее время наиболее одиозными для Турецкой Республики, на наш взгляд, являются проблемы националистического или так называемого этноцентристского терроризма, связанные с существованием целого ряда курдских и собственно тюркских организаций.

Правительство Турции, осознавая значимость данной проблемы, не сосредоточивается только на внутренних способах безопасности, что вряд ли принесет адекватные результаты, при этом, прекрасно понимая, что по отношению к международному терроризму необходимо развивать стратегию, словно это стихийное бедствие мирового масштаба. Турецкие политические деятели принимают во внимание этот фактор, как во внутренних, так и во внешних мерах безопасности. Угроза международного терроризма постоянно воспроизводится в основах региональной политики. Вместе с тем, эксперты все чаще говорят об исторической миссии Турции как своеобразного моста между двумя цивилизациями — мусульманской и христианской. Турцию приводят в качестве примера движения к демократии для исламского мира. Вашингтон избрал Анкару одним из основных проводников своих идей в рамках реализации провозглашенного американцами плана демократизации Большого

Ближнего Востока и Северной Африки.

На формирование механизма противодействия терроризму могут влиять многие факторы, в том числе история народа, его ментальность, состояние общественной мысли, особенности законодательства. Так традиционно жестко реагирует на угрозу терроризма национальное законодательство Турции. В частности, 12.04.91 г. был принят Закон N 3713 "О борьбе с терроризмом", где в статье 1 терроризм трактуется как "различного рода деятельность, проводимая одним человеком или группой лиц, являющихся членами организаций, которые при помощи одного из методов налета, насилия, сильного запугивания, пыток и угроз ставят своей целью изменение политического, правового, социального, светского и экономического устройства, закрепленных в конституции республики, подрыв государственных начал, национальной и государственной целостности, создание опасности для существования государства и республики, подрыв авторитета государства (уничтожение или захват власти), нарушение основных прав и свобод, причинение вреда общественному строю и общественному здоровью".

Характерно, что при формировании идеологии Закона "О борьбе с терроризмом" турецкий законодатель применил достаточно широко распространенный и в других странах (Франция, ФРГ и др.) подход, в соответствии с которым вся совокупность криминализированных деяний террористического ряда подразделяется на две группы: 1) представляющие собой собственно проявления терроризма и 2) общеуголовные преступления, оцениваемые, однако, как террористические при наличии определенных квалифицирующих признаков. Заметим, что если совершенное общеуголовное преступление признается террористическим, наказание за него может превышать предусмотренный санкцией соответствующей статьи верхний предел и способно достигнуть 36 лет строгого тюремного режима. Вероятно, турецкий законодатель, устанавливая такие суровые меры преследования террористов, имел целью не только и даже не столько гарантировать адекватно жесткое содеянному возмездие со стороны государства, сколько предупредить возможное совершение новых преступлений террористического ряда.

Далее, отмечая законодательные нормы противодействия терроризму нельзя не выделить концепцию национальной безопасности страны (принята 24 октября 2005 года на заседании Совета национальной безопасности (СНБ) Турции под председательством президента Ахмета Недждета Сезера). Концепция получила официальное название "Политический документ о национальной безопасности". В обиходе он также известен под названиями

"красная книга", "секретная конституция", "красная конституция", где особо отмечена очередность новых угроз и вызовов, которые представляют опасность для Турции. По степени опасности они распределились следующим образом: сепаратистская и клерикальная деятельность, международные террористические и радикальные религиозно-экстремистские организации, наркотрафик, незаконная миграция и похищение людей. В документе также констатируется, что «Турция находится под угрозой международного терроризма, который находит поддержку и на части турецкой территории».

Законодательная основа и четко выверенная, жесткая и бескомпромиссная политика правительства способствовала тому, что борьба с международным терроризмом была воспринята как процесс, а не как моментальное действие. Эта борьба стала иметь решающие последствия, как для внутренней, так и для международной политики Турции. Турция, завязывая конструктивные контакты с целым рядом исламских государств, стала способствовать мобилизации их внутренних усилий в борьбе против терроризма.

Весьма интересно по этому поводу, на наш взгляд, заметил как-то чикагский эксперт по проблемам терроризма и Ближнего Востока Эманюэль Уинстон: «Турция может стать поворотным пунктом в истории исламского терроризма. Турки — очень сильные люди. Если их разозлить, ответ может быть непредсказуемо жестоким. Они не остановятся перед тем, чтобы уничтожить террористические ячейки на своей территории, а затем и дальше. Терракты будут иметь обратный эффект» [6]. И это абсолютно верно. Жесткая позиция по отношению к терроризму и террористам имеет устойчивый успех. Практически с 2003 года мир не является свидетелем крупных терактов на территории Турции. Чего, к сожалению, нельзя сказать о России.

При этом, федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ О противодействии терроризму работает в полную силу. Основные его позиции идентичны турецким. В частности, в нем также обозначено, что терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий; террористическая деятельность включает в себя: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно

участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Возможно, мы еще не до конца осознаем, что борьба с терроризмом – это не только один из важнейших факторов государственной безопасности, но и бой зла против зла. И победить терроризм можно только его же методами. И к тому же, власть обязана всегда демонстрировать не озабоченность, а уверенность в собственных силах и действительную готовность бороться с терроризмом, любыми методами и средствами, включая акты возмездия. И девиз израильской разведки «Моссад», *«Ничто не забыто, ничто не прощается»* должен действовать повсюду, включая и Россию.

Схожесть позиций России и Турции по основным международным проблемам, отсутствие сегодня у двух стран, по словам премьер-министра РФ В.В. Путина, «точек конфликтов и предметов соперничества» открывают в этом плане взаимовыгодные перспективы. Хотелось бы рассчитывать и на перспективы исследовательских усилия ученых и аналитиков обоих государств в системе противодействия международному терроризму.

Примечания:

1. Грачев С.И. Терроризм. Вопросы теории: Монография. – Н. Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. – С. 115.
2. Грачев С.И. Терроризм и контртерроризм в условиях глобализма: Монография. – Н. Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. – С. 176.
3. Эпштейн В.А., Проблема этноцентристского терроризма в Турецкой Республике
<http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2008/issue2/Educ/Ep6tein.html>
4. См. об этом подробнее: Игнатенко А. Смертоносные слова Мохамеда // www.niiss.ru/ign_191103.shtml
5. См. об этом подробнее: Преображенский И. Отлов леворадикалов. // www.strana.ru/stories/04/08/27/3527/300385.html; Сивов А. Партизаны с того берега Черного моря... // www.geocities.com/nazbol/limon138/scool138.htm
6. <http://www.chayka.org/article.php?id=313>

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФАКТОР В ТУРЕЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Фатих Озбай

Благодаря своему местоположению Черное море соединяет такие северные страны, как Россия и Украина, с южными странами, а страны Центральной Азии и Кавказа с Европой. Его близость к Балканам, Кавказу, Среднему Востоку и Центральной Азии повышает его геостратегическое значение. В связи с этим, сила или силы, получившие превосходство на Черном море, также получают большое преимущество в политике контроля над этим регионом. Если мы взглянем на историю, то увидим, что силы, господствующие на Черном море, постоянно стремились закрыть это море для внешнего мира. Мы можем видеть, что такая политика неизменно осуществлялась в римский, византийский и османский периоды. После того как империи устанавливали свой контроль над бассейном Черного моря, они начинали вести себя очень ревниво по отношению к другим силам. Без сомнения большую роль в этом играли возможности, предоставляемые проливами и торговыми путями, а также богатые природные ресурсы. Начиная с 18-го века, бассейн Черного моря превратился в одну из сфер, вызывающих наиболее серьезные конфликты в европейской политике. Мы можем видеть, что борьба за Черное море была одним из самых важных элементов соперничества между Османской и Российской империями.

В начале 20-го века Черное море имело жизненно важное значение как для Османской, так и для Российской империи. Османская империя фактически вступила в Первую Мировую войну, которая впоследствии положила конец ее существованию, когда ее военные корабли «Явуз» и «Мидилли» вышли в Черное море и начали бомбить русские корабли и порты. В этот же исторический период Черное море имело жизненно важное значение и для Российской империи. После битвы при Чанаккале (Дарданельская операция),

состоявшейся в 1915 году, в результате закрытия Черного моря для британского и французского военно-морских флотов царская Россия не смогла получить необходимую помощь, что ускорило ее падение. После Первой Мировой войны Турция и Россия старательно избегали горячих конфликтов на Черном море.

В период холодной войны, когда Советский Союз превратился в сверхдержаву, в основе его политики в отношении Черного моря лежало закрытие этого моря для военных кораблей тех стран, которые непосредственно с ним не граничат. В этот период побережье Черного моря, если не считать Турцию, являющуюся членом НАТО и страной, интегрированной в западный мир, принадлежало Советскому Союзу и другим странам-членам Варшавского пакта. В этот период Черное море, которое с географической точки зрения является полузакрытым морем, практически превратилось в закрытое море, изолированное от внешнего мира, в котором столкнулись противоборствующие блоки, но который при этом существовал относительно мирно.

После окончания холодной войны и распада Советского Союза в этом регионе возникли новые независимые государства, в результате чего изменилось геополитическое и геостратегическое равновесие. В результате распада Советского Союза и Варшавского пакта бывшие социалистические страны Болгария и Румыния стали более независимыми, а также появились такие новые прибрежные страны, как Украина и Грузия. Россия, представляющая одну из доминирующих сил на Черном море, потеряла часть своих берегов и портов. Под влиянием изменений, появившихся в международной системе после окончания холодной войны, Черное море перестало быть морем, которое интересует лишь страны, граничащие с ним, а превратилось в географический регион, который входит в сферу интересов мировых «актеров», и который открыт для международного взаимодействия. Теперь оно стало местом, в котором господствует не одна сила, а которое открыто для взаимодействия разных сил, таких как Турция, Россия, НАТО, ЕС, США. То, что Болгария и Румыния вступили как в ЕС, так и в НАТО, подняло

интерес ЕС и США к этому региону. Черноморский регион превратился в территорию, о реструктуризации которой задумываются международные «актеры». Эти изменения повлекли за собой как повышение геополитической значимости Черноморского бассейна, так и увеличение его уязвимости.

Через Босфор и Дарданеллы Черное море связано с Эгейским и Средиземным морями, через Рейн и Дунай – с Северным морем, через Майн и Дунай – с Балтийским морем, а через Волгу и Дон – с Каспийским морем. Благодаря этой особенности Черное море, которое является полузакрытым морем, наряду с прибрежными странами, может влиять также и на политические события широкого географического региона от Юго-Восточной Европы до побережья Каспийского моря, а также оказываться под влиянием этих политических событий. Это море имеет очень большое значение с исторической, экономической, торговой и стратегической точек зрения как для шести стран, расположенных на его побережье, так и для многих других стран, связанных с ним. То, что в этом регионе имеются энергетические ресурсы, а также то, что он превратился в важную точку пересечения путей доставки этих ресурсов на международные рынки, продолжает поддерживать интерес крупных мировых держав к этому региону. В этой связи будет полезным коротко коснуться того, какое значение имеет Черное море для региональных и мировых держав [1].

С точки зрения США Черноморский регион состоит не только из прибрежных стран, но включает в себя более обширную территорию от Балкан до Центральной Азии. В связи с тем, что он выполняет функцию моста, соединяющего западный мир с востоком, этот регион формирует восточные границы евроатлантического сообщества. Возникший после окончания холодной войны геополитический вакуум силы в этом регионе является одной из причин, по которой США проявляют интерес к данному региону. США стремятся к тому, чтобы заполнить этот вакуум силы евроатлантической составляющей, снизить влияние России в регионе, а также связать государства

в этом регионе с этой евроатлантической составляющей. Именно поэтому в странах региона активно поддерживаются демократические изменения и события, которые пытаются ускорить еще больше. То, что Черноморский бассейн расположен вблизи богатых энергетических ресурсов и представляет собой ключевую позицию с точки зрения транспортировки этих ресурсов на Запад, является другим фактором, повышающим значение этого региона для США. В стратегии США, направленной на борьбу с терроризмом, бассейн Черного моря занимает особое место. После террористических актов, произошедших 11 сентября, полагая, что основным источником опасности для безопасности Европы и США является Ближневосточный регион, была рассмотрена возможность того, что страны Черноморского региона могут сыграть важную роль в борьбе против этой угрозы. Одной из опор «Большого Ближневосточного Проекта» является «Расширенный Черноморский Проект». Если «Расширенный Черноморский проект» достигнет своей цели, то США добьется успеха в установлении своего влияния на обширной географической территории от Балтийского моря до Каспийского. С точки зрения США Черноморский бассейн является нестабильным регионом в отношении таких проблем, как терроризм, контрабанда наркотиков и оружия, торговля людьми, нелегальная миграция и этнический национализм. Такие региональные организации, как ГУУАМ, ОЧЭС не оправдали себя, поэтому США защищают идею о том, что НАТО и ОБСЕ должны активно действовать в этом регионе, а странам региона должны предоставляться такие перспективы, как вступление в НАТО и ЕС. В этом контексте самым главным конкурентом для США в данном регионе видится Россия, в связи с этим Соединенные Штаты Америки проводят здесь политику, направленную на снижение российского влияния на страны региона.

Если взглянуть с точки зрения ЕС, то мы увидим, что еще до недавнего прошлого Европейский Союз не выработал политику в отношении Черного моря. Европейский Союз, который систематизировал свои связи с Балтийским и Адриатическим морями, в отношении Черного моря запоздал. Это связано с

тем, что с географической точки зрения границы ЕС еще не достигли Черноморского региона. Однако после того как Болгария и Румыния стали полноправными членами ЕС, это относительное препятствие исчезло. Европейский Союз, стремящийся стать мировой силой, ставит своей целью обеспечивать стабильность в непосредственной близости к себе. В связи с этим, ЕС хочет развивать отношения со странами Черноморского региона и Южного Кавказа, где в настоящее время наблюдается нестабильность и неопределенность. С этой целью ЕС посредством таких инициатив, как «Широкая Европа», «Европейская политика соседства» и т.д., стремится сформировать вокруг себя область стабильной дружбы и добрососедства. С точки зрения гарантии предложения энергетических ресурсов, которому ЕС придает большое значение, Черноморский бассейн, где проходят важные трубопроводы, также входит в область интересов ЕС. Предпринимая в рамках этого определенные шаги, Европейский Союз столкнулся с Россией, которая значительно повысила свой интерес к региону и стала оказывать большее влияние на свое близлежащее окружение.

На протяжении сотен лет Черноморский регион всегда имел и продолжает сохранять за собой геополитический приоритет для России. В ходе истории Черное море всегда имело для России большое значение в рамках ее политики «расширения вплоть до теплых морей». С точки зрения России Черное море является естественной зоной безопасности и «окном», открывающимся в мир. Оценивая имеющуюся для нее угрозу, Россия придает большое значение Черноморскому региону, и, для того чтобы использовать проливы и обеспечивать безопасность побережья Черного моря, она планирует постепенную организацию обороны, начиная от Средиземного моря [2]. На это указывает и адмирал российского ВМФ Владимир Масорин, который в августе 2007 года заявил о необходимости постоянного присутствия России в Средиземном море. Во время своего посещения российского флота в Севастополе Масорин сделал агентству «Интерфакс» следующее заявление: «Для Черноморского флота Средиземное море имеет очень большое

стратегическое значение» [3]. Таким образом, присутствие российского флота в Черном море имеет для России жизненно важное значение.

После окончания холодной войны Россия понесла в Черноморском регионе большие геополитические потери, в значительной степени утратила свои военные, политические и экономические силы в этом регионе. С точки зрения России, которая сегодня благодаря таким факторам, как централизованное руководство, сильный лидер, дающая экономическую мощь продажа энергетических ресурсов, стремится обрести свою прежнюю силу, рост присутствия США в регионе, расширение ЕС и НАТО, планирование неподконтрольных ей конкурентных линий передачи энергии, «цветные» революции в странах региона – все это вызывает беспокойство. Анализируя все это и полагая, что она оказалась лицом к лицу с политикой «окружения», ограничением свободы действия и угрозой национальным интересам, Россия ведет здесь политику противодействия.

Для Турции на протяжении всей истории Черноморский регион никогда не терял своего значения. Когда-то Черное море считалось внутренним морем Османской империи, и в те времена ни одна иностранная держава сюда не допускалась. Одной из причин войн с Россией было желание сохранить или установить господство на этом море. Политика, направленная на сохранение господства над Босфором и Дарданеллами, связывающими Черное море с остальным миром, по сей день продолжает оставаться одним из основных направлений внешней политики Турции. Во времена холодной войны в жесткой атмосфере противостояния блоков Турция не могла уделять достаточно внимания Черному морю, однако после окончания холодной войны она осознает необходимость близко интересоваться этим регионом.

Во времена холодной войны, в связи с тем, что все черноморские страны кроме Турции входили в Восточный блок, вся политика в отношении этого моря противостояла любой политике более глобального масштаба. Это в значительной степени снизило для Турции возможность рассмотрения

Черноморского бассейна в рамках своего национального стратегического планирования. После окончания холодной войны наиболее радикальные изменения в Турции коснулись именно бассейна Черного моря. В новый период, наступивший после окончания холодной войны, в Черноморском регионе появился потенциал для серьезного стратегического расширения как с точки зрения регионального сотрудничества, так и с точки зрения проведения Турцией политики, направленной на близлежащие земельные и морские угодья. Появление ОЧЭС (Организации Черноморского экономического сотрудничества) стало важным шагом в этом направлении [4].

Автором этой идеи был президент Турции Тургут Озал. ОЧЭС объединяла 11 государств Черноморья, Закавказья и Балкан: Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдавия, Россия, Румыния, Турция и Украина. Представители этих стран 25 июня 1992 г. в ходе встречи на высшем уровне в Стамбуле подписали Декларацию о Черноморском экономическом сотрудничестве, определив приоритетные направления и основные механизмы этого регионального формата сотрудничества. Целью ОЧЭС являлось развитие экономических отношений между странами Черноморского бассейна. Однако помимо этих вопросов данная организация имела возможность влиять и на политику входивших в неё стран.

Развивая экономическое сотрудничество между странами, ОЧЭС, хотя и косвенным образом, могла бы способствовать ослаблению тех конфликтов, которые имели и имеют место в настоящее время в регионе. Однако во второй половине 90-х годов XX века ОЧЭС начала терять свою значимость. Таким образом, ОЧЭС осталось быть организацией, не достигшей своих целей. Страны региона были заинтересованы в том, чтобы не остаться за пределами союза, однако, вступив в ОЧЭС, не проявляли должных усилий, чтобы достичь этих целей.

После окончания холодной войны Турция начала проводить в этом регионе скорее не политику отчуждения, а политику сближения. Она стремится

создать в своем ближайшем окружении, которое включает Балканы, Кавказ и Ближний Восток, являющиеся такими важными, но при этом такими сложными регионами, атмосферу безопасности, стабильности, процветания, дружбы и сотрудничества. Среди этих регионов прямое воздействие может быть оказано именно на Черноморский регион, который занимает центральное положение и обладает самой длинной береговой линией. С точки зрения Турции, представляющей собой региональную силу среднего масштаба, очень важным является сохранение своей деятельности в этом регионе, а также создание здесь баланса и стабильности.

С целью сохранить в Черноморском регионе мир и стабильность, укрепить региональное сотрудничество и развить добрососедские отношения, Турция первая предложила в 1998 году идею о формировании многонациональных военно-морских сил с участием всех прибрежных держав. Именно с этой целью в апреле 2001 было подписано соглашение о создании Черноморской группы военно-морского сотрудничества (BLACKSEAFOR). В ходе подписания этого соглашения впервые в истории Черноморского региона представители всех прибрежных государств собрались вместе и приняли решение о создании общей формации для военно-морского сотрудничества с целью осуществления гуманитарной помощи, поисково-спасательных мероприятий и мероприятий по охране окружающей среды. В то время как на данный момент продолжается работа, направленная на проработку возможностей, которые позволят использовать BLACKSEAFOR в качестве общего средства борьбы с терроризмом, контрабандой наркотиков, оружия и торговлей людьми в Черноморском регионе, а также с распространением оружия массового уничтожения, 1-го марта 2004 года Турция начала в открытом Черном море и в территориальных водах операцию «Черноморская гармония». Сейчас продолжаются необходимые переговоры и консультации для привлечения других участников операции «Черноморская гармония» (Operation Black Sea Harmony), которая открыта для всех прибрежных стран Черноморского региона и которая до конца 2006 года носила национальный характер. В рамках этого,

Россия, Украина и Румыния уже стали официальными участниками операции «Черноморская гармония» [5].

Нет сомнений в том, что двумя основными силами в Черноморском регионе являются Турция и Россия. Особенно в последние годы турецко-российские отношения быстро развиваются не только в экономической, но и в политической сфере. В большинстве случаев взгляды Анкары и Москвы на некоторые международные вопросы схожи или совпадают. Одним из вопросов, по которому мнения обеих стран в значительной степени сходятся, является нежелание превращать Черное море в новую сферу борьбы мировых держав. Другим вопросом, по которому мнения обеих стран совпадают, является нежелание менять конвенцию Монтре. И Турция, и Россия открыто заявляют о своей решительности в этом вопросе.

Как уже упоминалось выше, после окончания холодной войны в связи с изменением международной системы появились две мировые державы, которые захотели выйти на арену в Черноморском регионе. Одной из них является ЕС, который в связи со своим расширением получил выход к Черному морю, а второй – США, которые в рамках проводимой ими глобальной политики хотят обеспечить себе постоянное присутствие в Черноморском регионе. Черное море является одним из немногочисленных морей, которые закрыты для ВМФ США. Соединенные Штаты Америки обращают внимание на то, что конвенция Монтре ясно трактует вопрос о вхождении военных сил в Черное море, воды которого являются международными, и вследствие этого хочет воспользоваться своими правами, вытекающими из конвенции и из того, что воды Черного моря являются международными, а также активно выступать в этом регионе.

Геополитические планы США в отношении Черного моря в значительной степени беспокоят Россию. Россию, которая считает, что она и так практически окружена США, волнует стремление Соединенных Штатов Америки, утверждающих, что в Черноморском регионе имеется вакуум с точки зрения

безопасности, и что для заполнения этого вакуума существует потребность в военной силе НАТО, постоянно присутствовать в Черноморском регионе. Если Соединенные Штаты начнут активно действовать в Черноморском регионе, то в этом случае возможности настраивать Северный Кавказ против Москвы; разжигать этнические или религиозные конфликты; поддерживать антагонизм против России в таких странах, как Украина, Грузия и Молдова; поощрять оппозиционеров; все больше интегрировать в западном направлении страны региона, который традиционно был сферой влияния России и считался ее тылом; размещать американские военные силы в сердце региона, где проходят и планируются новые линии передачи энергии, естественно, не позволяют Москве спать спокойно.

И Россия, и Турция хотят, чтобы вопросы, касающиеся Черного моря, решались совместно всеми прибрежными странами, без вмешательства иностранных сил и третьих сторон. И Анкара, и Москва выступают против желания США расширить сферу деятельности операции НАТО «Активные усилия» (Operation Active Endeavor), направленной на борьбу с терроризмом и преступностью в Средиземном море, и на Черное море. В вопросе борьбы с проблемой террора на Черном море Турция считает нецелесообразным прибегать к операциям НАТО, она поддерживает мнение о том, что необходимая борьба и мероприятия должны осуществляться в рамках BLACKSEAFOR и операции «Черноморская гармония» странами-участницами. Эту политику поддерживает и Россия.

На протяжении истории Черное море и окружающий его регион постоянно находились в «руках» одной власти – Римской империи, Византии, Османской империи, и, в некоторой степени, Советского Союза. Благодаря усилиям Турции и России представшая перед нами в последние годы новая картина отражает совсем другую ситуацию. В этой ситуации Турция и Россия – две важные силы региона, которые в ходе истории постоянно соперничали из-за Черного моря, впервые в истории сотрудничают. Эта ситуация весьма

примечательна, особенно если вспомнить, что эти две страны в период существования империй постоянно противостояли друг другу в вопросе раздела Черного моря, а после Второй Мировой войны СССР предъявлял свои права на проливы.

Одной из самых главных объективных причин этой новой ситуации является то, что после распада СССР военная мощь России на Черном море уменьшилась, а Турция, напротив, стала обладать самой большой военной мощью в Черноморском регионе. После распада СССР Россия потеряла свои базы в Одессе и Севастополе, и была вынуждена передать 18,3% военно-морского флота Украине. Россия, подписавшая договор с Украиной, согласилась выплачивать Украине ежегодную арендную плату (98 миллионов долларов) за то, что российскому военно-морскому флоту будет разрешено оставаться в Севастополе до 2017 года. Вследствие экономических трудностей большая часть кораблей Черноморского военно-морского флота оказалась непригодной к эксплуатации. Возникший в результате этих событий «вакуум» военно-морских сил в Черном море заполнила Турция. Россия вынуждена считаться с этим. Одновременно с этим Россия предпринимает шаги к усилению своего военно-морского флота в Черном море [6]. Согласно договору, подписанному с Украиной в апреле 2010 года, право пользования Черноморским ВМФ морской базой в Севастополе продлили с 1917 года на 25 лет. А на период с 2042 по 2047 года был предоставлен пятилетний опцион.

Лидерство Турции в ОЧЭС, операции «Черноморская гармония» и BLACKSEAFOR, успешная работа по привлечению к участию в них других стран Черноморского региона, выдвижение идеи создания «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» (Kafkas Isbirligi ve Istikrar Pakti) – все это указывает на то, что Турция стала достаточно влиятельной силой на Черном море. Активная внешняя политика Турции, начатая ею в последние годы и основанная на принципах региональной безопасности, стабильности и полного отсутствия конфликтов с соседями, стала более позитивно

восприниматься Россией по сравнению с тем, как это было еще 10-15 лет назад. Среди признаков вышеупомянутой политики Турции можно упомянуть ее отказ от участия в военной операции в Ираке в марте 2003 года, а также ее разумную, направленную на установление мира и стабильности политику в августе 2008 года во время российско-грузинской войны.

Направленный на установление мира конструктивный подход Турции во время российско-грузинской войны коренным образом изменил классическое восприятие Москвой Анкары. В частности, выраженная Турцией позиция относительно появления в Черном море кораблей НАТО и США под предлогом оказания помощи Грузии, в значительной степени воспрепятствовала нарушению равновесия сил в районе Черного моря и проливов, где Россия чувствует свою уязвимость. Таким образом, в марте 2003 года Россия стала воспринимать Турцию как более независимую страну, а в августе 2008 года стала считать ее более надежной. Турция поддерживает развитие западных экономических и демократических стандартов в регионе, а также интеграцию стран региона на Запад, но при этом также защищает идею невмешательства иностранных сил в Черноморский регион и решения всех региональных проблем совместными силами всех прибрежных стран.

США считает, что с такими проблемами, как контрабанда наркотиков и оружия, торговля людьми, незаконная миграция, терроризм и распространение оружия массового уничтожения, можно справиться лишь путем включения Черноморского региона в НАТО. В связи с этим, США критикуют идею «обеспечения безопасности на Черном море силами прибрежных стран», как в случае с BLACKSEAFOR, потому что в этом случае в первую очередь США и другие страны, не имеющие выхода в Черное море, оказываются исключенными [7]. Несмотря на эту критику, Россия и Турция решительно настроены на то, чтобы не допустить превращения Черного моря в арену для борьбы международных сил. Первоочередная цель обоих государств заключается в том, чтобы во что бы то ни стало сохранить конвенцию Монтре.

Действительно, главнокомандующий российскими военно-морскими силами Владимир Высоцкий, давший интервью московскому радио «Эхо Москвы», сказал о том, что интересы России и Турции в Черноморском регионе совпадают, и что конвенция Монтре, касающаяся проливов и подписанная в 1936 году, ни в коем случае не должна быть изменена. По словам Высоцкого проблемы Черноморского региона должны решаться только странами этого региона, а конвенция Монтре, несомненно, является правовым основанием в этом вопросе [8]

В вопросе решения некоторых проблем внешней политики, а также многих региональных и международных проблем Турция в настоящее время отказалась от пассивной и поддающейся влиянию других позиции, а действует смело и решительно. Она либо самостоятельно формирует необходимые платформы, либо стремится играть более активную роль в рамках уже имеющихся платформ и с учетом собственных интересов вмешиваться в процесс принятия решений. В связи с этим мы можем видеть возникшие по инициативе Турции новые формации и организации в Черноморском регионе. В противном случае, Турции, стремящейся стать не просто страной, которая имеет влияние в своем регионе, но с которой считаются во всем мире, пришлось бы пассивно наблюдать за событиями и играть по сценарию, написанному другими, в результате чего она вынуждена была бы смириться с возможными негативными последствиями. Таким образом, правильной политикой станет создание оборонительного Черноморского альянса, в который войдут все прибрежные страны, а также усиление уже имеющихся в регионе организаций и инициатив, их сотрудничество с ЕС, который уже получил выход в Черное море, и НАТО, и самое главное – выполнение этими организациями своих обязанностей в рамках международного права и норм. Успешная реализация этой политики повысит безопасность и стабильность в бассейне Черного моря, а также не позволит внешним силам, которые хотят вмешаться в ситуацию в регионе, использовать вопрос безопасности в качестве предлога для своего вмешательства.

И для России, и для Турции, которые придают Черному морю жизненно важное значение, сотрудничество и взаимоотношения, основанные на взаимном уважении и доверии, очень важны. По мнению нынешнего министра иностранных дел Турции профессора Ахмета Давутоглу, во времена Османской Империи Черное море служило полем битвы с Россией, затем полем соперничества между Турцией и СССР, сейчас же, возможно в первый раз в истории, оно способствовало нахождению компромиссов в их интересах. По мнению Давутоглу, несмотря на длительные исторические разногласия, Франция и Германия, будучи в составе ЕС, все же сумели отодвинуть их на задний план и создать мощную ось «Франция-Германия» в ЕС. В ОЧЭС отсутствовали оси, хотя были предпосылки для создания оси «Турция-Россия». Эти две страны могли бы сотрудничать в Черноморском бассейне подобно Франции и Германии в бассейне реки Рур. Пока этого не произойдет, никакие другие изменения не приведут к оживлению в деятельности ОЧЭС [9].

Близкие отношения особенно по вопросам Черноморского региона указывают на то, что это сотрудничество было установлено. По этой причине, наряду с быстро развивающимися экономическими отношениями и здоровым политическим диалогом во взаимоотношениях между Турцией и Россией черноморский фактор нельзя игнорировать. Старый турецкий марш, посвященный Черному морю начинается словами: «Черное море! Черное море! Это идут не враги, а **мы!**» [10]. Турция и Россия, которые смогли вложить в значение слова «мы», упомянутого в марше, страны и народы, которые географически, исторически и культурно связаны с Черным морем, выиграют от этого как на региональном, так и на мировом уровне.

Примечания:

1. Для более подробной информации см.: Burcu Corten. Guncel Karadeniz Jeopolitigi. Giresun Universitesi KARASAM Yayinlari, No: 6, Giresun 2009, s. 33-83.

2. См.: Hasan Kanbolat. “Turkiye Karadeniz’e Rusya Federasyonu Akdeniz’e”. *Stratejik Analiz*, No. 90, Ekim 2007, s. 6-7.
3. Rusya Akdeniz’de Kalici Olmak Istiyor. *Zaman*, 04.08.2007.
4. Ahmet Davutoglu. *Stratejik Derinlik Turkiye’nin Uluslararası Konumu*. Istanbul, Kure Yayinlari, Agustos 2009, s. 275.
5. Karadeniz’in Deniz Ortaminda Guvenligi Pekistirmeye Yonelik Bolgesel Girisimler. TSK Genelkurmay Baskanligi. http://www.tsk.tr/4_ULUSLARARASI_ILISKILER/4_17_Karadenizin_Deniz_Guvenligi/Karadenizin_Deniz_Guvenligi.htm (15.04.2010)
6. «Россия усилит Черноморский флот», 05.03.2009. <http://podrobnosti.ua/power/2009/03/05/587087.html>
7. Gokhan Kocer. “Karadeniz’in Guvenligi: Uluslararası Yapılanmalar ve Turkiye”. *Akademik Bakis*, Cilt 1, Sayi 1, Kis 2007, s. 214.
8. Cihan Haber Ajansi, 26.07.2010.
9. Davutoglu. Ibid, s. 277-280.
10. Eski Karadeniz Marşı.

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ТУРЦИИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Р.А.Азимов

Терроризм – опаснейшее преступление современности. Государства, реально сталкивающиеся с ним, объединяют свои усилия, объявляют "крестовый поход" против терроризма [1]. Данная проблема непосредственно затронула и ключевые евразийские государства – Российскую Федерацию и Турецкую Республику, которые испытали на себе негативное воздействие указанного явления и в настоящее время прилагают совместные усилия по борьбе с террором. При этом оба государства стремятся развивать сегодня не только двусторонние отношения между собой, в политической и экономической сферах, но и выступают гарантами стабильности и безопасности в исследуемом регионе.

Россия и Турция достаточно сильно испытали на себе ужасы терроризма

и экстремизма. Только за последние 18 лет в России произошло более тысячи террористических актов. Рассмотрим наиболее крупные из них: 14 июня 1995 было совершено нападение крупного отряда боевиков под руководством Шамиля Басаева и Абу Мовсаева на г. Буденновск Ставропольского края. В результате было захвачено более 2000 заложников в городской больнице города. Во время неудачного штурма погибло 136 человек и 419 были ранены. 13 сентября 1999 года произошел подрыв многоквартирного жилого дома на Каширском шоссе в Москве, где погиб 121 человек [2]. 8 августа 2000 года в центре Москвы в подземном переходе под Пушкинской площадью прогремел взрыв. На месте погибли 7 человек, еще 6 скончались позже в больницах от полученных травм. 118 человек, в том числе 6 детей, получили ранения различной степени тяжести. Были разрушены торговые павильоны и частично - конструкции перехода. 15 марта 2001 года был захвачен самолет, направлявшийся из Стамбула в Москву, который по требованию террористов совершил посадку в Саудовской Аравии. На борту лайнера находились более 160 пассажиров и 12 членов экипажа. При освобождении заложников погибли 3 человека [3]. 23 октября 2002 года. Группа вооруженных лиц захватила в заложники около 800 человек в московском Театральном центре на Дубровке. В ходе штурма здания и освобождения заложников уничтожены все нападавшие (41 человек). Из-за несогласованности действий по использованию парализующих средств при штурме здания и эвакуации людей, оказавшихся в зоне их поражения, погибли 117 заложников. Пятеро заложников были застрелены террористами. 9 мая 2004 года в результате взрыва на переполненном людьми стадионе в Грозном погиб президент Чеченской республики Ахмад Кадыров, председатель госсовета республики Хусейн Исаев и еще пять человек. Бомба была заложена в трибуну и сработала во время празднования Дня Победы, ранены больше 40 человек [4]. 13 августа 2007 г. произошел подрыв железнодорожного полотна (официальная версия) произошла авария поезда «Невский экспресс» сообщением Москва — Санкт-Петербург. Мощность взрывного устройства составила до 2 кг в тротиловом эквиваленте. В результате аварии травмы получили 60 человек, из которых 25 были доставлены в больницы, никто не погиб [5]. 27 ноября 2009 года в результате взрыва произошло крушение поезда "Невский экспресс", следовавшего из Москвы в Санкт-Петербург. Террористический акт привел к гибели 28 и ранениям более 90 человек. По данным ЦОС ФСБ, к подрыву причастна банд группа Картоевых во главе с Саидом Бурятским [6]. Один из последних терактов получивший широкий общественный резонанс, произошел 29 марта 2010 г. Взрывы в московском метро на станциях московского метро "Лубянка" и "Парк культуры" произошли с интервалом в 40 минут в утренний

час пик. Погибли 40 человек, около 100 пострадали. Предположительно оба взрыва осуществили террористки-смертницы [7].

По данным Национального антитеррористического комитета в 2005 году на территории Российской Федерации совершен 251 террористический акт, из них более 90% - против сотрудников правоохранительных органов и органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. В 2006 году количество терактов сократилось вдвое, а в 2007 году число данного рода насилий составило 48 [8]. Таким образом, по мнению специалистов, наметилась тенденция к снижению террористической активности на территории России.

В Турции, как и в России, в последние два десятилетия произошел ряд террористических актов. Отметим наиболее значимые из них. Так, **16 января 1996 года произошел теракт, непосредственно затронувший интересы России и Турции: захват парома "Авразия"** участниками группировки "Внуки Шамиля" в турецком порту Трабзон. Угрожая расстреливать заложников-россиян и затем взорвать судно, на борту которого было более 200 человек, террористы требовали прекратить штурм села Первомайское, где находилась окруженная бандитская группировка Салмана Радуева, совершившая теракт в Кизляре. После двухдневных переговоров глава террористов Мухаммед Токчан провел пресс-конференцию в Стамбуле и сдался турецким властям [9]. В 1999 году в результате двух взрывов, прогремевших в турецком городе Стамбул 13 марта и 14 марта, погибло 13 человек [10]. В ноябре 2003 года в Стамбуле произошел ряд терактов. Утром 15 ноября 2003 года в центре Стамбула были взорваны два автомобиля, начиненных взрывчаткой. В результате взрыва погибли 24 человека и были ранены более 240. Через 5 дней, 20 ноября в Стамбуле прогремели новые взрывы. Первый взрыв прогремел у здания стамбульской штаб-квартиры британского банка HSBC. Второй взрыв прогремел у здания британского консульства, в результате которого погиб британский консул Роджер Шорт. Третий взрыв произошел около торгового центра «Metro City», еще два произошли в центре Стамбула (один из них — недалеко от здания израильского дипломатического представительства). Погибли 28 человек, 450 человек получили ранения. Ответственность за происшедшее взяли на себя международная террористическая организация «Аль-Каида» и турецкая радикальная исламистская группировка «Фронт исламских моджахедов Востока» [11]. 28 июля 2008 года в Стамбуле произошел крупный теракт. В результате двух взрывов, прогремевших в районе Гюнгорен, погибли 17 человек, в том числе 4 детей. Более 154 жителей получили ранения. В причастности к терактам подозревают курдских сепаратистов [12].

Рассмотрев лишь малую часть террористических актов совершенных как на территории Российской Федерации, так и в Турецкой Республике, можно увидеть, что к подготовке и совершению терактов все чаще причастны международные террористические группировки и организации, т.е. терроризм, принимает черты международного явления. И именно поэтому требуется совместная борьба различных государств против международного терроризма.

Следует отметить, что правовая база сотрудничества России и Турции в борьбе с терроризмом была заложена в период 1992-2002 гг. Тогда было подписано несколько соглашений и протоколов, касающихся вопросов борьбы с терроризмом. В них Россия и Турция подтвердили свое решительное осуждение терроризма. Этими документами являются «Соглашение о сотрудничестве между МВД Российской Федерации и МВД Турции» от 30 октября 1992 года, «Меморандум между правительствами двух стран о сотрудничестве в борьбе с терроризмом» от 18 декабря 1996 г., а также «Российско-турецкая декларация о борьбе с терроризмом» от 5 ноября 1999 г. Таким образом, Турция и Россия сформировали необходимую правовую базу для противодействия международному терроризму, которая является заметной составляющей широко спектра отношений между двумя странами [13].

На сегодняшний день сотрудничество Российской Федерации и Турецкой Республики осуществляется как на межгосударственном уровне, так и под эгидой ООН. Стоит особо отметить единогласное принятие Советом Безопасности ООН резолюции 1535 (март 2004 г.) о реформе Контртеррористического комитета СБ ООН (КТК), нацеленной на повышение экспертного и организационного потенциала Комитета, эффективности его работы по содействию практической деятельности государств на антитеррористическом направлении.

Вопросам терроризма уделяется большое внимание на межгосударственных встречах.

24-26 февраля 2004 в Москве с первым официальным визитом находился заместитель премьер-министра, глава МИД Турции Абдуллах Гюль, который отметил, что Россия и Турция играют важную роль в делах Евроазиатского региона. На данной встрече стороны договорились развивать сотрудничество в борьбе с терроризмом, как в рамках международных структур, так и на двустороннем уровне [14].

28 июля 2008 года после террористических актов в Стамбуле состоялся телефонный разговор между президентами России и Турции, в ходе которого

президент Д. Медведев выразил соболезнования турецкому президенту А. Гюлю [15].

18-19 ноября 2008 года Министр обороны Российской Федерации А.Э.Сердюков посетил Турецкую Республику с официальным визитом. Во время пребывания в Анкаре А.Э.Сердюков провел переговоры с Министром национальной обороны Турции Мехметом Веджди Гёнюлем.

Стороны обсудили широкий круг вопросов военного и военно-технического сотрудничества России и Турции, поддержания безопасности и стабильности в Черноморском регионе, расширения российско-турецкого взаимодействия в антитеррористической сфере, а также ряд других проблем обеспечения европейской безопасности [16].

13-16 января 2009 года, в соответствии с российско-турецким планом двусторонних контактов в военной сфере состоялся официальный визит в Турцию Первого заместителя Директора Федеральной службы безопасности (ФСБ) - Директора пограничной службы ФСБ России генерала армии В.Е.Проничева. В рамках визита в Анкаре состоялись встречи В.Е.Проничева с Министром внутренних дел Турции Б.Аталаем, Командующим ВМС Турции адмиралом М.Атачем и Командующим береговой охраной (БОХР) Турции контр-адмиралом А.Кезеком. Подписан Протокол о сотрудничестве между Пограничной службой ФСБ России и БОХР Турции о сотрудничестве в 2009-2010 годах. В рамках визита в Турцию В.Е.Проничев посетил Измир и Анталию [17].

4 марта 2009 года заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации А.Н.Бородавкин принял заместителя Министра иностранных дел Турецкой Республики Ф.Х.Синирлиоглу. Стороны обменялись мнениями о развитии военно-политической ситуации в Афганистане в преддверии президентских выборов. Была отмечена важность скоординированных усилий международного сообщества при ведущей роли ООН по оказанию содействия правительству Афганистана в обеспечении стабильности, борьбе с производством и торговлей наркотиками, решении стоящих перед ним социально-экономических проблем. Выражена единая точка зрения о важности укрепления афгано-пакистанского взаимодействия в антитеррористической и антинаркотической сферах для упрочения региональной безопасности. Подчеркивалась необходимость активного регионального сотрудничества по противодействию исходящим с афганской территории террористической и наркотической угрозам. В этом плане было отмечено, что предстоящая специальная конференция по Афганистану под эгидой ШОС призвана придать

новый импульс международному взаимодействию на афганском треке [18].

24-25 марта 2010 года в Турции с официальным визитом находился Министр внутренних дел Российской Федерации Р.Г.Нургалиев. Состоялась встреча и переговоры Р.Г.Нургалиева с его турецким коллегой Б.Аталаем. Среди основных обсуждавшихся тем были противодействие наркотрафику и контрабанде, борьба с организованной преступностью и терроризмом. Рассмотрен вопрос подготовки нового межведомственного соглашения о сотрудничестве [19].

На сегодняшний день в Российской Федерации основным нормативно-правовым актом по борьбе с терроризмом является - Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ О противодействии терроризму [20]. В Турецкой Республики, основным документом, регламентирующим борьбу с терроризмом, является принятый 12 апреля 1991 года Закон N 3713 "О борьбе с терроризмом". В Концепции национальной безопасности Турции, принятой 24 октября 2005 года, терроризм определяется, как одна из опаснейших угроз существования государства и указан ряд рекомендаций противодействия данному преступлению [21].

Подводя итог, следует отметить, что сотрудничество Российской Федерации и Турецкой Республики в сфере противодействия международному терроризму развивается весьма успешно. Данное обстоятельство с одной стороны способствует развитию и поддержанию двусторонних связей между странами, с другой содействует усилению роли Турции и России в регионе.

Примечания:

1. Кочои С.М. Борьба с терроризмом: турецкий опыт и его оценка Европейским судом по правам человека // Журнал "Право и безопасность" Номер - 1 (26), Март 2008. С. 21.
2. Террористическая война против России (хронология терактов в России) с 1991 года//<http://www.caucasica.org/chrono/detail.php?ID=1040>
3. Путин расценивает угрозу терактов в России как еще очень серьезную//<http://www.rian.ru/spravka/20080804/150102309.html>
4. Террористическая война против России (хронология терактов в России) с 1991 года//<http://www.caucasica.org/chrono/detail.php?ID=1040>

5. Раскрыт подрыв "Невского экспресса"//<http://novosti.err.ee/index.php?26196415>
6. Террористическая война против России (хронология терактов в России) с 1991 года//<http://www.caucasica.org/chrono/detail.php?ID=1040>
7. Статистические данные по террористическим проявлениям 2005 – 2007 гг// http://nak.fsb.ru/nac/media/terrorism_today/history.htm
8. Теракты, которые потрясли мир//<http://news.ru.msn.com/accident/gallery.aspx?cp-documentid=148219536&page=8>
9. Теракт в Стамбуле (1999)//<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1338153>
10. Серия взрывов в Стамбуле: британский банк, британское консульство, торговый центр//<http://www.newsru.com/world/20Nov2003/blast.html>
11. Двойной удар. Теракт в Стамбуле унес жизни 17 человек//<http://www.rg.ru/2008/07/29/turciya.html>
12. Колобов, О.А., Корнилов, А.А., Озбай, Ф. Современные турецко-российские отношения: проблемы и перспективы развития: Монография. – Нижний Новгород – Стамбул: ИСИ ННГУ, 2004.- С. 233.
13. Москва - Анкара: многогранное партнерство//<http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika36.html>
14. О соболезнованиях Президента России Д.Медведева Президенту Турции А.Гюлю в связи с терактами в Стамбуле//<http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika169.html>
15. Об официальном визите в Турцию Министра оборона России//<http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika188.html>
16. О визите в Турцию Первого заместителя Директора ФСБ России - директора Пограничной службы ФСБ России, генерала армии Владимира Проничева//<http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika194.html>
17. О встрече заместителя Министра иностранных дел России А.Н.Бородавкина с заместителем Министра иностранных дел Турции Ф.Х.Синирлиоглу//<http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika202.html>

18. Об официальном визите Министра внутренних дел России Р.Г.Нургалиева в Турцию//<http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika243.html>
19. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ О противодействии терроризму//<http://nak.fsb.ru/nac/documents.htm>
20. Законодательство Турции по борьбе с терроризмом//
<http://wbase.duma.gov.ru:8080/law?doc&nd=981601101&nh=1&part=69>
21. Новая концепция национальной безопасности Турции//
http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=35107

ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ РОССИИ И ТУРЦИИ НА КАВКАЗЕ В 2000 – 2010 ГГ.

В.А.Аватков

90-ые годы XX века оказались для России провальными с внешнеполитической точки зрения. Государство повернулось лицом к Западу, спиной к своим бывшим союзникам. Российский народ пережил резкое обнищание, крушение Советского Союза, боевые действия в Чечне, экономический коллапс и многие другие беды, которые на него свалились за короткие десять лет, однако 2000 год стал не только первым годом нового века, но и началом пробуждения России.

Стоит напомнить, что интересы России и Турции сталкивались испокон веков на Кавказе [1]. Многие исследователи указывают на наличие так называемого геополитического треугольника, состоящего из России, Ирана и Турции [2].

В 1990-х гг тюркские государства бывшего Союза стали активно сотрудничать с Турцией. В 1992 году Анкара создала Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию (ТІКА), главной целью которого является координация связей в области банковского дела, а также подготовка государственных служащих и создание компьютерных сетей. В марте 1992 г. во время пресс-конференции Сулейман Демирель заявил, что Турция станет «культурным центром и историческим магнитом для новосуверенных государств». Начиная с 1993 года в Турции проводятся

встречи турецких руководителей с главами тюркских государств СНГ, регулярно осуществляются взаимные визиты высокого и высшего уровня для консультаций и совместных внешнеполитических акций. В условиях эйфории от дуновения «свободного» ветра с Запада кавказцы даже назвали неоднократно посещавшего регион президента Турции С.Демиреля «отцом Кавказа».

С целью расширения культурного сотрудничества тюркоязычных стран в 1994 г. было создано «Совместное управление тюркских культур и искусств» (турецкая аббр. – TÜRKSOY).

При прямой и опосредованной поддержке со стороны государственного руководства и соответствующих ведомств в Турции резко активизировались общественные организации, землячества, общины, фонды, имеющие целью установление и развитие контактов и реализацию совместных программ и проектов с общественностью мусульманских республик СНГ и республик в составе России.

Но на Кавказе существуют не только мусульманские республики в составе России и Азербайджан. В данном регионе проживают древнейшие христианские народы – грузины и армяне. При этом если первые проявляли в 90-х симпатию к туркам, то вторые относились к ним прохладно.

Важную роль в продвижении интересов Турции на Кавказ стала играть исламская секта «Нурджулар». Только на Северном Кавказе свободно функционируют порядка 30, а в странах СНГ – более 200 лицеев, связанных с вышеназванной организацией. Сам Гюлен так охарактеризовал главную задачу этих школ: «Наши школы являются миссионерскими, как другие миссионерские школы европейцев и американцев. Наша цель – выполнять миссионерскую деятельность и подготовить подходящие условия для создания турецкого лобби, и обучать госслужащих». Верховный суд России признал движение нурджистов экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ. Согласно сведениям ФСБ, течение «Нурджулар», действующее в России через созданные им фирмы «Серхат», «Эфляк», фонды «Торос», «Толеранс» и «Уфук», «решало широкий спектр задач в интересах разведки». По заявлениям Н. Патрушева, течением «Нурджулар» осуществлялся «сбор информации о происходящих на Северном Кавказе процессах, велась пантюркистская и панисламистская обработка российской молодежи, проводились пропагандистские акции, изучались кандидаты на вербовку для формирования протурецкого лобби в местных властных структурах, проникновения в правоохранительные органы и общественные объединения».

По его словам, «имеются точные сведения о тесных контактах функционеров этой “секты” с представителями действующих в Турции организаций, в том числе и фондом “Кавказ”, оказывающих помощь бандформированиям в Чечне» [3].

После того как В. В. Путин занял пост президента, для России началась новая эра на Кавказе. Государство стало вновь уделять повышенное внимание этому региону, пытаться наверстать упущенное в 90-х. Однако закрыть глаза на свои реальные интересы и заняться выстраиванием мнимых стратегически-партнерских отношений с Западом намного проще, чем вернуть потерянное и построить что-либо заново. 2000-ые годы стали временем преломления, временем возвращения России на Кавказ.

Следует остановиться на основных событиях, связанных с изменением баланса сил России и Турции на Кавказе.

Путин возглавил начавшуюся в 1999 году операцию федеральных сил против боевиков, вторгшихся из Чечни в Дагестан. Операция проходила с переменным успехом, условно нормализовать ситуацию и снять режим контртеррористической операции удалось лишь к апрелю 2009 года. За годы войны потери с обеих сторон и среди мирных жителей исчислялись несколькими десятками тысяч пострадавших. Экономика Чечни и близлежащих регионов сильно пострадала. Турция внимательно следила за происходящим, изначально не создавала жестких преград для своих граждан кавказского происхождения для оказания помощи чеченским сепаратистам. Позже Турция – после того как Россия признала Рабочую Партию Курдистана экстремистской группировкой – постаралась перекрыть пути поддержки чеченского сопротивления.

Важную роль в поддержке боевиков сыграла Грузия, которая оказалась перевалочным пунктом для тех из них, кто пытался бежать в Турцию или отсидеться в горах.

Неудачей закончилась попытка грузинских вооруженных отрядов под руководством Представителя президента Грузии в Кодорском ущелье Эмзара Квициани при поддержке чеченских боевиков полевого командира Руслана Гелаева вооруженным путем установить контроль над Абхазией осенью 2001 года.

Последовавшие после этого годы можно назвать застойно-конфронтационными в отношениях Грузии и России. При этом росло влияние

Турции на Грузию, прежде всего – за счет экономического сотрудничества.

5 декабря 2000 года по инициативе российской стороны был введён визовый режим между Россией и Грузией, создавший трудности для граждан Грузии, 500 тысяч которых в то время работало в России. В то же время был оставлен безвизовый режим для жителей Абхазии и Южной Осетии, что вызвало протесты Грузии. 1 марта 2001 года были отменены льготы, предусматривавшие безвизовый проезд для грузинских дипломатических представителей и жителей приграничной полосы.

Очередное усиление напряжённости в зоне конфликта совпадает с приходом к власти Михаила Саакашвили, объявившего курс на восстановление территориальной целостности Грузии. В августе 2004 г. дело дошло до кровопролитных столкновений, в ходе которых грузинские войска безуспешно пытались установить контроль над стратегическими высотами вокруг Цхинвали, но, потеряв несколько десятков человек, были отведены.

В конце июля 2006 президент Грузии Михаил Саакашвили отменил свой визит в Москву для участия в неформальном саммите СНГ в связи с отказом российской стороны организовать его встречу с Владимиром Путиным.

Летом — осенью 2006 Грузия восстановила контроль над Кодорским ущельем. 27 сентября 2006, в День памяти и скорби, указом президента Грузии Саакашвили Кодори был переименован в Верхнюю Абхазию.

Посетив Кодорское ущелье, Саакашвили заявил, что нынешняя Грузия сильно отличается от Грузии времён Эдуарда Шеварднадзе и готова ответить всем, кто покусится на её территориальную целостность.

Депортация нелегальных и легальных мигрантов 2006 года происходила во второй половине 2006 года в Петербурге, Иванове, Калуге, Москве, Краснодаре. Депортация коснулась, в основном, граждан Грузии и происходила в период охлаждения российско-грузинских дипломатических отношений. По данным консула Грузии Зураба Патарадзе на начало ноября 2006 года, из России было выдворено не менее 2680 грузинских граждан [4].

Грузинские и южноосетинские войска вели перестрелки и огневые налеты разной степени интенсивности с конца июля 2008 года. Вечером 7 августа стороны договорились о прекращении огня, что, однако, реально сделано не было.

В ночь с 7 на 8 августа 2008 г. грузинские войска начали массированный

артиллерийский обстрел столицы Южной Осетии города Цхинвал(и) и прилегающих районов. Через несколько часов последовал штурм города силами грузинской бронетехники и пехоты. Официальным поводом для атаки на Цхинвал, по заявлениям грузинской стороны, послужило нарушение режима прекращения огня со стороны Южной Осетии, которая, в свою очередь, утверждает, что первой огонь открыла Грузия.

8 августа 2008 года к конфликту на стороне Южной Осетии официально присоединилась Россия в рамках операции по принуждению грузинской стороны к миру, 9 августа 2008 года — Абхазия в рамках соглашения о военной помощи между членами Содружества непризнанных государств. 12 августа 2008 года Россия официально объявила об успешном окончании операции по принуждению грузинских властей к миру, 13 августа 2008 года Абхазия официально заявила о завершении операции по вытеснению грузинских войск из Кодорского ущелья, после чего активные боевые действия закончились.

С 14 августа по 16 августа 2008 года руководителями государств, вовлечённых в военные действия, был подписан план мирного урегулирования грузино-южноосетинского конфликта («План Медведева — Саркози»). Грузия не считает конфликт исчерпанным, объясняя это несоблюдением Россией подписанных договоренностей.

Важно отметить, как позиционировала себя Турция в условиях конфликта — нейтрально. Турецкие власти не вмешивались в противостояние, вели себя в соответствии с конвенцией Монтре, не пропускали американские военные корабли, тем самым продемонстрировали свое нежелание превращать Черное море в арену борьбы с участием нечерноморских держав. Это укрепило позиции Турции как независимого государства, политика которого диктуется интересами и правом, а не указкой США. Более того, это позволило сблизить позиции России и Турции и даже говорить о предложенной турецкой стороной «кавказской платформе», которая оказалась на нынешнем этапе неприемлемой для пробуждающегося российского государства.

Августовские события показали, что Россия и региональные державы Турция и Иран не заинтересованы в усилении американского присутствия в Грузии и Закавказье в целом [5]. В 2000-ые годы расширилось партнерство Турции и Азербайджана. Государства достигли высочайшего уровня сотрудничества и на базе достигнутых в 90-х соглашений движутся вперед.

В 2004 Турция и Азербайджан подписали договор о партнерстве в целях охраны окружающей среды, в 2008 — о создании программы длительного

экономического и торгового сотрудничества двух республик.

Важно отметить, что отношения между Турецкой Республикой и Азербайджаном строятся не только на заявлениях «одна нация – два государства» (первый президент Азербайджана Эльчибей), но и на конкретных экономических проектах. Так, в 2002 году началось строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, в 2006 первая нефть поступила на место назначения. В конце 2006 – начале 2007 был сдан в эксплуатацию газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум. 7 февраля 2007 года было подписано азербайджано-грузино-турецкое соглашение о строительстве железнодорожной линии из Ахалкалаки (южная Грузия) до Карса (Баку-Тбилиси-Карс) [6].

Россия в 2000-ые годы старалась наращивать сотрудничество с Азербайджаном. В 2000 между двумя странами был подписан Меморандум о взаимоотношениях в области борьбы с терроризмом, в 2003 – межправительственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве. В 2005 году прошел Год Азербайджана в России, а в 2006 – год России в Азербайджане. В 2006 году была принята межгосударственная Программа сотрудничества в гуманитарной сфере на 2007-2009 годы. В вузах Азербайджана на русском языке получают образование свыше 15 тысяч студентов. Более того, в 2008 году в Баку был открыт филиал МГУ им. М.В.Ломоносова.

Нельзя обойти вниманием результаты прошедшего 2-3 октября 2009 года в Нахичевани 9 Саммита глав тюркских государств, в котором приняли участие президенты Азербайджана, Турции, Казахстана и Киргизии. Туркмения была представлена на уровне заместителя председателя правительства, а Узбекистан отказался от участия в саммите. На встрече в Нахичевани было объявлено о создании новой институциональной структуры тюркского сотрудничества – Совета сотрудничества тюркских государств (Тюркского совета) и подписан учредительный договор новой организации. Штаб-квартира Тюркского совета будет располагаться в Стамбуле. Первым генеральным секретарем организации станет гражданин Турции. Раз в три года должность генерального секретаря по принципу ротации будет переходить к другой стране-участнице.

Напряжение в отношениях между Азербайджаном и Турцией появилось после подписания Турецкой Республикой и Арменией 10 октября 2009 года «Протокола об установлении между двумя странами дипломатических отношений» и «Протокола о развитии двусторонних отношений». Азербайджан болезненно относится к происходящему, стремится решить вопрос Нагорного

Карабах до установления отношений между Арменией и Турцией. На Турцию и Армению давит Запад. При этом премьер-министр Эрдоган подчеркивает, что Турецкая Республика связывает подписание протоколов с решением нагорно-карабахской проблемы. Взаимоотношения в октябре в треугольнике Турция-Армения-Азербайджан высветили значительную и весомую на нынешнем этапе роль Москвы в регионе.

Таким образом, 2000-ые годы показали, что Турция находится в выгодном положении на Кавказе, расширила зону своего влияния и продолжает плавно продвигаться вперед. Россия проснулась после сложных 90-х и вновь смотрит на Кавказ как на зону своих приоритетных интересов. После необычайного роста влияния Турции на Азербайджан и Грузию, после событий в Южной Осетии, после подписания цюрихских соглашений Москве следует, учитывая ее непростое положение на Кавказе, идти рука об руку с Турцией и Ираном, оберегая регион от воздействия внешних сил. И именно в этом сегодня истинный интерес России на Кавказе.

Примечания:

1. Maria Beat. Turkey and Russia meet in the Caucasus.//Turkish policy quarterly. #3, 2009. Editor-in-Chief Diba Nigar Göksel.
2. Дегоев В.В. Россия, Кавказ и постсоветский мир. Прощание с иллюзиями. М.:Русская панорама, 2006
3. <http://iimes.ru/rus/stat/2009/26-12-09b.htm>
4. Консульство: Из России выдворили 3875 грузин. Grani.ru, 3 ноября 2006 года
5. С.З.Лакоба. Российско-турецкое взаимодействие в контексте Карского договора 1921 года? //Кавказский сборник. Том 6(38). Под ред. В.В.Дегоева. М.:Русская панорама, 2010.
6. Войцех Гурецкий. Спорные вопросы в азербайджано-грузинских отношениях(1989-2007). //Кавказский сборник. Том 6(38). Под ред. В.В.Дегоева. М.:Русская панорама, 2010.

«ЮЖНЫЙ ПОТОК» КАК «НОВЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК» В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ТУРЦИИ

А.А.Солодовникова

Российско-итальянский проект «Южный поток», цель которого сократить до минимума зависимость России как экспортера природного газа от стран-транзитеров, внес некоторые коррективы в отношения Турции и России. Турция, не обладая собственными крупными месторождениями газа, старается активно использовать свое уникальное геополитическое положение, участвуя в проектах по строительству газопроводов на своей территории, тем самым получая возможность диктовать собственные правила странам-поставщикам. И если раньше (проект «Голубой поток») Турция была непосредственным участником российских проектов, то на нынешнем этапе, при условии создания газопровода «Южный поток», страна не сможет активно влиять на качество поставок российского газа в страны Европы. В докладе речь пойдет о возможных вариантах развития энергетических отношений между двумя государствами в ближайшие несколько лет.

Особенность международной торговли энергоресурсами состоит в том, что ее коммерческая сторона тесно соприкасается с политической. Стабильный импорт энергосырья, тем более при ограниченных собственных источниках первичной энергии [1], является важнейшим аспектом национальной экономической безопасности. В то же время поставка нефти и газа, обеспечивая экономические и политические преимущества экспортерам, обостряют конкуренцию между ними. В результате торговля энергоносителями и ее перспективы занимают важнейшее место в системе как двусторонних, так и международных политических отношений.

Названные проблемы оказывают самое непосредственное воздействие на формирование внешней политики Турции и России, поскольку первая является крупным импортером энергосырья, и ее геополитическое положение открывает широкие перспективы для транзитной торговли нефтью и газом, а Россия занимает лидирующие позиции на рынках сбыта энергоресурсов.

В качестве исходного посыла для формирования стратегии развития топливно-энергетического комплекса страны лежит то основополагающее обстоятельство, что Турецкая Республика не располагает сколь ни будь значимыми в мировом масштабе запасами энергоносителей. Страна является

нетто-импортером сырой нефти и природного газа («зависимость» от «внешних источников» по которым колеблется около 95%). В этой связи Турция, заботясь о своей энергетической безопасности, естественным образом стремится к диверсификации поставщиков энергоносителей.

Однако нельзя отрицать, что существующие преимущества дают замечательную возможность Турции стать одним из важнейших в мире энергетических коридоров. Достаточно отметить, что государство окружено мировыми экспортерами энергоресурсов такими, как Россия и страны Ближнего Востока, имеет выход на страны Каспийского региона, Северной Африки, в которых сконцентрировано до 75% доказанных запасов природного газа и нефти. При этом общая граница с Европейским Союзом выводит Турцию на один из самых емких рынков – потребителей энергетических ресурсов. Роль Турции тем более значительна с учетом того, что современная мировая энергетика находится на пороге глобальных вызовов и перемен, среди которых растущий спрос на энергоносители, истощение существующих месторождений нефти и газа, проблемы доступа к месторождениям ряда стран (к примеру, в Иране и в Ираке) и т.д [2].

Масштабные международные проекты, в которых принимает участие Турция, направлены на обеспечение транспорта энергоносителей по турецкой территории по коридорам «Восток – Запад» и «Север – Юг».

Уверенные действия в этих направлениях привели к подготовке и реализации целого ряда масштабных проектов. Среди таковых можно отметить сооружение нефтепровода по маршруту Баку – Тбилиси – Джейхан, введенного в эксплуатацию в 2006 году и предназначенного для поставок на мировые рынки азербайджанской и, возможно, в дальнейшем казахской нефти. Нельзя не упомянуть в качестве одного из ключевых проектов турецкой «трубопроводной дипломатии» – газопровод «Набукко», который призван обеспечивать поставки по турецкой территории каспийского, ближневосточного и египетского природного газа через Болгарию, Румынию, Венгрию и Австрию на центрально- и западноевропейские газовые рынки. Официальный старт проекту дан в июле 2009 года с подписанием межправительственного соглашения странами-участниками.

При этом Турция заботится не только об увеличении прибыли с реализации «оффшорных» проектов других стран, но и параллельно стремиться развивать собственный топливно-энергетический комплекс. Именно поэтому так важна для турецкого правительства возможность строительства атомной

электростанции в г. Мерсин. По данным исследователей, за более чем десятилетний период с 1998 года потребление первичных источников энергии в стране увеличилось приблизительно в 1,4 раза (до 126 млн. тонн нефтяного эквивалента к 2010 году). Амбициозные планы развития страны диктуют необходимость пропорционального роста энергопотребления: до 222 млн. тонн нефтяного эквивалента в 2020 г [3]. Эти факты дают нам право полагать, что Турция будет заинтересована участием в новых проектах в сфере энергетики на максимально выгодных для нее условиях.

Как считают некоторые исследователи, проект газопровода «Южный поток» по многим параметрам не совпадает с интересами Турции, так как основной целью Газпрома является максимальная независимость от стран-посредников и связанное с этим процессом увеличение прибыли от поставок напрямую странам-потребителям. Такую ситуацию можно назвать новым порядком взаимодействия России и Турции в энергетической сфере. Тем более, что потребности стран Европы в природном газе растут быстрыми темпами, а газопровод «Nabucco» вряд ли сможет их полностью и на долгое время удовлетворить. Газпром поддерживает точку зрения ЕС, что так называемый «южный коридор» имеет растущее значение для европейского газового рынка. Диверсификация маршрутов и совместная реализация проектов по строительству новых систем «оффшорных» газопроводов, т.е. проходящих по специальной экономической территории, на которой предоставляются льготы, является жизненно важным элементом новой архитектуры европейской энергетической безопасности.

Суть проекта «Южный поток» в том, что газопровод пройдет по дну Черного моря из Новороссийска в болгарский порт Варну, и далее две его ветви направятся через Балканский полуостров в Италию и Австрию. Интересы же стран-транзитеров – Украины и Турции - при этом не учитываются так, как это было раньше. Однако совсем без участия одной из них проект не был бы реализован. С учетом того, что украинский вариант по понятным причинам в данном случае был заведомо исключен, согласие Турции стало важнейшим условием реализации проекта. И поэтому маршрут «Южного потока» пройдет через исключительную экономическую зону Турции в центральной части Черного моря.

Данный вопрос был одним из ключевых в ходе визита В.В.Путина в Анкару 6 августа 2009 г. В итоге российской стороне удалось добиться принципиального согласия Анкары на строительство "Южного потока", а впоследствии получить разрешение на проведение необходимых для этого

геологоразведочных работ.

По итогам визита В.В.Путина было объявлено о готовности России участвовать в проекте нефтепровода «Самсун-Джейхан» через территорию Турции в Средиземное море в обход Черноморских проливов, что дает, на первый взгляд, повод говорить о своеобразном "размене". Ранее считалось, что Москва поддерживает другой нефтяной проект: «Бургас-Александруполис», являющийся прямым конкурентом турецкого. Более того, продекларированная возможность сооружения российскими компаниями первой турецкой атомной электростанции в г.Мерсин с каждым днем становится все более реальной. Планируемая мощность станции - 4,8 ГВт, её бюджетная стоимость составит по различным оценкам 18-20 млрд. долл. В ходе встречи между премьерями двух стран в Анкаре в январе 2010 года процесс получил дальнейшее развитие - стороны озвучили намерение приступить к переговорам и, в случае достижения согласия, подписать межправительственное соглашение в самое ближайшее время.

Однако, несмотря на возможность размена в прямом смысле слова, в данный момент важнее рассмотреть вопрос иного характера: не слишком ли замыкается Россия на Турцию в выборе маршрутов транзита своих энергоносителей, не попадет ли она в результате в зависимость от Анкары, грозящую в перспективе обернуться новыми кризисами наподобие украинских.

По той причине, что Турция является самым выгодным экспортным каналом, в котором нуждаются конкурирующие проекты России и ЕС по доставке углеводородов в Южную Европу, «чиновники азиатского государства осознают свое выгодное положение, и их аппетиты быстро растут», - пишет еженедельный российский обозреватель журнал «Эксперт». «Практически сразу же после подписания соглашений министр энергетики Турции **Танер Йылдыз** заявил об условиях, с выполнением которых связана возможность прокладки "Южного потока" в экономической зоне страны: снижение цен на российский газ и право реэкспорта российского голубого топлива, — отмечает гендиректор Фонда национальной энергетической безопасности **Константин Симонов**. — Для наших властей такие требования вряд ли будут приемлемы, поэтому нынешние соглашения выглядят весьма шаткими» [4].

Однако не стоит забывать, что выбор Виктора Януковича в качестве Президента Украины, возможно, заставил задуматься российские власти и бизнес о получении новых возможностей по реализации трубопроводных

проектов с Украиной и пересмотреть договоренности с турками. Пока такое развитие событий стоит под вопросом. Сейчас же очевидно только одно: реализация амбициозных проектов экспортных трубопроводов на юго-западном направлении, конечно, сталкивается с некоторыми трудностями, но благодаря тому, что стороны понимают необходимость мирного добрососедского сотрудничества, большинство из проблем находит свое решение.

Таким образом, оправданным является вывод о том, что нынешний этап развития российско-турецкого энергетического сотрудничества отвечает интересам обеих стран.

Сегодня закладываются те столпы, на которых будут строиться российско-турецкие отношения ближайшее десятилетие и проект «Южный поток» обязательно сыграет в этом процессе особую роль. В свою очередь, нашему государству как никогда важно удержать выбранную стратегическую линию в построении и дальнейшем укреплении своих связей со своим набирающим мощь южным соседом в вопросе энергетики.

Хотелось бы напомнить, что проект газопровода «Южный поток» устанавливает новый порядок в отношениях России и Турции в области энергетики: для Турции – это немалая прибыль и возможность новых проектов с участием представителей российского бизнеса, для России – способ диверсифицировать маршруты, по которым газ из России поступает в страны ЕС, и получить независимость от стран-транзитеров. Складывающаяся ситуация характеризуется растущей степенью взаимозависимости, являющейся, как известно, лучшей гарантией стабильных отношений и страховкой от различных, в том числе политических, рисков. Однако не стоит упускать из вида тот факт, что Турецкая Республика на сегодняшний день, проводя «сеанс одновременной игры на многих досках» в отношениях с лидирующими мировыми державами (США, Евросоюз, Исламский Восток, развивающиеся страны – Индия и Китай), стремится к достижению регионального лидерства. А увеличивающееся количество энергетических проектов, в том числе газовых, служит ей некой амортизационной подушкой в этом процессе.

Примечания:

1. Первичные энергоресурсы: уголь, нефть, газ, ядерная энергия, гидроэнергия, нетрадиционные нефть и газ, возобновляющиеся ресурсы.
2. Ульченко Н.Ю. Роль поставок российского газа в Турцию в развитии двусторонних отношений. Сборник «Российско-турецкие отношения:

- история, современное состояние и перспективы». Под ред. Ульченко Н.Ю. Институт Востоковедения РАН. М., 2003.
3. Стародубцев И.И. Энергетический фактор в турецкой экономике // www.iimes.ru
 4. Эксперт. № 30-31(668) 17 августа 2009г.

ТОРГОВО – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТУРЦИИ В 1991 – 2010 ГГ.

А.А.Мочалов

После распада СССР базовые ориентиры взаимоотношений между Россией и Турцией опираются на Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики от 25 мая 1992 года.

В первой половине 90-х годов турецкие военные провели опытное учение двух общевойсковых бригад, временно сформированных на базе советской (бывшей восточногерманской) техники против одного из армейских корпусов 2-й полевой армии Турции. Учения показали, что данная техника, укомплектованная турецкими экипажами, способна «разгромить» целый корпус на устаревших морально и физически американских танках М-48 «Паттон» и бронетранспортерах М-113.

Спустя 10 лет, в 2002 году российско-турецкий товарооборот составил 4,07 млрд. долл. против 3,77 млрд. долл. в 2001 году, в том числе экспорт России – 3,3 млрд. долл., импорт из Турции – 0,7 млрд. долл. Положительное сальдо для России – 2,5 млрд. долл. США [1].

Экономическое сотрудничество активно поощряется российско-турецким политическим диалогом. Приведем несколько примеров. Содержательные и предметные переговоры Владимира Путина и Ахмета Недждета Сезера состоялись в мае 2002 года на саммите Россия – НАТО в Италии. А в октябре 2003 года в Малайзии главы двух государств встретились в рамках саммита организации «Исламская конференция» (ОИК). Именно эта встреча оказала позитивное влияние на процесс сближения России с этой авторитетной международной организацией. Турция однозначно высказалась за расширение взаимодействия России и ОИК и продемонстрировала готовность оказывать содействие этому важному для Москвы процессу. Так, по

инициативе Турции как хозяйки очередного форума ОИК на уровне министров иностранных дел стран-участниц для участия в его работе в Стамбул в июне 2004 года был приглашен глава внешнеполитического ведомства России Сергей Лавров, которому была предоставлена трибуна этого форума для изложения российской позиции в отношении исламского мира. По мнению экспертов, это стало важным шагом на пути укрепления диалога России с исламским миром.

Только в течение 2004 года министры иностранных дел России и Турции встречались семь раз. 23-26 февраля 2004 г. с официальным визитом в России находился заместитель Премьер-министра, министр иностранных дел Турции А.Гюль, который в мае 2004 г. посетил Москву в составе делегации ОИК для обсуждения вопросов ближневосточного урегулирования и ситуации в Ираке. В июне 2004 г. Министр иностранных дел России С.В.Лавров участвовал в министерской сессии ОИК и заседаниях Совета Россия-НАТО и Совета Евроатлантического Сотрудничества в Стамбуле. Рабочие встречи С.В.Лаврова с А.Гюлем имели место также в сентябре, ноябре и декабре 2004 г. в Нью-Йорке, Шарм аш-Шейхе и Анкаре, соответственно. Новая логика российско-турецкого взаимодействия требует регулярной «сверки часов» по тем вопросам, которые важны для обеих стран. По приглашению Президента России Премьер-министр Турции Р.Т.Эрдоган 10-12 января 2005 г. находился в Москве с рабочим визитом, в ходе которого в основном обсуждались практические вопросы дальнейшего повышения взаимодействия в торгово-экономической и энергетической сферах. В ноябре 2005 г. Президент России В.В.Путин находился с рабочим визитом в Самсуне, где состоялась официальная церемония открытия трансчерноморского газопровода «Голубой поток». Исторический визит президента РФ Владимира Путина в Турцию красноречиво продемонстрировал: между двумя странами налажен политический диалог нового качества, который обеспечивает такую «сверку часов». Не будет преувеличением отметить особую роль в этом процессе нынешнего турецкого правительства парламентского большинства, возглавляемого премьером Реджепом Тайипом Эрдоганом и его заместителем, министром иностранных дел Абдуллахом Гюлем. Ведь именно визиты в Москву Эрдогана в качестве лидера правящей в Турции Партии справедливости и развития в декабре 2002 года и Гюля в феврале 2004 года и их переговоры с Владимиром Путиным дали мощный позитивный импульс двустороннему политическому диалогу [1].

Турция, наряду с Европой, представляет для России основной рынок сбыта голубого топлива. Завершение строительства трубопровода «Голубой поток» повысило турецкую зависимость от российского газа с 66 до 80% [2].

В 2006 Турция начала развивать экономические отношения с рядом регионов Северного Кавказа, Поволжья и Урала, что являлось новым направлением сотрудничества [3].

В 2007 г. товарооборот между нашими странами составил 22,5 млрд. долл. (за январь-февраль 2008 года - 4,7 млрд. долл.). Объем российского экспорта в Турцию в 2007 г. составил 18,3 млрд. долл. (за первый квартал 2008 года - 3,9 млрд. долл.). Главными его статьями (до 70%) являются товары топливно-энергетического комплекса - Турция занимает третье место (после Германии и Италии) по объемам закупок российского газа (в 2007 г. - 23,3 млрд. куб.м.). Кроме того, в 2007 г. в Турцию было поставлено 3 млн. т сырой нефти. На втором месте – поставки металлоизделий (около 20,5%), на третьем – продукции химической промышленности (2,9%).

Импорт из Турции в 2007 г. составил 4,7 млрд. долл. (за январь-февраль 2008 года 683 млн. долл.). В основном он был представлен машинами, оборудованием и транспортными средствами (30,3%), текстилем и изделиями из него (20%), продовольственными товарами (15%), продукцией химической промышленности (10%).

Сохраняющееся положительное сальдо официальной торговли в пользу России (14 млрд. долл.) в значительной степени компенсируется поступлениями от «челночной» торговли (около 3 млрд. долл.), доходами Турции от туризма (порядка 2 млрд. долл.), от реализации турецкими компаниями подрядных строительных работ в России, а также положительным в пользу Турции сальдо в автоперевозках (до 300 млн. долл.) и денежными переводами турок, работающих в России.

Турецкие инвестиции в российскую экономику в 2007 г. составили около 3,9 млрд. долл. Капиталы были направлены на развитие пищевой, стекольной, электронной, электротехнической, деревообрабатывающей отраслей промышленности, в производство строительных материалов, бытовой химии, а также сферу услуг, торговлю, туристический и банковский секторы. В основном – это прямые инвестиции. И лишь небольшую часть – порядка 180 млн. долл. - составляют портфельные вложения в фондовый рынок России, на котором представлены пять турецких банков – «Yapı Kredi Москва», «Garanti Москва», «Finansbank Москва», «Ziraat bank», «Deniz bank Москва».

ЗАО «Атомстройэкспорт» провело в декабре 2007 г. презентацию российских предложений по строительству АЭС в Турции. Компания «Мечел» активно прорабатывает возможность приобретения активов в Турции в

электроэнергетической и угольной отраслях, а ОАО «Новолипецкий меткомбинат» - проект строительства металлургического предприятия полного цикла в г.Зонгулдаке. В марте 2008 г. ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и турецкий холдинг «Атакаш» приступили к строительству уникального российско-турецкого металлургического комплекса в г. Искендеруне (стоимость данного проекта свыше 1,7 млрд. долл.). О своих планах участвовать в тендерах по строительству ГЭС «Байрам» мощностью 69 МВт и ГЭС «Баглык» мощностью 58 МВт стоимостью каждой по 8,7 млн. долл. заявило АО «ВО Техностройэкспорт». ОАО «Стройтрансгаз» подало заявку на участие в финансируемом Мировым банком тендере на инженерную проработку контракта и сооружение наземной и подземной части газохранилища «Туз Гёлю» [3].

В феврале 2009 г. состоялся государственный визит в Россию президента Турции Абдуллаха Гюля по приглашению президента РФ Дмитрия Медведева. Московский саммит, по мнению турецких экспертов, стал важным событием не только с точки зрения дальнейшего развития двусторонних партнерских отношений между двумя евразийскими государствами, но и в плане обеспечения стабильности и безопасности в регионе и мире в целом.

Сегодня уровень торгово-экономических и культурных связей между двумя странами достиг самого высокого за всю историю уровня, однако их интересы сталкиваются в Среднеазиатском и Кавказском регионах, нередко расходятся и точки зрения по ряду международных проблем.

Несмотря на разногласия, существует целый набор объективных факторов, которые, будь они задействованы в полную меру, могут дать серьезный импульс усилению экономической интеграции двух стран. Что касается структуры экономик, то хозяйственные комплексы России и Турции в принципе взаимодополняемы, уровень качества производимой по обе стороны Черного моря продукции чаще удовлетворяет взаимным требованиям, а географическая близость и наличие дешевого морского сообщения снижает накладные расходы.

Россия и Турция — два важных евразийских государства, скоординированные действия которых в рамках комплексного многопланового партнерства могут обеспечить стабильность и безопасность в ряде регионов, урегулировать сложные международные проблемы. Развитие ситуации в мире и практика отношений Турции и России в течение последних десяти лет подтверждают необходимость дальнейшего укрепления доверия и углубления

взаимодействия между Москвой и Анкарой. Без преувеличения можно сказать, что в отношениях России и Турции наступает новый более конструктивный период.

Примечания:

1. А.А. Гурьев /Институт Ближнего Востока// <http://www.iimes.ru/>
2. Кентерли З., Россия и мусульманский мир. - 2005. - №5. – с.87.
3. Волкова С.Л. «Экономические отношения Турции с регионами России», Россия и современный мир. - 2006. - №3. - с.54-64.
4. Торгово-экономические связи между Россией и Турцией/ Официальный сайт посольства Росси в Турции// http://www.turkey.mid.ru/hron3_r.html

Круглый стол
«Турция и страны Европейского Союза:
противоречивые отношения и перспективы
развития»

107

**АНТИТУРЕЦКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КЛАССЕ ВЕДУЩИХ
ДЕРЖАВ ЕС: ПРИЧИНЫ, ПРОЯВЛЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

А.Г. Браницкий

1 января 2010 г. вступил в должность первый в истории Европейского Союза президент Европейского Совета - фламандец Херман Ван Ромпей, который активно выступает против вступления Турции в ЕС. Бывший премьер-министр Бельгии сразу после своего избрания на новый пост заявил: «Турция не является частью Европы, и никогда ею не будет. Расширение ЕС не может быть продолжено путем вступления Турции».[1] Как истинный христианский демократ Ван Ромпей объясняет свою позицию следующим образом:

универсальные ценности Европы, базирующиеся на идеологии Христианства, будут утрачены после вступления в ЕС такой большой исламской страны, как Турция.

Более осторожны в своих высказываниях президент Франции Николя Саркози и канцлер Германии Ангела Меркель, которые, однако, также неоднократно заявляли о недопустимости вступления Турции в ЕС и о том, что данным двум сторонам достаточно отношений «привилегированного партнерства». В частности, еще в ходе своей предвыборной кампании в 2007 году Н. Саркози заявлял, что у Европы есть определенные границы, и далеко не все страны могут стать ее полноправными членами. По мнению Саркози, Турции нет места в Евросоюзе, ибо безграничное расширение ЕС может привести к разрушению европейского политического союза. Таким образом, в отличие от Ван Ромпея французский президент более политкорректен – он акцентирует не цивилизационный и религиозный, а географический и геополитический аспекты проблемы. 7 апреля 2010 г. в Париже состоялась его встреча с премьер-министром Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом, который еще раз подтвердил, что единственной целью Анкары является полноправное членство в ЕС. В ходе данной беседы Н. Саркози принял официальное приглашение посетить Турцию.[2]

108

А за день до этого в интервью французской газете «Le Figaro» Р.Т. Эрдоган пояснил, что визит канцлера ФРГ А. Меркель в Турцию помог ей изменить свое мнение о Турции в лучшую сторону: «Правда, госпожа Меркель уже побывала в Турции в 2006 году, и очень бы хотелось, чтобы и господин Саркози тоже приехал к нам в гости и увидел наше развитие, а то у него, насколько я знаю, представление о Турции сложилось с тех пор, когда он в юности посещал нашу страну. Тогдашняя и нынешняя Турция совершенно разные страны». Вывод, сделанный Р.Т. Эрдоганом, прозвучал достаточно категорично: «Если мы вступим в ЕС, то не будем грузом, напротив поможем избавиться от него. Но если Турция не будет принята в ЕС как полноправный член, то от этого пострадает только сам Евросоюз, а не мы».[3] Интересно отметить, что в самой программе визита во Францию турецкого премьер-министра не было предусмотрено никаких пресс-конференций. Видимо, Париж и Анкара договорились не демонстрировать прессе свои серьезные разногласия по ряду международных вопросов.

Тем не менее, Р.Т. Эрдоган решил напомнить об этих разногласиях в одностороннем порядке и пообщался с журналистами перед рабочим завтраком в Елисейском дворце. В частности, он заявил, что не оставляет надежды на то,

что президент Саркози изменит свое мнение по вопросу о вступлении Турции в ЕС, ибо «Турция гораздо больше соответствует политическим и экономическим критериям членства в ЕС, чем некоторые из стран-членов».[4]

Что касается изменения официальной позиции ФРГ по вопросу принятия Турции в ЕС, то здесь не все так однозначно, как хотелось бы Р.Т. Эрдогану. Действительно, еще 7 января 2010 г. глава МИД ФРГ Гидо Вестервелле заявил, что Германия поддерживает вступление Турции в ЕС и призывает страну продвигать реформы для удовлетворения требований Евросоюза: «Соглашение, достигнутое между ЕС и Турцией, еще имеет силу, правительство Германии выполнит данное соглашение».[5] Однако он тут же уточнил, что переговоры по вступлению страны в ЕС являются открытым процессом, где невозможно гарантировать результат, а Турции еще надо удовлетворить требование, выдвинутое на саммите ЕС в Копенгагене в 2002 г. При этом визит канцлера ФРГ А. Меркель в Турцию, состоявшийся в конце марта 2010 г., мало что изменил – она весьма сдержанно прореагировала на требование Р.Т. Эрдогана предоставить его стране полноправное членство в ЕС.

За несколько дней до данного визита А. Меркель официально заявила: «Мои представления не претерпели изменений. С Турцией ЕС следует развивать привилегированное партнерство».[6] В Анкаре такая позиция встретила непонимание - премьер-министр и глава МИД Турции заявили о недопустимости возврата к разговору о привилегированном партнерстве для Турции. Р.Т. Эрдоган, в частности, раздраженно заметил: «О таком механизме не упоминается ни в одном соглашении ЕС. Вы не можете менять посреди игры правила пенальти. Мы играем в соответствии с установленными правилами ЕС».[7]

30 марта 2010 г., уже находясь в Анкаре, А. Меркель пояснила на совместной пресс-конференции с премьер-министром Турции Р.Т. Эрдоганом, что инициатива принять Турцию в ЕС в статусе привилегированного партнера была неверно воспринята, так как имелись в виду особые отношения Турции и Евросоюза. А. Меркель разъяснила, что «привилегированное партнерство» между сторонами является положительным выходом для Турции с ее уникальными экономическими и культурными особенностями. При этом никто не мешает Турции продолжать переговоры о полноценном членстве в ЕС, однако разрешение ситуации на Кипре является ключевым моментом для европейских перспектив Турции. По мнению канцлера ФРГ, процесс евроинтеграции Турции проходит в открытом режиме, то есть без жестких гарантий на получение полноправного членства. Прежде всего, необходимо,

чтобы Турция ратифицировала и начала исполнять положения Анкарского протокола. Интересно отметить и реплику Меркель о том, что Евросоюз изменился, соответственно изменились и правила игры.

Гораздо более явную поддержку Турции в ее усилиях стать полноправным членом ЕС традиционно оказывает Великобритания. В середине марта 2010 г. Р.Т. Эрдоган в сопровождении своего заместителя и министра иностранных дел Ахмета Давутоглу осуществил визит в Лондон по приглашению британской стороны, в ходе которого провел встречу с британским коллегой Гордоном Брауном. При этом обсуждались не только взаимоотношения Турции и Великобритании, но и возможное членство Турции в Евросоюзе. Еще до начала визита турецких гостей, выступая на совещании Лейбористской партии, Гордон Браун высоко оценил двусторонние отношения и заверил, что официальный Лондон продолжит содействовать Турции в вопросе членства в Евросоюзе: «Великобритания – один из самых больших друзей Турции, мы готовы предпринять все необходимые шаги для того, чтобы в ближайшие годы Турция стала полноправным членом Евросоюза». С подобной речью выступил и министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибенд.[8]

Тем не менее, и турецко-британские переговоры не стали безоблачными, ибо их омрачала резолюция о геноциде армян, принятая к рассмотрению в начале 2010 г. Палатой общин Великобритании. Более того, 16 марта 2010 г. именно в Лондоне комиссар по вопросам расширения ЕС Штефан Фюле в ходе встречи с делегацией Турции во главе с Р.Т. Эрдоганом, говоря о возможном членстве Турции в Евросоюзе, призвал прежде урегулировать отношения с Кипром и Арменией.[9]

С другой стороны, Великобритания далеко не одинока в своей поддержке европейских устремлений Турции. Например, председатель сената Нидерландов Рене Ван Дер Линден, прибывший в Турцию с целью проведения консультаций, в ходе визита к председателю Парламентской Ассамблеи Совета Европы Мевлюту Чавушоглу выразил поддержку полноправному членству Турции в ЕС. Глава голландского сената заявил о положительной оценке политики, проводимой Турцией в процессе реформирования, и акцентировал внимание на необходимости скорейшего выполнения условий, вытекающих из копенгагенских договоренностей: «В данном процессе на ЕС и на Турцию возложены обязательства, и в случае выполнения этих обязательств, я полностью поддерживаю полноправное членство Турции в ЕС».[10]

Таким образом, ведущие европейские государства – Германия, Франция и

Великобритания – по-прежнему не имеют общей позиции в отношении возможности (или невозможности) вступления Турции в Европейский Союз. Франко-германский подход поддерживают Бельгия, Австрия и многие страны Центрально-Восточной Европы. Британский подход находит понимание в Испании и Нидерландах. В целом, расширение Европейского Союза не завершилось, но существенно затормозилось. По нашему мнению, в ближайшие годы этот процесс будет реально развиваться лишь в направлении Западных Балкан и, возможно, стран-членов ЕАСТ (таких, как Исландия). Однако переговоры с Турцией будут продолжены и «турецкий вопрос» еще очень долго будет стоять в повестке дня Европейского Союза.

Примечания:

1. Цит. по: Эрдоган поинтересовался у Брауна о будущем Турции после выборов президента ЕС // http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=18161 - Armenia Today. 2009. 23.11.
2. На встрече с Эрдоганом Саркози подчеркнул важное значение ратификации подписанных армяно-турецких протоколов // <http://news.am/ru/news/18559.html>
3. Эрдоган: Турция нужна ЕС больше, чем ЕС Турции // www.regnum.ru/news/1270656.html - Regnum. Ru. 2010. 06.04.
4. <http://www.inosmi.ru/europe/20100408/159103706.html> - Radio France Internationale. 2010. 07.04.
5. Глава МИД ФРГ: Германия поддерживает вступление Турции в ЕС // <http://russian.people.com.cn/31520/6863096.html>
6. Ангела Меркель против полноправного членства Турции в ЕС // <http://iguru.ru/deposits/show.aspx?id=%7BD5A77895-4D3D-41D5-8ECF-7BD8ED9191B7%7D> - ПРАЙМ-ТАСС. 2010. 26.03.
7. Ангела Меркель указала Турции на ее место в ЕС // <http://www.baltinfo.ru/news/Angela-Merkel-ukazala-Turcii-na-ee-mesto-v-ES-136832>
8. http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=22973 - Armenia Today. 2010. 16.03.
9. ЕС поддерживает «усилия Турции и Армении по преодолению вековой вражды» // http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=23030 - Armenia Today. 2010. 17.03.
10. Голландия не против видеть Турцию в Евросоюзе // <http://www.panorama.am/ru/politics/2010/04/07/es/>

ОБРАЗ ТУРЦИИ В ОТРАЖЕНИИ БРИТАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ МАСС-МЕДИА

В.С.Белов

Изучать образ Турции именно в отражении масс-медиа важно т.к. масс-медиа являются единственным источником информации для обывателя. Так, в Великобритании и ФРГ граждане не имеют, ни времени узнавать на собственном опыте обстановку дел, ни возможности не опосредованно знакомиться с информацией циркулирующей в государственных учреждениях. Всю информацию они получают из медиа-структур. Значит, тот образ Турции, который создают масс-медиа, ведомые интересами различных политических субъектов, традиционно воспринимается населением как объективно существующий.

Следует отметить, масс-медиа определяются автором как - экзистенциально-экзогенный по отношению к политическому актору, но находящийся с ним в многогранной специфической взаимосвязи агент-посредник, медиатор, обеспечивающий коммуникацию и взаимовлияние власти, общества, иных субъектов в процессе выработки, принятия и осуществления политических решений.

Образ или имидж страны в отражении масс-медиа – это результат вербально-невербальной реконструкции восприятия населения и географической территории, с необходимыми для страны атрибутами, в сознании читательской/зрительской/слушательской аудитории в виде субъективного описания или информации. Сформировать образ помогают «направления» - т.е. сферы активности по созданию образа страны-кандидата.

В Великобритании, формируя образ Турции, консервативное масс-медиа - «The Telegraph» относительно культурно-цивилизационных различий и ценностей пишет: «Турция и...» - что очень важно – «...остальная Европа связаны воедино взаимными интересами и верой в демократию...»[1]. Видно: то, что Турция - часть Европы несколько не подвергается сомнению. Ведь «Турция опровергает мнение, что демократические ценности и светское государство несовместимы с мусульманским населением» [2], и «вступление столь огромной мусульманской страны в ЕС станет доказательством того, что мы [европейцы и турки] можем вместе жить, работать, и процветать» [3].

«The Telegraph» подчёркивает: «ЕС и европейцы всегда рассматривали Турцию как европейское государство...»[4], а «возражение, что Турция не является европейской страной, очевидно, не верно географически: миф основания Европы, история о Зевсе и Европе, происходила на турецкой земле. Политика Турции, по крайней мере, начиная с основания современного государства 82 года назад [цитата 2005 года], была подчинена тем же самым процессам, что и в остальной Европе» [5].

В итоге, консервативные масс-медиа создают такой образ Турции - светское мусульманское демократическое государство, являющееся частью Европейского региона и связанное с Европой общими ценностями, интересами, и давней историей взаимодействия. Вступление Турции в ЕС преподносится, как стратегически выгодное в плане международной безопасности и стабильности.

В подходе к формированию образа Турции лейбористскими масс-медиа есть ряд особенностей. Если консервативные масс-медиа выделяли спектр направлений (1-культурно-цивилизационное, 2-восприятие Турции, 3-безопасность, 4-выгоды от вступления), а затем, для создания положительного образа, писали «как хорошо» обстоят дела в каждом из них, то лейбористские масс-медиа, напротив используют другой метод, и говорят «как может стать хуже», если Турция не вступит в ЕС. Например: «мы [британцы] хотим видеть Турцию в Европейском союзе, и не одобрим другой путь. Страны ЕС рискуют окончательно разделить христиан и мусульман, если Турция не будет принята в Союз» [6]. Более того, крайняя аргументированность и сдержанный тон, как в заголовках статей («Вступление Турции в ЕС может занять десятилетие» [7], «ЕС открывает двери Турции» [8], нет никаких «Турция жизненно важна для европейского будущего» [9] или «Дайте Турции вступить в ЕС» [10]), так и в содержании.

В целом, образ Турции, формируемый «качественной» прессой лейбористских масс-медиа, выглядит так – светская мусульманская страна, расположенная на стыке Запада и Востока, «мост между Европой и исламским миром». Сильный союзник по НАТО, занимающий стратегически-важное положение на Ближнем Востоке, принятие которого в ЕС, поможет борьбе с терроризмом и в будущем обеспечит квалифицированной рабочей силой.

Метод формирования образа Турции либерально-демократическими масс-медиа Великобритании существенно отличается от консервативного и лейбористского. Он имеет две особенности: первая состоит в том, что

суждение о стране, её образ складывается по средствам воздействия на читателя огромного количества заявлений политиков континентальной Европы и Скандинавии. Вторая особенность заключается в использовании определённых, часто повторяющихся слов для создания стереотипного образа Турции. Как правило, это слова: «ислам», «вооружённые силы», «бедность».

Факт, и консервативная пресса, и лейбористская часто использовали в своих статьях словосочетание: «70 миллионная мусульманская страна», но только либерально-демократические масс-медиа добавили - «преимущественно бедная», и создали негативный образ Турции. Потому что «Европа - богатый, христианский клуб, посвящённый поддержанию счастливого существования тех, кто уже богат» [11].

Из всех масс-медиа, выражающих интересы ведущих партий Великобритании, либерально-демократические создают негативный образ Турции, как в основном бедного, светского мусульманского государства с 70 млн. жителей, в котором ещё недостаточно, в сравнении с ЕС, развиты институты соблюдения прав и свобод человека; судебное законодательство не приведено к соответствию нормам европейского права, а на пути вступления в Евросоюз лежат многочисленные препятствия, в частности отсутствие решения кипрского вопроса.

В ФРГ направления-штрихи, по средствам которых консервативные масс-медиа создают образ Турции, можно разделить на три основные группы. Первая группа – направления собственно-несущие негативный посыл это: противоречивый ход переговоров о вступлении, медленное реформирование Турции, религиозные и религиозно-светские противоречия, сложности интеграции турецких иммигрантов. Вторая группа – направления заведомо-вызывающие негативную реакцию такие, как: чрезмерная поддержка вступления Турции со стороны США, требования и притязания самой Турции.

Формирование образа Турции у консервативных масс-медиа ФРГ не исчерпывается только обозначенными выше направлениями. Неоспоримо важным штрихом к созданию имиджа Турции служит направление третьей группы, а именно - стратегическая важность страны-кандидата в экономической сфере и глобальной безопасности ЕС. Здесь складывается образ совершенно иной.

Поэтому, консервативные масс-медиа ФРГ создают Турции противоречивый образ. Изображают её с одной стороны как - 70-миллионную, мусульманскую, с основаниями опасаться за соблюдение принципов светского

государства, страну, которая не соблюдает нормы международного права, а в ней самой нарушаются права человека, религиозных и национальных меньшинств. Но с другой стороны как – страну со стратегически важным положением на Ближнем Востоке, Кавказе и Балканах. Связующий мост и важный знак для кооперации с исламским миром. Компаньона в экономической и важнейшего партнёра в энергетической сфере, от которого зависят поставки газа в Европу.

Для создания образа Турции социал-демократические масс-медиа ФРГ обращаются к следующим направлениям: преодоление исламофобии – «Турция никогда не была колонией. Это - одна из причин, почему радикальный политический ислам плодоносил здесь меньше, чем в арабских государствах. Не хватает чувства существенной, исторической обиды. Турция не произвела ни одного исламистского идеолога» [12]. Более того, продолжает «Die Zeit»: «верующие турки заявляют: Ислам и модерн, это гармонирует! Цель - реформируемая Турция» [13]. Потому что: «речь идет о либерально-консервативном мировоззрении, семейных ценностях и правильной смеси из турецкой культуры и западной демократии» [14].

Проблема национальных меньшинств в отражении социал-демократических масс-медиа показана явно с турецкой стороны. В их статьях нет многочисленных обвинений в ущемлении прав курдов.

Облик правящей элиты Турции: «Сегодня экономические дела идут у Турции ослепительно. У нее есть успешное правительство уже 4 года. И ненадежность - совершенно демократическая: выборы» [15].

Стратегическое значение в сфере безопасности. Турция – посредник: «теперь турки занимаются благоприятной политикой посредничества» [16], ведь: «в то время как американцы, при Джордже Буше (младшем), потеряли свою «мягкую» силу, турки на Ближнем Востоке окрепли в силе убеждения. Теперь они могут делать больше, чем Тони Блэр, за которым стоят американцы и ЕС. Пора, чтобы европейские внешнеполитические стратеги осознали эти новые факты» [17]. Эти мирные усилия часть новой турецкой внешней политики, т.н.: «Политика нулевой проблемы (Null-Problem-Politik)» [18].

Важная особенность создания образа Турции социал-демократическими масс-медиа состоит в том, что они не используют применительно к Турции штампового словосочетания: «мост между Востоком и Западом». Так как оно не освобождает от неприятного чувства, что турки обречены на то, чтобы навечно застрять на этом мосту. А в отличие от своих консервативных германских

коллег, социал-демократические масс-медиа создают положительный образ Турции, как светского государства, в котором сочетается либерально-консервативное мировоззрение, семейные ценности, турецкая культура и западная демократия. С успешным проевропейски-настроенным правительством, для которого единственная нестабильность - демократическая: выборы. Где в решении проблемы национальных меньшинств, правительство наталкивается на непонимание у самих этих национальных меньшинств, перерастающее в террористические акты. Более того, создают Турции имидж государства стратегически важного для ЕС в качестве посредника, проводящего «политику нулевой проблемы» на Ближнем Востоке и Кавказе, а также партнёра, от которого зависит энергетическая безопасность Европы.

В попытке реконструировать образ Турции либеральные масс-медиа ФРГ прибегают к внутренне-контрастным направлениям: облик и положение правящей элиты: с одной стороны шаткое положение нового «несветского» правительства, однако с другой стороны «Der Spiegel» объясняет турецкий парадокс: «исламские противники - это необязательно силы прогресса, многие из них критически противостоят Западу и враждебны» [19].

Взгляд самих турок на членство в ЕС: с одной стороны, как пишет «Der Spiegel»: «турецкий министр иностранных дел знает, что воодушевление от вступления в ЕС убавляется среди турецкого населения. Но одновременно с этим скепсису Меркель и Саркози противостоит Гюль со страниц того же «Der Spiegel»: «политики приходят и уходят. Они могут иметь различные образы действий, вероятно, из недостатка в видении, но это не отвернёт нас от нашей дороги» [20].

Религиозные противоречия - снова парадоксальное сочетание контрастных тенденций: «в Турции дискриминация христиан, исчезающий «секуляритет» (Säkularität) [21]. При всём этом: «по словам премьер-министра Эрдогана Папа Римский высказывался за полноправное членство Турции в ЕС» [22]. «Перед прессой в аэропорту Эрдоган сказал, что попросил бы Бенедикта XVI о его поддержке в процессе вступления Турции в Евросоюз. На что понтифик ответил, что он не политик, но он желал бы, чтобы Турция вошла в ЕС» [23] и «Турция - это естественный мост между континентами, сказал Бенедикт XVI перед несколькими сотнями католиков» [24]. Также противоречия прослеживаются в проблеме Кипра и курдском вопросе. Единственное внутренне-непротиворечивое направление - стратегическое значение Турции как посредника и партнёра ЕС.

Из сказанного выше видно, либеральные масс-медиа СвДП Германии создают эклектический образ Турции, как страны, в которой сталкивается модерн и консерватизм, Запад и Восток. Где повсеместно распространена сильная поляризация: религиозно-консервативные, прогрессивные силы, к которым относится правящая Партия справедливости и развития (ПСР), им противостоят радикальные «кемалисты», поддерживаемые влиятельной армией. В стране ущемляются права христиан, но глава католической церкви приветствует вступление Турции в Евросоюз. В проблеме национальных меньшинств сплетаются реформы, терроризм и реакционизм правительства. Нежеланная некоторыми силами в Евросоюзе и геостратегически-уникальная. Ценность этой страны-кандидата не ограничена лишь контактом с Ближним Востоком. Также на Балканах, в регионе Чёрного и в бассейне Средиземного моря, в Афганистане, Пакистане и в Центральной Азии, в Африке, Турция превратилась в важного партнёра ЕС, посредника и агента для развития стабильности. Такой эклектический образ приводит к нейтральности в отношении. Его разительные экстремумы уравнивают друг друга, не давая положительным или отрицательным моментам доминировать.

Резюмируя, большинство политических сил Соединённого Королевства и ФРГ с помощью масс-медиа создают положительный, либо нейтральный образ Турции. Это свидетельствует о том, что в обозначенных странах, как минимум начиная с 2005 г., осуществляется подготовка общества к позитивному восприятию вступления Турции в Евросоюз.

Примечания:

1. Turkey is vital to Europe's future/ The Telegraph. - Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/opinion/main.jhtml?xml=/opinion/2007/09/05/do0502.xml>.
2. Там же.
3. Turkey wins deal to start EU talks/ The Telegraph. - Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/turkey/1499885/Turkey-wins-deal-to-start-EU-talks.html>.
4. Crunch talks begin over Turkey's EU entry/ The Telegraph. - Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/turkey/1499817/Crunch-talks-begin-over-Turkey%27s-EU-entry.html>.
5. Our friends in Turkey should be allowed in EU/ The Telegraph. - Mode of access:

- <http://www.telegraph.co.uk/opinion/main.jhtml?xml=/opinion/2004/05/18/dl1801.xml>.
6. Straw urges Turkey EU membership/ BBC NEWS. - Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/4302358.stm.
 7. Turkey's EU bid «may take decade»/ BBC NEWS. - Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3709110.stm>.
 8. EU opens door to Turkey/ BBC NEWS. - Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4103397.stm>.
 9. Turkey is vital to Europe's future/ The Telegraph. - Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/opinion/main.jhtml?xml=/opinion/2007/09/05/do0502.xml>.
 10. Let Turkey join the EU/ The Times. - Mode of access: http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/anatole_kaletsky/article491156.ece.
 11. Turkey - on Europe's doorstep, but still so far from joining the club/ The Independent. - Mode of access: <http://www.independent.co.uk/news/europe/analysis-turkey--on-europes-doorstep-but-still-so-far-from-joining-the-club-509103.html>.
 12. Republik contra Religion/Die Zeit. - Mode of access: <http://www.zeit.de/2006/33/Tuerkei>.
 13. Die anatolische Versuchung/ Die Zeit. - Mode of access: <http://www.zeit.de/2008/21/T-rkei3>.
 14. Там же.
 15. Der falsche Aufstand/ Die Zeit. - Mode of access: <http://www.zeit.de/2007/19/01-Tuerkei>
 16. Erdogans neue Außenpolitik/ Die Zeit. - Mode of access: <http://www.zeit.de/online/2008/51/tuerkei-aussenpolitik-friedensvermittlung>.
 17. Там же.
 18. Там же.
 19. Drama mit vertauschten Rollen/ Der Spiegel. - Mode of access: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-51449025.html>.
 20. Türkei wirft Merkel und Sarkozy Mangel an Vision vor/ Der Spiegel. - Mode of access: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,624339,00.html>.
 21. Goldenes Kreuz unter der Bluse/ Der Spiegel. - Mode of access: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,437512,00.html>.
 22. Papst für Aufnahme der Türkei in die EU/ Süddeutsche Zeitung. - Mode of access: <http://www.sueddeutsche.de/politik/972/352804/text/>.
 23. Там же.

24. Extremisten bezeichnen Papst als Kreuzfahrer/ Der Spiegel. - Mode of access: <http://www.spiegel.de/panorama/0,1518,451518,00.html>.

Круглый стол **«Внешняя политика Анкары на азиатском пространстве»**

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДАГЕСТАНО - ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

А.З.Курбаналиев

История дагестано – турецких отношений насчитывает несколько веков. На современном историческом этапе отношения между Дагестаном и Турцией развиваются в рамках международных договоров Российской Федерации с Турецкой Республикой. Дагестано - турецкие отношения развиваются, как в гуманитарной, так и экономической сферах. Торгово-экономические связи Дагестана и Турции развиваются в основном на уровне хозяйствующих субъектов, между субъектами малого и среднего бизнеса.

В экономическом сотрудничестве с Россией Турция все больше внимания уделяет регионам Северокавказского и Южного федеральных округов, что объясняется рядом причин объективного характера, прежде всего Турция подчеркивают свою этнорелигиозную близость к некоторым народам северокавказских республик. Установленный обеими сторонами упрощенный порядок визового обслуживания, минимальные ставки таможенных платежей также играют стимулирующую роль в российско-турецком торговом сотрудничестве.

В свою очередь и южные субъекты Российской Федерации проявляют немалый интерес к налаживанию деловых связей с представителями турецкого бизнеса.

Турция уделяют большое внимание торговому бизнесу. Причем наряду с традиционными экспортными товарами (кондитерские изделия, кожа, моющие средства) в последнее время в южные регионы России осуществляются поставки технологического оборудования и машин турецкого производства. Турецкая сторона практикует поездки представителей бизнес-структур в южные российские регионы.

Турецкие компании проявляют большую заинтересованность в налаживании экономического сотрудничества с Дагестаном. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в сентябре 1995 года Дагестан посетил президент Союза торговых палат и товарных обменов Турции Ялим Эрез с представителями 35 турецких компаний. Целью визита турецкой стороны было ознакомление экономического потенциала Дагестана. В свою очередь тогдашний заместитель председателя Правительства Республики Дагестан Н.Магомедов отметил, что Правительство Дагестана заинтересовано в привлечении турецких инвестиций в сельскохозяйственную отрасль, прежде всего в переработку шерсти, а также в развитии туристического бизнеса. Я.Эрез в ходе визита отметил, что «Турция заинтересована в экономическом сотрудничестве с Дагестаном и другими мусульманскими республиками Российской Федерации». [1]

Оценивая итоги визита Ялима Эреза, необходимо отметить, что 9 сентября 1995 года между Правительством Республики Дагестан и Турецким Союзом Торговых Палат Республики Турция (ТОББ) было подписано Соглашение о сотрудничестве, согласно которому стороны обязуются оказывать поддержку и содействие субъектам бизнеса в организации экономической и хозяйственной деятельности, путем создания совместных предприятий на территориях обеих республик.

В свою очередь подписание данного соглашения способствовало увеличению объема товарооборота между республиками. [2] По итогам 1997 года товарооборот между Дагестаном и Турцией составил 5,354 млн. долларов и тем самым Турция вышла на четвертое место, уступая только Азербайджану, Украине и США. [3]

Также, в настоящее время на территории Дагестана действует 26 совместных предприятий (СП) созданных с участием турецкого капитала. По данному показателю Турция занимает первое место, значительно опережая такие страны как Азербайджан, Казахстан, Объединенные Арабские Эмираты. [4]

Внешнеторговый оборот Дагестана с Турцией в последние годы имеет

тенденцию роста. Например, если в 2001 году внешнеторговый оборот составлял 1,396 млн. долларов, то в 2007 году он уже составил 6,893 млн. долларов, то есть за 6 лет вырос в 5 раз. [5] По итогам 2007 года дагестанский экспорт в Турцию составил 69,2 тыс. долларов, импорт - 6,824 млн. долларов, то есть турецкий экспорт, значительно превышает дагестанский. Турция в настоящее время занимает четвертое место по объему товарооборота с Дагестаном после Азербайджана, Ирана и Мальты. [6]

Дагестанский экспорт в основном состоит из алюминия и изделий из него, сепараторов молочных, шкур крупного и мелкого рогатого скота и других товаров. В свою очередь из Турции в Дагестан экспортируется хлебобулочное оборудование, сельскохозяйственная техника, телевизоры, холодильники, мебель, стройматериалы, продукты неорганической химии, кондитерские изделия. [7]

Одним из примеров взаимодействия между хозяйствующими субъектами Дагестана и Турции, в частности, является сотрудничество ОАО «Аист» (РД) с компанией «Премьер» (Турция). Стороны намерены разработать проект, предусматривающий строительство на базе ОАО «Аист» металлкомбината по производству 170-200 тыс. тонн строительной арматуры в год. Ориентировочная стоимость проекта составляет 40 млн. долларов. Турецкие предприниматели мотивировали свое желание инвестировать средства в данный проект тем, что в «Турции отсутствует свой металл, а также стоимость электроэнергии и газа является высокой». [8]

Кроме того, в ходе официального визита турецкой делегации в Дагестан во главе с Чрезвычайным Полномочным Послом Турецкой Республики в Российской Федерации Куртулушем Ташкентом в ноябре 2007 года, высокопоставленный дипломат отметил, что турецкую сторону интересует ряд инвестиционных проектов на территории Дагестана. В частности, Турцию интересуют такие отрасли для вложения капитала как переработка кожевенного сырья, переработка мясной продукции, строительство, туризм, развитие транспортной инфраструктуры, и телекоммуникационная отрасль. [9]

Примечательно, что К.Ташкент стал первым послом Турции в России, который посетил Дагестан.

Для Дагестана, учитывая ее стремления по привлечению иностранных инвестиций в региональную экономику, развитие отношений с Турцией, прежде всего, в экономической сфере является одной из приоритетных направлений во внешнеэкономической и международной деятельности. В связи с этим 27

февраля 2009 года в посольстве Турецкой Республики в Москве состоялась презентация инвестиционного потенциала Дагестан, организованная региональным министерством инвестиций и внешнеэкономических связей. [10]

Присутствие на презентации торгового представителя Турецкой Республики, главы Торговой Миссии, советника посольства Турецкой Республики Аттила Кызыларслана, советника по экономике посольства Шюкрю Четинкайа, главы представительства в России российско-турецкой ассоциации дружбы и предпринимательства - «Рутид» Мухаррема Качмаза, представителя комитета внешнеэкономических связей Турции в России М.Ондер Текели, а также руководителей 20 турецких компаний явно свидетельствует об интересе Турции в развитии экономических отношений с Дагестаном. В ходе презентации турецкую сторону особенно заинтересовали проекты в сфере переработки сельхозпродукции, производства стройматериалов, морских и авиаперевозок.

В последние годы между Дагестаном и Турцией также налажено и транспортное сообщение. В частности, с 2004 года между Махачкалой и Стамбулом осуществляются регулярные чартерные рейсы. [11]

Сотрудничество между Дагестаном и Турцией как уже отмечалось, осуществляется и в гуманитарной сфере. Так в частности, при факультете востоковедения Дагестанского государственного университета (ДГУ), с апреля 2005 года функционирует Центр турецкого языка и культуры, финансирование, которой осуществляется Международным казахо-турецким университетом им. Ахмета Ясави. [12]

Также, турецкая исламская благотворительная организация «Торос» открыла свои колледжи в Махачкале, Дербенте и Ботлихе. В Дербенте также осуществляет свою деятельность Международный дагестано-турецкий гуманитарный институт. [13]

ДГУ сотрудничает с университетом им.Ататюрка и университетом Гази, Центр востоковедения Дагестанского научного центра Российской академии наук (ДНЦ РАН) взаимодействует с Культурным центром им.Ататюрка в Анкаре в рамках проекта «Энциклопедия деятелей литературы тюркского мира». [14]

Также в ходе визита делегации Дагестанского государственного университета во главе ректором Муртазали Рабадановым в Турцию с 8 по 15 апреля 2009 года было пролонгировано утвержденное Высшей Аттестационной комиссией Турции соглашение между ДГУ и Университетом Фатих (г.Стамбул)

о сотрудничестве в области образования, науки и культуры. Помимо этого в ходе визита 13 апреля того же года был подписан договора о сотрудничестве между ДГУ и Университетом Эрчис (г.Кайсери). В ходе переговоров с ректором университета Эрчис Ф.Колештемуром было достигнуто соглашение о научных и академических обменах между двумя вузами. [15]

Устанавливаются связи и между религиозными учреждениями республик. С помощью Турции в Махачкале построена Центральная мечеть (1997 г.). В Стамбуле открыто представительство Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), а в ряде районов Дагестана функционируют религиозные школы, обучение в которых ведут турецкие духовные лица. [16]

Одним из немаловажных факторов развитию дагестано-турецких отношений является наличие проживания в Турции около 500 тыс. выходцев из Дагестана. [17]

Развитию деловых отношений способствуют и побратимские связи между городами Дагестана и Турции - Ялова-Махачкала.

В рамках побратимских отношений, в турецком городе Ялова издается ежеквартальный журнал «Дагестан», которое является источником культурного общества «Дагестанцы», функционирующего в Ялове с 1995 года. Культурные общества подобного рода, созданные представителями дагестанской диаспоры, действуют и в других городах Турции - Анкаре, Стамбуле, Балыкесире, Анталии, Муше, Измире, Бурсе, Кахраманмараше, Инеголе. Многие из них также выпускают собственные газеты и журналы.

Благодаря подобным изданиям дагестанские соотечественники получают информацию об общественно-политической ситуации в Дагестане, о жизни дагестанцев проживающих в других странах, способствует их взаимному сближению и служит им для обмена новостями. Однако культурные общества постоянно сталкиваются с проблемой отсутствия финансовых средств, в основном периодические издания выпускаются благодаря добровольным взносам представителей дагестанской диаспоры. [18]

В 2005 году заместитель министра по делам молодежи и туризму Республики Дагестан Магомедрасул Магомедрасулов вместе с дагестанскими ансамблями «Нарын-кала», «Дербент» и «Алапат» посетили г.Ялова. В ходе визита заместитель министра по делам молодежи и туризму РД М.Магомедрасулов побывал в селе Гюней, где в основном проживают дагестанские соотечественники. [19]

Периодически при культурных обществах проходят культурные мероприятия, посвященные дагестанскому фольклору. Так, например, в мае 1998 года усилиями «Объединенного кавказского общества» в Бурсе (Турция), состоялся вечер, посвященный кавказской культуре. [20]

Таким образом, Турция является одним из основных внешнеторговых партнеров Дагестана. Товарооборот между республиками в последние годы имеет положительную тенденцию. Однако турецкий экспорт по-прежнему значительно превалирует во внешнеторговом обороте между республиками, это позволяет сделать вывод, что дагестанская продукция маловостребована и не достаточно пользуется популярностью в Турции. Также одной из самых основных причин достаточно тесных отношений между республиками является наличие этнорелигиозного фактора и проживанием дагестанских соотечественников на территории Турции. В свою очередь, данное обстоятельство демонстрирует, что все-таки стержнем дагестано-турецких отношений является сотрудничество в научно-культурной сфере. Главным препятствием для интенсификации двусторонних отношений в экономической сфере является отсутствие стабильности, как в Дагестане, так и на Северном Кавказе в целом, вызванное в первую очередь активной деятельностью террористических группировок. Лишь при решении данной проблемы можно добиться увеличения взаимного товарооборота и об инвестиционной привлекательности Дагестана.

Примечания:

1. Речь президента Союза торговых палат и товарных обменов Турецкой Республики Ялима Эреза во время визита в Дагестан (Махачкала, 9 сентября 1995 г.)//Информационное агентство Интерфакс, официальный Интернет-сайт//<http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=archive&id=13539>, 08.09.1995
2. Соглашение между Правительством Республики Дагестан (Российская Федерация) и Турецким Союзом Торговых Палат Республики Турция (ТОББ) о сотрудничестве//Официальный Интернет-сайт министерства по национальной политике, информации и внешним связям РД//http://www.minnaz.ru/agree_files/rd%20i%20turkie.doc
3. Внешнеэкономическая деятельность Республики Дагестан. Статистический ежегодник (1992-2003 гг.)//Материалы территориального органа Федеральной службы государственной статистики РФ по РД. С. 6
4. Курбаналиев, А.З. Республика Дагестан в системе международных и внешнеэкономических связей//А.З. Курбаналиев//Н.Новгород, 2009. С. 72

5. Внешнеэкономическая деятельность Республики Дагестан. Статистический ежегодник (2001-2007 гг.)/Материалы территориального органа Федеральной службы государственной статистики РФ по РД. С. 7
6. Там же. С. 7
7. См. Официальный сайт Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ//<http://www.turkey.polpred.ru/tom1/26.htm>, 02.03.2005
8. Хидиров, Г. Глава республики встретился с турецкими предпринимателями/Г. Хидиров//Дагестанская правда. 8 июня 2004 г.
9. В Дагестане находится с визитом посол Турции//Официальный Интернет-сайт Института стратегического анализа и прогноза//<http://www.easttime.ru/news/2/6/271.html>, 09.11.2007
10. 27 февраля в Посольстве Турецкой Республики в Москве состоялось презентация инвестиционного потенциала Республики Дагестан//Официальный Интернет-сайт Министерства инвестиций и внешнеэкономических связей РД//http://en.daginvest.com/index.php?option=com_content&view=article&id=110:27-&catid=59:2009-05-04-15-40-58&Itemid=58, 20.05.2009
11. «Авиалинии Дагестана» начнет осуществлять регулярные рейсы в Турцию//Черновик. 25 марта 2004 г.
12. Развивается сотрудничество между Дагестаном и Турцией//Информационное агентство РИА Дагестан, официальный Интернет-сайт//<http://riadagestan.ru/rubric.php?name=politics&new=488&portion=26>, 11.03.2005
13. См. Официальный сайт Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ//<http://www.turkey.polpred.ru/tom1/26.htm>, 02.03.2005
14. В интересах развития деловых связей//Официальный Интернет-сайт Президента РД//<http://www.president.e-dag.ru/index.php?p=news&area=1&newsid=334>, 20.06.2007
15. Визит делегации ДГУ в Турцию//Официальный Интернет-сайт Дагестанского государственного университета//<http://www.dgu.ru/content/view/673/259>, 20.04.2009
16. См. Официальный Интернет-сайт газеты «Ассалам» Духовного управления мусульман Дагестана//<http://assalam.dgu.ru/html10/a10-9.html>, 20.02.2000
17. Встреча с послом Турции//Официальный Интернет-сайт правительства РД//<http://www.e-dag.ru/cgi-bin/srch/archive.pl?y=2007&m=09&d=2&n=0&pap=press>, 04.09.2007
18. См. Официальный Интернет-сайт газеты «Ассалам» Духовного управления мусульман Дагестана//<http://assalam.dgu.ru/html10/a10-9.html>, 20.02.2000

19. В турецком городе Ялова завершился второй Международный фестиваль фольклора народов Кавказа//Официальный Интернет-сайт «Первого осетинского

радио»//http://osradio.ru/2005/08/11/v_turetskom_gorode_jalova_zavershilsja_vtoroj_mezhdunarodnyj_festival_folklor_narodov_kavkaza/, 11.08 2005

20. См. Официальный Интернет-сайт газеты «Ассалам» Духовного управления мусульман Дагестана//<http://assalam.dgu.ru/html10/a10-9.html>, 20.02.2000

ВЛИЯНИЕ ТУРЦИИ НА ЗАКАВКАЗСКУЮ ПОЛИТИКУ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

А.С.Матвеев

После распада СССР и подписания Беловежского соглашения Россия отчетливо снизила свой интерес к закавказским территориям, в этот период времени значительное влияние в регионе стали оказывать Турция и Иран. Лишившись идеологической и организационной опоры в лице КПСС, которая обеспечивала единство народов региона и защиту от социальных потрясений, правящие элиты начали искать свое место в новой системе международных отношений. У власти новых республиках остались прежние партийные чиновники, взяв курс на переоценку советских ценностей, и под предлогом сохранения стабильности в регионе долгое время удерживали власть. Первоочередным являлся вопрос о дальнейшем политическом и экономическом пути развития республик. Для традиционных по своей сущности обществ это вопрос оказался затруднительным. Россия сама занималась решением этой проблемы, Запад был более озабочен дальнейшим выбором России, а не новых закавказских республик. В данной ситуации возникли два очевидных варианта; первый это создание государства с преобладанием религии во всех сферах общественной жизни по модели Ирана; второй вариант турецкая модель развития – светское государство с религиозной основой.

Турция и Иран активно соперничали за распространение своего влияния в регионе. Иран и Азербайджан страны, имеющие общее исламское и культурное прошлое, что позволило быстро найти пути взаимодействия. Грузия и Армения оказались в более сложном положении, будучи христианскими странами, причисляли себя к европейской цивилизации, но сама Европа до сих пор не считает эти государства европейским пространством, хотя и позволяет им

участвовать в некоторых европейских структурах. В результате государства Закавказья выбрали турецкую модель развития. Выбор Азербайджана в пользу турецкой модели обозначил увеличение влияние Турции в международных отношениях как самостоятельного игрока. Турция более чем Иран способна защитить интересы мусульманских постсоветских стран на Западе. Турция также предоставляет этим странам финансовую помощь, компенсируя затраты товарными льготами от США и западных стран. В Закавказье активизируют свою деятельность правительственные и не правительственные организации, главной задачей которых являлось пропаганда турецкой модели развития и защита от иранской исламизации. Протурецкие организации занимаются подготовкой управленческих кадров разного уровня и священнослужителей [1]. Со стороны Турции выдвигается ряд инициатив в области экономического сотрудничества. С Грузией заключены многочисленные договоры по развитию энергетики, связи, транспорта. С 1997 Турция ведет подготовку грузинских военных в турецких военных вузах. Турецко-армянские отношения развиты гораздо меньше. Прежде всего, это связано со сложными дипломатическими отношениями. Исторически сложилось так, что Армяно-Турецкие отношения редко имели двухсторонний характер. Они рассматривались, через призму глобальной политики и с учетом политических интересов Турции и крупных держав. Конечно, нельзя сравнивать нынешнюю геополитическую ситуацию в мире с тем, что было 90 лет тому назад, когда формировалась Турецкая Республика. Сегодня другая и Турция, и крупные геополитические игроки, другие и условия и интересы и цели. Однако, исторические события оставили не только не решенные проблемы (и прежде всего с Арменией), но и формировали определенную национальную психологию у турецкого общества. Общественное мнение разделено на три основные, довольно весомые, группы: западноевропейское, традиционно-исламское и националистическое. Правительство для поддержания стабильности вынуждено учитывать интересы каждой из этих групп и любая диспропорция в этом вопросе незамедлительно приведет к политическому кризису. Этим и объясняется «трехмерность» и противоречивость сегодняшней турецкой политики, где наряду со стремлением стать частью ЕС, в ней ярко выражено вырисовывается происламская и протюркская направленность. Последние инициативы по открытию армяно-турецких границ выглядят беспроигрышным шагом как для Армении так и для Турции, так как основной упор делается на экономическое сотрудничество, необходимость решения всех вопросов политическими методами [2].

Стратегическое значение для Ирана имеет вопрос трубопровода. Страны,

через которые будут проходить каспийские энергоресурсы, станут крупной региональной силой. Сегодня часть нефти из Закавказья идет через нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан. С геополитической точки зрения, основная цель строительства нефтепровода заключалась в создании независимого от России и Ирана пути транспортировки нефти из Азербайджана (а впоследствии и Казахстана) на мировые рынки. США и Великобритания, лоббировавшие и финансировавшие проект, в качестве его обоснования выдвинули идею о необходимости диверсификации маршрутов экспорта энергоносителей и стабилизации мирового энергетического рынка. С началом его работы в очередной раз существенно изменилась геополитическая расстановка сил в о регионе. Ввод в эксплуатацию нефтепровода даёт возможность более активно осваивать ресурсы каспийского бассейна. Нефтепровод проходит по территории трёх стран — Азербайджана (449 км), Грузии (235 км) и Турции (1059 км) [3]. За последнее время Грузия приобрела большое значение для транзита нефти и нефтепродуктов, главным образом, в Европу. Кроме того, эта страна рассматривается как один из возможных транзитных маршрутов в рамках нескольких международных проектов транспортировки нефти и газа из Средней Азии на мировые рынки, в том числе в страны Черноморского бассейна. Российско-грузинский конфликт сделал транзит нефти и газа через Закавказье более чем проблематичным. Импортёры нефти и газа заявляют о сбое в поставках. В частности, Армения недополучила 30% объёмов российского газа, который идет через Грузию, а экспортёры сетуют о невыполнении договорных обязательств перед партнёрами. Большинство из них начали переориентироваться на другие направления: Казахстан - на внутренний рынок, Азербайджан - на нефтепровод Баку - Новороссийск. Грузия в одночасье стала рискованным направлением транспортировки топлива, заставив добывающие государства задуматься об альтернативных маршрутах [4]. Проект Nabucco остается в поле внимания мирового сообщества, так как от этого проекта, во многом, зависит перспектива европейской энергетической безопасности и места и роли тех или иных поставщиков энергоресурсов в Закавказье. Конечно, ведущим заинтересованным потребителям газа в континентальной Европе хотелось бы, помимо российских источников, иметь доступ к альтернативным источникам газа, но существуют ли вполне надежные и реализуемые маршруты, с учетом мнения и позиции Турции и Ирана. Заинтересованность Ирана в Nabucco заключается в том, что он являлся бы главным и определяющим поставщиком газа, когда ни Азербайджан, ни Ирак не могли бы стать альтернативой иранским месторождениям газа. Иран заявляет, что в нынешней региональной политической ситуации без его участия не может быть реализован проект

Nabucco. Азербайджан пытается наверстать упущенное, утвердить свое место в данной игре, пытается более-менее убедительно продемонстрировать свою готовность направить газовые ресурсы в северном направлении [5]. Главной проблемой осуществления проекта остаются позиция и политические амбиции Турции, которая пытается получить более весомую роль в регионе. Данный проект, его условия, факторы реализации и имеющиеся ограничители продемонстрировали проблематичность сочетания Турцией двух основных направлений ее политики – традиционно западного и «нового» восточного.

МИД Ирана неоднократно заявлял, что стратегические интересы Ирана в странах Закавказья определяются не только стремлением к развитию политических отношений и получению экономических выгод, но и надеждой на выход из международной изоляции, а также необходимостью сохранения хороших отношений с Россией. Реализация проектов позволит поднять авторитет Ирана в мире и откроет возможности снятия блокад и эмбарго. В регионе ведется активное противодействие усилению позиции Ирана со стороны Турции и США, связанные, в том числе с выступлениями иранского руководства против продвижения НАТО на Восток, а также на южный фланг альянса через Турцию, в страны Персидского залива. Иран неоднократно высказывал свое неприятие позиции Азербайджана по поводу намерения разместить на Апшеронском полуострове американскую военную базу и заявлял, что не будет мириться с чужеродным военным присутствием вблизи своих границ. В контексте последних договоренностей России и США о ракетной обороне и возможных иранских санкциях, Азербайджану предстоит выбор дальнейшей ориентации. Тем более, что эти договоренности могут подключить к использованию в системе ПРО Габалинскую РЛС в Азербайджане. Однако тут первостепенной является все же проблема Ирана, для сдерживания ядерных амбиций которого США не только пытаются добиться применения жестких санкций, но и стремятся разместить в регионе элементы ПРО, в связи, с чем время от времени появлялись сообщения о возможности их установления в Турции. Но Турция, активно претендующая на роль регионального миротворца, пошла на налаживание отношений с Ираном и настаивает на необходимости разрешения иранской ядерной проблемы исключительно мирным путем. А США заявили о намерении вывезти свои ядерные боеголовки, в первую очередь, с территории Турции и из стран - партнеров по НАТО в Европе [8]. Неизвестно, какую роль во всей этой Большой геополитической игре будет играть Армения с ее дружественными отношениями и активным экономическим сотрудничеством с Ираном, как в контекст этих процессов вписывается нормализация армяно-турецких

отношений и разблокирование границы между двумя странами.

После грузино-российского конфликта возникла новая реальность в Закавказье, которую Турция принимает во внимание. В свое время Абхазия, входила в состав Османской империи, и это имперское наследие отражается в том факте, что около 500 тысяч граждан Турции считают, что у них абхазские корни. Османское прошлое также лежит в основе популярной внешнеполитической концепции 'стратегической глубины', имеющей историческое и географическое измерения. Эта концепция помогает руководству Турции обосновывать свои амбиции стать региональной геополитической державой. В дальнейшем, по мнению аналитиков, можно ожидать начало новых дипломатических маневров в регионе, в которых принимают участие Турция, Иран и Россия [7].

Подводя итоги можно говорить о том, что Ирану удалось создать дружеские отношения с закавказскими республиками, такое положение дает возможность претендовать на роль региональной державы и открывает возможности преодоления американской блокады. Главным успехом для Турции стал выбор Азербайджаном турецкой модели развития и ориентированность на Турцию Грузии и Армении. Такой итог можно считать оптимальным для удовлетворения современных геополитических амбиций Ирана и Турции.

Примечания:

1. Дегоев, В.В. Россия, Кавказ и постсоветский мир. Прощание с иллюзиями / Дегоев. - М. :Русская панорама, 2006.
2. Мурадян, И. Геоэкономические интересы и коммуникационные проекты Кавказско-каспийского региона/Мурадян.- Ереван, 2008.
3. Демоян Г.А. Культурно-образовательный пантюркизм: история и современность. // Востоковедный сборник. Выпуск четвертый. Под ред. Федорченко А.В., Филоника А.О. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002.
4. Дружиловский С.Б., Хуторская В.В. Политика Турции и Ирана в Центральной Азии и Закавказье. // Иран и СНГ. Под ред. Н.М.Мамедовой. М.: ИВ РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.
5. Егоров В.К. Россия и Турция: линия противоречий. // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Выпуск девятый. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000.
6. Томберг , И. Последствия «пятидневной войны» для мировой энергетики / Игорь Томберг// Промышленные ведомости. – 2008 . № 8-9,

7. Перекресток герполитических интересов Росси и Турции - Кавказ и Центральная Азия/ В. Аватков// Институт Ближнего Востока www.iamik.ru
8. Политика Азербайджана крайне опасна для Турции и Армении / Эксклюзивное интервью доктора экономических наук Карена Адонца для ARMENIA Today// www.Analitika.at.ua.

ЧЕРНОМОРСКО – КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

А.В.Шандра

Главным фактором, оказавшим влияние на международные отношения конца XX века, стало завершение «холодной войны», и, как следствие, разложение биполярной системы. Этот процесс был сопряжён с кардинальными изменениями в расстановке сил на глобальном уровне и в отдельно взятых регионах. В частности, для черноморско-каспийского региона эта трансформация в конечной стадии выразилась; во-первых, в распаде СССР и сужении здесь сфер влияния его преемницы России с закономерным усилением позиций США; во-вторых, в образовании новых суверенных государств; в-третьих, в неизбежном появлении совершенно новых центров силы; в-четвёртых, в разворачивании локальных конфликтов различной интенсивности. Говоря о черноморско-каспийском регионе следует отметить, что обновление системы международных отношений в целом, корректировало принципы и приоритеты проведения внешней политики отдельными акторами. В этой связи особый интерес представляет рассмотрение места региона во внешнеполитическом курсе такого активного участника его политической жизни как Турция на рубеже XX-XXI веков, что и является целью данной публикации.

В основных аспектах турецкая внешняя политика испытывала влияние вышеуказанного фактора окончания «холодной войны». Она стала более активной и уверенной, хотя никоим образом не исключала черты избирательности и прагматизма. Кроме того, влияние на внешнеполитический курс, так или иначе, оказывают проблемы турецкого мультирегионализма и стратегической нестабильности в международных отношениях. В отношении черноморско-каспийского региона это проявилось в значительной степени взвешенном идейном и политическом подходе к конфликтам на Северном Кавказе, при том условии, что внутри страны оказывалось давление со стороны исламистов, требовавших помощи единоверцам [1]. Нужно заметить, что идея

пантюркизма, будучи популярной в начале 1990-х годов, в начале XXI века отошла на второй план. В турецкой внешней политике были разработаны более реалистичные и менее идеологизированные проекты усиления Турции в Прикаспийском и Черноморском регионе. Впрочем, нужно заметить, что этот процесс не так однозначен. Турция продолжает широкое финансирование крымско-татарских политических и общественных объединений на неофициальном и официальном уровнях [2]. У Анкары появились новые возможности наладить взаимоотношения с партнёрами по НАТО, тем более что Альянс значительно расширил перечень членов в 1990-е годы за счёт государств Восточной Европы. В сложившейся ситуации Турция с одной стороны, заинтересована в стабилизации положения в черноморско-каспийском регионе, а, с другой стороны, будет стремиться к изменению статус-кво, поскольку современная политическая конъюнктура не благоприятствует усилению её позиций в качестве регионального центра силы. Последний тезис указывает на всё большую самостоятельность Турции в решении своих геополитических задач.

В последние годы выросло геополитическое значение Черного моря, в нем все чаще видят значительный потенциал, как в важнейшем маршруте энергоэкспорта из бассейна Каспия в Европу, а это ещё один способ усиления Турции. Для этого ей необходимо расширять сотрудничество с государствами Причерноморья. В черноморском регионе Турция пытается укрепить свои позиции посредством участия в ряде программ НАТО, в частности, «Black Sea Force» и «Black Sea Harmony». Более того, «Black Sea Harmony» являлся турецкой инициативой, направленной на обеспечение безопасности в прибрежных водах и на главных морских путях. Анкара инициировала присоединение ряда государств черноморской зоны к программе «Black Sea Harmony», что в очередной раз демонстрирует наличие у Турции собственных региональных стратегических интересов [3]. Всё же, целесообразным будет особо обратить внимание на наличие в Турции серьёзных внутренних проблем как экономического, так и политического характера, которые неизбежно оказывают негативное влияние на реализацию внешнеполитического курса. Одно из приоритетных направлений внешней политики Турции на рубеже веков: борьба за энергетические источники Прикаспия. Турция относится к группе стран, стоящих во «второй очереди» конкурентной борьбы. При этом особая ставка Анкары делается на сотрудничество со странами Запада, что позволяет говорить о совпадении целей и выработки общей геостратегии в отношении региона. Со своей стороны США и ЕС желают отвести Турции роль главного контролёра потоков сырья в Западную Европу [4]. Следовательно,

подобного рода отношения с США и ЕС позволяют Турции получить статус центра силы новообразованных независимых государств Кавказа и Центральной Азии, тем самым, резко увеличить заинтересованность ЕС в сотрудничестве с ней. Однако в данной связи Турция сталкивается минимум с двумя вопросами. Первый по значимости – отказ бывших республик СССР, где основной конфессией является ислам, от ориентации на Турцию. Хотя Турция и является светским государством, использование влияние ислама на геополитику выступает действенным инструментом. Второй вопрос – усиление в районе Каспийского моря Исламской Республики Иран (ИРИ), претендующей на аналогичный статус условного центра силы. Таким образом, в случае начала операции США или сил НАТО против ИРИ, Анкара столкнётся с проблемой выбора. Турция также заинтересована в налаживании особых отношений с Азербайджаном, поскольку транспортировка азербайджанской нефти в Европу может пройти по альтернативному пути в обход России.

В регионе Каспийского моря начинает реализовываться проект «Каспийский страж», который предполагает формирование сети подразделений специального назначения и полицейских сил в странах региона, которые должны быстро реагировать в случае чрезвычайных ситуаций, включая угрозы нападения террористов на нефтяные объекты, в том числе трубопроводы. Турция принимает участие в проекте либо в рамках партнёрства НАТО, либо как союзник США⁵. Для внешней политики Турции новый проект однозначно имеет особый смысл, поскольку повысит престиж страны в НАТО, а также положительно повлияет на отношения с Азербайджаном. В этой связи целесообразно поставить вопрос о расширении/сужении влияния Запада в черноморско-каспийской зоне. Безусловно, влияние сохраняется и даже расширяется. При этом Турция играет в данном контексте одну из ведущих ролей.

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что во внешней политике Турции черноморско-каспийский регион занимает важное место. Достаточно чётко определены круг интересов и векторы межгосударственных отношений, но активизация этого аспекта пока наталкивается на внешние и внутренние препятствия. Во внешней политике, главным образом, это состояние геополитической двойственности, которая ставит перед Турецкой республикой проблему выбора своих ориентиров и приоритетов.

Примечания:

¹ Sayari S/ Turkish foreign policy in the post-cold war era: the Challenges of the multi-regionalism// Journal of international affairs. – 2000 - Vol.54, №1. - P. 169-182

² <http://www.turksam.org/ru/yazilar.asp?kat1=3&yazi=161>

³ На Черном море обостряется геополитическое соперничество//

http://e-politics.com.ua/geopolitics/Na_Chernom_more_obostrjaetsja.html. Также

см. Lesser I.O. Turkey in a changing security environment// Journal of international affairs. N.Y., 2000. Vol.54, №1. P. 184-198

⁴ Рап А. Значение энергетических источников Закавказья для НАТО//Первая годовщина со дня подписания основополагающего акта Россия-НАТО: итоги и перспективы. Москва, 1999. С. 47-54.

⁵ Сохбет Мамедов, Анатолий Гордиенко. Ильхам Алиев демонстрирует отцовскую осторожность//www.ng.ru/courier/2005-04-25/12_aliev.html - 49k

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АНКАРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

Ю.О.Томилова

Регион Центральной Азии, обладающий огромными запасами ресурсов, большим экономическим потенциалом, выгодным географическим и геостратегическим положением всегда был зоной особого внимания со стороны Анкары. После распада СССР в 1991 г. Турция прилагала огромные усилия своего внешнеполитического ведомства, тратила большие денежные средства на установление тесных отношений с государствами Центральной Азии. Анкара стремилась укрепить свое экономическое и политическое влияние в регионе путем развития культурных связей со странами региона и предложениями о содействии в формировании новой модели государственности в странах региона по подобию турецкой. Многие центральноазиатские государства охотно шли на сближение с Турцией, рассматривая ее в качестве посредника между Европой и Азией. Однако ее неспособность оказать существенную финансово-экономическую и политическую поддержку странам региона, а также усиление европейского вектора в международном сотрудничестве Турции и возобновление переговоров о возможности страны стать частью европейского сообщества стали одними из важнейших факторов изменения поведения Анкары в Центральной Азии.

Согласно внешнеполитической стратегии Турции на 2010 г. европейский

вектор объявлен приоритетным, что говорит о готовности Турции приложить все усилия для улучшения отношений с Евросоюзом [1]. Но это не означает того, что Турции готова жертвовать своими интересами на международной арене в угоду ЕС, тем более это касается Центральной Азии, региона, в котором ведется негласная борьба за гегемонию среди крупнейших мировых держав.

Неоднозначность в вопросе о вступлении Турции в ЕС приводит к возникновению двойственной политики Анкары в Центральной Азии. С одной стороны, она пытается стать незаменимым посредником между Европой и Азией и представителем европейских интересов в регионе, а с другой, стремится к самостоятельности и получению статуса региональной державы. Поэтому в настоящее время можно говорить о зависимости политики Турции в Центральной Азии от ее отношений с ЕС и в то же время о влиянии центральноазиатского вектора внешней политики Анкары на развитие сотрудничества с Европой.

По словам премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана, выступившего с речью на открытии Совета по международному транспорту в Стамбуле 28.09.2009 г., «Турция является страной-мостом...Те страны ЕС, которые не желают видеть Турцию в составе Евросоюза, не видят перспективы 21-го столетия. Если мы решили стать членами ЕС, то это означает, что мы намерены внести свой вклад в укрепление данной организации» [2]. То есть, Турция стремится к тому, чтобы стать более значимой страной для Евросоюза.

Анкара стремится доказать свою приверженность европейскому пути развития, что достаточно ярко проявляется в изменении характера развития отношений с государствами Центральной Азии. Экономические связи начинают развиваться быстрее культурных и образовательных, а партнерские отношения постепенно вытесняют на второй план идеи об исторической и языковой общности региональных стран и Турции. Особенно быстрыми темпами развивается сотрудничество в энергетической сфере и в настоящее время именно энергетика может стать решающим фактором в установлении влияния Анкары в Центральной Азии. Немаловажную роль для укрепления турецких позиций в качестве влиятельной региональной державы может сыграть намерение некоторых государств Центральной Азии, особенно Казахстана и Туркменистана выйти на западные рынки. Роль посредника между центральноазиатскими экспортерами энергоресурсов и европейскими потребителями позволяет Турции не только укрепить свое влияние в Центральной Азии, но и повлиять на решение ЕС о принятии ее в союз.

Анкара является одним из наиболее инициативных участников постройки газопровода «Набукко». Именно при содействии Турции решается наиболее сложный вопрос о нахождении основного поставщика газа для трубопровода, и проводятся переговоры, касающиеся реализации проекта. Развитие двусторонних отношений между Евросоюзом и странами Центральной Азии начало происходить сравнительно недавно. Поэтому обе стороны еще не достигли достаточно высокого уровня сотрудничества. Турции же отводится роль страны, способной повысить эффективность совместной работы Евросоюза и региональных держав, что в свою очередь повышает ее значимость для обоих партнеров.

Так же сотрудничество Турции с Евросоюзом может послужить для центральноазиатского региона своеобразным примером того, что как за короткий промежуток времени мусульманская страна с плохо развитой инфраструктурой может превратиться во влиятельную державу регионального масштаба. Государства Центральной Азии до сих пор находятся на стадии поиска собственной идентичности, и Турция может помочь им найти этот путь, привнеся в регион такие черты европейской государственности, как демократия, светский режим и свободный рынок. В этом случае Анкара не просто будет считаться важным партнером региональных стран или посредником Евросоюза в регионе, но образцом успешного политического и экономического развития.

29 марта федеральный канцлер Германии Ангела Меркель впервые за 4 года прибыла с двухдневным визитом в Турцию. В центре переговоров с президентом страны Абдуллахом Гюлем и премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом находились различные вопросы двусторонних отношений, а также проблема вступления Турции в Европейский Союз. По словам Меркель, переговоры о вступлении Турции в ЕС будут продолжены. Главным препятствием для членства Турции в Евросоюзе является Кипр [3]. Подобное заявление может означать только то, что решение вопроса об интеграции Турции в ЕС вновь было отложено на неопределенный срок, так как помимо урегулирования этой проблемы существуют и другие требования к Турции для принятия ее в Евросоюз. На сегодняшний момент будущее европейского вектора международных отношений Турции остается неопределенным, поэтому Анкара все больше стремится к самостоятельной политике, направленной на достижение собственных целей, а не на необходимость доказать свое право интеграции в европейское сообщество.

Главной задачей, стоящей перед внешней политикой Турции в Центральной Азии в настоящее время является получение доступа к ресурсным богатствам региона и поиск новых поставщиков энергоресурсов в страну, прежде всего газа. К 2020 г. закончат действие сразу несколько контрактов: из России, Алжира, Нигерии и Азербайджана. По заключенным на сегодняшний день соглашениям в 2020 г. Турция получит вдвое меньше газа, чем ей требуется для покрытия собственных нужд [4]. Таким образом, Турция вынуждена в кратчайшие сроки заключать новые контракты на поставку газа, иначе в стране начнется его дефицит. Приоритет в выборе потенциальных партнеров Анкара отдает Узбекистану и Туркменистану.

Важной составляющей политики Турции в Центральной Азии является сохранение мира, стабильности в регионе, а также развитие отношений страны с другими державами, прежде всего с Россией, Ираном, Китаем, Индией, имеющими свои интересы на этой территории. Анкара заинтересована в сотрудничестве с этими государствами в регионе по ряду вопросов, касающихся общих экономических проектов, согласования политики этих государств по отношению к центральноазиатскому региону и совместного решения проблем региональной безопасности.

Возникновение конфликтов на этой территории поставит под угрозу возможность реализации основных энергетических проектов, таких как «Южный поток», «Набукко», в которых Турция принимает участие.

Большое внимание Турция уделяет и собственным социальным и экономическим программам в Центральной Азии. Турецкий бизнес активно осваивает региональные рынки. Экономические инициативы Анкары находят большую поддержку со стороны своих центральноазиатских партнеров. Конфедерация бизнесменов и промышленников Турции является одной из наиболее активных общественных организаций, продвигающих турецкие интересы в Центральной Азии. Показательным является и тот факт, что зачастую турецкие делегации, пребывающие в страны Центральной Азии для встреч с лидерами государств региона, состоят не только из политиков или глав различных ведомств, но и из представителей крупнейших турецких компаний и экономических организаций, стремящихся к установлению прямых контактов со своими центральноазиатскими партнерами. Примером может послужить визит президента Турции А. Гюля в Туркменистан в 2007 г., когда его сопровождало большое количество турецких бизнесменов и представители Союза турецких торговых, промышленных палат, палат морской торговли и торговых бирж (ТОВВ) [5].

Несмотря на увеличение доли экономики в отношениях стран Центральной Азии и Турции, последняя не забывает о том, что политические контакты являются основополагающими для отношений Анкары и государств региона. Поэтому наибольший акцент Турция делает на создание механизмов координации внешней политики и последующей интеграции тюркских стран. Премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган еще в 2007 г. выдвинул инициативу о создании политического союза тюркоязычных государств для координации усилий на некоторых внешнеполитических направлениях. Реализация подобного рода идей началась в только 2009 году, ставшем особенным для развития отношений между государствами Центральной Азии и Турции. На очередном саммите тюркских государств по инициативе Казахстана был рассмотрен вопрос о возможности создания Тюркского совета – организации, ставящей своей главной целью укрепление связей в экономике, культурно-гуманитарной сфере и развитие экологической безопасности. Большое значение для интеграции тюркских государств может сыграть и Парламентская Ассамблея тюркоязычных стран, созданная в 2008 г. в Стамбуле. Немаловажное значение Анкара придает развитию сотрудничества с государствами региона в социальной и культурной сферах. Посредством открытия в них отделений различных турецких общественных организаций и фондов, таких как, например, Турецкое агентство сотрудничества и развития (ТИКА) странам Центральной Азии оказывается экономическая, финансовая и образовательная помощь. Именно культурное сотрудничество составляет сегодня основу тюркской интеграции.

Создание подобных структур способствует реализации принципа единства тюркского мира, что может привести к построению союза государств в Центральной Азии, созданного по подобию ЕС, возможно не столь масштабного и влиятельного, но, тем не менее, контролирующего один из важнейших регионов Евразии.

Усиление позиций Турции в центральноазиатском регионе в свою очередь не может не влиять на развитие отношений Анкары с Евросоюзом. Излишняя самостоятельность Турции может существенно затормозить развитие отношений Европы со странами региона. Несмотря на то, что уже с начала 90-х гг. 20 века Евросоюз начал проявлять интерес к этим государствам, разрабатывать и реализовывать различные программы сотрудничества, ему так и не удалось добиться желаемого влияния в регионе. В середине 2007 г. была разработана новая стратегия партнерства Евросоюза и центральноазиатских государств [6]. Приоритетным направлением сотрудничества была признана сфера энергетики, большие планы по совместной работе ЕС возлагает и на

совместное решение политических и правовых проблем, касающихся соблюдению прав человека в регионе, реформированию политической системы государств. Такая стратегия Евросоюза носит достаточно осторожный характер в силу того, что Европа не хочет вступать в открытое противостояние с другими влиятельными государствами, отстаивающими свои интересы в Центральной Азии, и более занята решением собственных проблем. Поэтому Евросоюз нуждается в Турции, являющейся не только посредником ЕС в регионе, но и надежным партнером на этой территории. Европе не выгодно проведение Анкарой самостоятельной политики в Центральной Азии, хотя и попытки Турции провозгласить себя крупнейшим и единственным мостом между Европой и Азией находят широкий резонанс в европейском обществе.

Усиление турецких позиций в Центральной Азии и возможность отхода Турции от европейского пути развития ставит под сомнение и реализацию некоторых энергетических проектов ЕС в регионе. Участие Турции в строительстве российского газопровода «Южный поток» должно было стать для Евросоюза очередным напоминанием того, что хотя Анкара и рассматривает вступление в ЕС как приоритетное направление внешней политики страны, но не единственное. Евросоюз понимает это и поэтому периодически делает громкие заявления о значимости Турции для Европы, что поддерживает надежды Анкары о положительном решении вопроса интеграции страны в содружество.

В последние годы многие эксперты начали отмечать активизацию внешней политики Евросоюза в Центральной Азии. Причем если раньше ЕС требовалось посредничество Турции для достижения своих целей на этой территории, то сейчас Европа все больше склоняется к налаживанию двусторонних контактов непосредственно с каждым государством региона. И хотя между ЕС и центральноазиатскими партнерами все еще не возникло необходимого доверия, в ближайшее время такая тенденция может измениться ввиду увеличения количества региональных проектов Европы, направленных на развитие государств Центральной Азии и улучшение отношений с этими странами. А это может означать только то, что, возможно, в будущем в этом регионе Турции придется столкнуться со следующей дилеммой: получить сильного соперника или обрести нового единомышленника в лице Евросоюза.

Примечания:

1. Внешняя политика Турции в 2010 году / <http://www.turan.info>
2. Германия отворачивается от Турции / <http://www.rosbalt.ru>

3. Визит Ангелы Меркель в Турцию / <http://www.warandpeace.ru>
4. Новиков И.А. Место «газовой» проблемы в национальных интересах Турции // Ближний Восток и современность, 2006 г. № 23. с. 155-165
5. Турецкий гамбит или возможно ли сегодня реанимирование идеи объединения тюркских народов Центральной Азии / <http://www.analitika.org>
6. ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства / <http://www.consilium.europa.eu>

ТУРЕЦКО – СИРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ

А.Л.Хлебников

Турция и Сирия являются одними из наиболее влиятельных центров сил, способных повлиять на ход политических событий в регионе Ближнего Востока и ведущими активную внешнюю политику.

Военный потенциал Турецкой республики оценивается вторым в регионе после Израиля. Важнейшие компоненты такой оценки: численность армии (крупнейшая в регионе: 690 тыс. Резерв – 378 тыс.), наличие мощных группировок сухопутных сил, имеющих современные средства ведения боя, крупные ВВС, определенный боевой опыт, приобретенный в ходе операций против курдских формирований [1]. При этом турецкая армия перевооружается и модернизируется.

Сирия же имеет 2-ю по численности после Египта армию среди арабских стран (320 тыс. Резерв – порядка 500 тыс.) [2]. Сирия является непосредственным участником арабо-израильского конфликта и до сих пор не имеет мирного договора с Израилем, а вопрос об оккупированных Израилем Голанских высотах до сих пор не решен. Все это делает Сирию одним из основных игроков на Ближневосточной арене.

1. Наиболее важными и значимыми точками соприкосновения в отношениях двух стран являются проблемы, связанные с распределением водных ресурсов и проявлением курдских намерений о создании независимого Курдистана. Нынешнее турецкое руководство видит решение этих вопросов через всеобъемлющее соглашение всех заинтересованных сторон и создание

условий многостороннего регионального сотрудничества (прежде всего в торгово-экономической сфере, как ЕС). Это осознается Турцией и отражается на ее последовательной внешней политике [3].

После подписания с Ираком целого ряда соглашений, охвативших почти все стороны общественной жизнедеятельности, Турция начала подготовку к очередным всеобъемлющим переговорам, но уже с Сирией. Итогом совместных турецко-сирийских усилий стало подписание 23 декабря 2009 г. в Дамаске 51 соглашения. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган свой визит в сирийскую столицу осуществил в сопровождении 10 министров и 200 предпринимателей [4].

Проблема водных ресурсов

Самыми главными реками, протекающими по территории Сирии и Турции, являются Евфрат, Аси, Африн, Чагчаг. Проблема, связанная с распределением вод этих рек между Сирией и Турцией, представляла важный фактор, влиявший на отношения двух стран. В связи с климатическими условиями воду на Ближнем Востоке можно использовать как стратегическое оружие.

Проблема распределения водных ресурсов Евфрата на протяжении долгих лет создавала трудности в турецко-сирийских отношениях и препятствовала их сближению. Разногласия между двумя странами возникли еще в конце 1970-х гг., когда Турция начала строительство ряда гидротехнических сооружений в рамках Проекта Юго-Восточная Анатолия (GAP). Это грозило существенным понижением уровня воды в Евфрате в странах, расположенных ниже по течению – в Сирии и Ираке. Турции предоставлялась возможность получить мощные рычаги давления на своих соседей в ходе переговоров при решении определенных проблем.

Официальная сирийская позиция состоит в том, что река Евфрат является «международной водной артерией», распределение ресурсов которой должно быть справедливым, то есть, стороны должны получать воду в пропорциональном соответствии своим потребностям. Анкара с этим мнением не согласна. Турецкая сторона считает, что Евфрат относится к категории «трансграничных вод», которые в достаточном объеме доставляются в страны, находящиеся ниже по руслу. «Международными» в Турции называются те реки, которые составляют часть границы между двумя и более странами. Турция критикует Сирию за нерациональное использование воды. Кроме того, Турция

считала, что для Сирии остается достаточное и даже излишнее количество воды, но в силу технической отсталости вода используется неэффективно[5].

Сирия в качестве главного метода давления на Турцию по вопросам распределения водных ресурсов Евфрата использовала поддержку сепаратистской РПК, выступающей против турецкого государства[6]. Но после иракской войны и обострения курдской проблемы для всех стран региона, Дамаск отказался от подобной политики.

Несмотря на то, что водная проблема неоднократно рассматривалась в ходе различных двусторонних переговоров, она продолжала сохранять структурный характер между двумя странами. Но и в отношении нее имелись определенные подвижки. Премьер-министр Сирии Н. Отри во время своего визита в Турцию в июле 2004 г. уведомил турецкие власти о готовности Дамаска пересмотреть глубину водной сирийско-турецкой границы в Средиземном море с 35 до 12 миль для поощрения судоходного движения Турции[7].

А в ходе визита премьер министра Турции в Сирию в декабре 2009 г., касаясь Проекта Юго-Восточной Анатолии (GAP: Guneysdogu Anadolu Projesi), Р.Т. Эрдоган дал понять, что водные разногласия между Турцией и Сирией в скором времени разрешатся[8].

Благодаря взаимным уступкам, страны находятся на пути скорого разрешения проблемы распределения водных ресурсов, осознавая всю ее необходимость и важность.

Курдский вопрос

Сирия использовала курдскую проблему Турции в своих интересах. Оказывая политическую и материальную поддержку курдскому движению, Сирия тем самым имела инструмент давления на Турцию в вопросе о распределении вод реки Евфрат.

На протяжении практически полувека отношения двух стран носили холодный, настороженный характер. Проблематичный в целом характер отношений между двумя странами по курдскому вопросу господствовал со времени обретения Сирией независимости. Историческим событием на пути к потеплению турецко-сирийских отношений стало подписание между двумя странами в 1998 году Аданского соглашения, согласно которому Сирия прекратила оказывать поддержку РПК и выдворила ее лидера А. Оджалана за

пределы своей территории. Сирия также обязалась не давать разрешения на нахождение в стране других членов организации, закрыть лагеря РПК, арестовать некоторых членов организации и т.п. Сирия не только прекратила поддержку РПК, но и совместно с турецкой стороной организовала против нее ряд операций на сирийской территории и передала Турции арестованных членов организации. Проблема нормализации отношений с Турцией стала постепенно занимать все большее место в региональной политике Сирии [9].

Еще более позиция Сирии по курдскому вопросу изменилась после американской военной кампании в Ираке. Возникла возможность территориального раздела Ирака и создание на севере страны независимого Курдистана. Опасность создания независимого курдского государства представляет опасность не только для Турции, но и для Сирии и Ирана. Это одна из главных внутренних проблем для стран Ближнего и Среднего Востока, серьезный дестабилизирующий фактор их внутривосточной жизни [10].

Поэтому в данном вопросе мнение этих стран едино – они выступают за территориальную целостность Ирака. В связи с этим, позиция сирийской стороны по курдскому вопросу совпадает и с турецкой. Сегодня курдский вопрос стал фактором примирения между двумя странами, обеспокоенными возможностью создания независимого Курдистана на севере Ирака.

Посредничество Турции между Сирией и Израилем

9 марта 2010 г. Израиль вновь согласился на посредничество Турции в переговорах с Сирией [11]. Об этом сообщил премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган в ходе своего визита в Саудовскую Аравию. А 2 марта Турция заявила о готовности возобновить свое посредничество на не прямых переговорах между Сирией и Израилем. Таким образом, мы видим, что Израильская позиция по Турции как посреднику в переговорах вновь набирает силу.

По мнению председателя сирийского правительства, в этом вопросе посредническая роль Турции особенно важна. И только таким образом можно будет достичь мира в регионе [12].

Возникает вопрос, почему именно Турцию видят сирийцы в качестве посредника в переговорах с Израилем. На наш взгляд здесь кроется несколько причин:

Во-первых, потепление и развитие турецко-сирийских отношений, основывающееся на единстве позиций и подходов к основным проблемам региона, касающимся послевоенного обустройства Ирака, сохранения его территориальной целостности, ближневосточного урегулирования, оценки

ситуации в Ливане, необходимости выполнения Израилем резолюции СБ ООН, освобождения оккупированных арабских территорий, скорейшей подготовки основы для создания и провозглашения независимого палестинского государства[13].

Во-вторых, в силу диаметрально противоположного характера отношений двух стран с США, на фоне развивающихся турецко-сирийских отношений, Сирия получает возможность через Турцию оказывать влияние на политику США в регионе. Ведь, как известно, Турция долгие годы занимала положение союзника США в регионе и поддерживала с ними весьма близкие политические, экономические и военные отношения[14]. Для Турции было важно иметь союз с Израилем, чтобы оказывать влияние на политику США на Ближнем Востоке. Со своей стороны, Израиль стремился приобрести в регионе мусульманского партнера, чтобы таким образом облегчить свое вхождение в арабо-исламский мир. Поэтому, сейчас, Турция представляется Сирии «крупным игроком, прилагающим большие усилия в целях достижения мира на Ближнем Востоке». Израиль будет прислушиваться к своему партнеру, а, следовательно, существует возможность и скоординировать позиции Сирии и Израиля. Кроме того, следует подчеркнуть, что сохраняющаяся сложная обстановка на Ближнем Востоке все больше повышает заинтересованность США в развитии сотрудничества с Турцией в более широком формате[15].

144

В ходе своего последнего визита в Сирию, премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган отметил, что Сирия для Турции – это ворота на Ближний Восток, а Турция для Сирии – ворота в Европу. Турецкий премьер, подчеркнув, что внешнеполитическая активность Турции в регионе не связана с позицией Израиля, заявив: «Мы создали этот совет на двусторонней основе и работать будем в двустороннем порядке. Этому ничто не препятствует. Необходимо лишь взаимное доверие»[16]. Так же он дал ответ и на вопрос о смещении ориентиров в турецкой внешней политике. Действия Турции премьер описал следующим образом: «Река течет по своему руслу; сколько раз вы бы ее не отклоняли от своего естественного направления, рано или поздно она найдет свое русло и по нему продолжит свой путь».

Таким образом, мы видим, что на современном этапе турецко-сирийские отношения переживают период подъема, сопровождающихся взаимными уступками и изменением позиций по ряду принципиально важных для обеих стран вопросов, относящихся к сфере стратегических. Это дает основания полагать, что развитие двусторонних отношений между Турцией и Сирией создаст дополнительные условия для разрешения региональных проблем,

развития региональных структур и налаживанию регионального диалога, с целью сохранения баланса сил на Ближнем Востоке.

С другой стороны, этот этап в развитии отношений содержит в себе и множество сложностей. Потепление и развитие отношений было достигнуто на основе сближения – недопущение расчленения Ирака и создания независимого курдского государства. Тем временем, как проблема водных ресурсов решена до конца не была. В частности, неразрешенность водной проблемы может стать серьезным тормозом на пути дальнейшего расширения турецко-сирийских отношений. Бывший премьер-министр Израиля Ицхак Рабин сказал однажды: «Даже если мы решим все другие проблемы на Ближнем Востоке, не разрешив должным образом водную, наш регион взорвется»[17]. Эти опасения имеют прямое отношение и к турецко-сирийским отношениям.

Примечания:

1. Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: К созданию системы коллективной безопасности. М.: МГИМО – 169 с., с. 86
2. Там же
3. Гаджиев А.Г.. Пути к Ближневосточной интеграции: развитие турецко-сирийских отношений/ Институт Ближнего Востока//<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/29-12-09.htm>
4. Там же
5. Гаджиев А.Г.. Пути к Ближневосточной интеграции: развитие турецко-сирийских отношений/ Институт Ближнего Востока//<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/29-12-09.htm>
6. Там же
7. А.А. Гурьев. О турецко-сирийских отношениях/Институт Ближнего Востока//www.iimes.ru/rus/stat/2005/17-05-05.htm
8. Гаджиев А.Г.. Пути к Ближневосточной интеграции: развитие турецко-сирийских отношений/ Институт Ближнего Востока//<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/29-12-09.htm>
9. Ахмедов В.М., Кулагина Л.М.. Сирия, Турция и Иран: новые подходы к межрегиональному сотрудничеству/Институт Ближнего Востока//<http://iimes.ru/rus/search.html>
10. Там же
11. РИА Новости/<http://rian.ru/world/20100309/213176721.html>
12. Гаджиев А.Г.. Пути к Ближневосточной интеграции: развитие турецко-сирийских отношений/ Институт Ближнего

Востока//<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/29-12-09.htm>

13. А.А. Гурьев. О турецко-сирийских отношениях/Институт Ближнего Востока//www.iimes.ru/rus/stat/2005/17-05-05.htm

14. Ахмедов В.М., Кулагина Л.М.. Сирия, Турция и Иран: новые подходы к межрегиональному сотрудничеству/Институт Ближнего Востока//<http://iimes.ru/rus/search.html>

15. А.Г. Гаджиев. Турция во внешнеполитической стратегии США на Ближнем и Среднем Востоке/Институт Ближнего Востока//<http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/06-01-10b.htm>

16. Гаджиев А.Г.. Пути к Ближневосточной интеграции: развитие турецко-сирийских отношений/ Институт Ближнего Востока//<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/29-12-09.htm>

17. А.А. Гурьев. О турецко-сирийских отношениях/Институт Ближнего Востока//www.iimes.ru/rus/stat/2005/17-05-05.htm

Круглый стол
«Проблемы внутриполитического развития
современной Турции»

146

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТУРЦИИ В УСЛОВИЯХ
ВНУТРЕННЕГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

С.А.Васильева

Обеспечение национальной безопасности является одной из основополагающих функций любого государства, закреплённой в конституции каждой страны. В условиях современного трансформирующегося мира число угроз национальной безопасности непрерывно возрастает, так как новые экономические, технологические и информационные процессы наряду с обеспечением развития мирового сообщества также создают и новые виды угроз жизнедеятельности государств. Однако наравне с ними продолжают

существовать и традиционные угрозы национальной безопасности, которые отнюдь не утрачивают своей значимости и масштабности возможных последствий. Это вынуждает руководство государств обращать всё большее внимание на данную проблему и кооперировать свои усилия по устранению внутренних и внешних угроз.

Турция также не остаётся в стороне от международного сотрудничества в данной сфере. Анкара имеет свою чётко прописанную стратегию обеспечения национальной безопасности, неофициально называемую «Красная книга», большое количество специализированных государственных институтов, призванных реализовать данную стратегию, и большой опыт устранения различных видов угроз за последние 50 лет. Возможно, эти факторы также лежали в основании сделанного в феврале этого года заявления премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана о необходимости исключения из «Красной книги» понятия внутренняя угроза [1]. При этом в самой Турции сейчас идёт сразу несколько политических процессов, безусловно дестабилизирующих обстановку в стране и способных привести к серьёзным социальным потрясениям.

Однако для чёткого понимания сути рассматриваемого вопроса необходимо остановиться на некоторых терминах, используемых в данном исследовании. Прежде всего, речь идёт о самом понятии «национальная безопасность», а также о понятиях «угрозы национальной безопасности», «внутренние и внешние угрозы». Чтобы определиться со значением данных терминов были рассмотрены документы, непосредственно посвящённые данному вопросу: турецкая «Красная книга» [2] и Стратегия национальной безопасности РФ в редакции от 2009 г [3].

Согласно турецкому документу под национальной безопасностью понимают «защиту государственного конституционного порядка, существования нации, целостности государства от всевозможных внутренних и внешних угроз и рисков, а также деятельность по реализации интересов в межнациональной политике, социальной, культурной и экономической сферах» (ст. 3, п. А). Таким образом, турецкое руководство отождествляет национальную безопасность с государственной безопасностью, в то время как в российской трактовке подчёркивается, что национальная безопасность состоит из трёх основополагающих элементов: личной, общественной и государственной безопасности.

Под угрозой национальной безопасности, опираясь на Стратегию

национальной безопасности РФ, мы будем понимать «прямую или косвенную возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию, обороне и безопасности государства» (ст. 6). В «Красной книге» не приводится определение понятия «угрозы национальной безопасности», зато сразу предлагается классификация этих угроз на внутренние и внешние. Под внутренней угрозой подразумевается «комплекс угроз, возникающих в результате деятельности представителей крайне левых, крайне правых, сепаратистских политических движений и меньшинств, целью которых является с помощью тайных или открытых действий на территории страны ослабить внутреннюю безопасность государства, а также, уничтожив существующий государственный конституционный порядок, создать новый идеологический порядок либо расчленив государство» (ст. 3, п. F). Таким образом, здесь даётся не только теоретическое описание внутренних угроз, но сразу указаны возможные источники возникновения данного вида угроз. При этом внешние угрозы описаны очень кратко и крайне расплывчато как «возможность и способность других государств реализовать свои цели». Отсюда, несомненно видно, что основной угрозой национальной безопасности турецкое руководство считает именно внутреннюю, что подтверждается последующим подробным анализом всех названных источников угрозы в статьях «Красной книги».

Следует отметить ещё одну особенность турецкой стратегии национальной безопасности: в тексте документа особо оговорено, какие именно народы, проживающие на территории Турции, попадают под определение меньшинств. В турецком понимании меньшинство, в первую очередь, связано не с национальным, а конфессиональным критерием, поэтому к меньшинствам «Красная книга» относит армян, греков и евреев. «Другие мусульманские группы не входят в понятие меньшинство» (ст. 3, п. L).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что турецкое руководство признаёт всю степень значимости внутренней угрозы для национальной безопасности государства, однако современная политическая ситуация, сложившаяся в стране, вынуждает констатировать, что до устранения политической угрозы ещё очень далеко.

Сразу следует оговориться, что под текущими политическими процессами мы подразумеваем период с 2007 года до настоящего времени. Это объясняется тем, что именно с этого времени в турецкой политической системе начинает разрушаться сложившаяся ещё во времена становления республики система

противовесов. Эта система заключалась в балансе между гражданскими и военными политическими кругами, когда руководство страной осуществлялось гражданскими лицами, но под строгим контролем военных структур, которые в случае политической нестабильности и социальных волнений брали на себя руководство страной и формирование нового гражданского правительства. Такая система позволяла эффективно устранять внутренние угрозы национальной безопасности страны и поддерживать господство кемалистских принципов во всех сферах жизни общества. Военные круги Турции, начиная с 20-х гг. XX в., выступали основными носителями кемалистской идеологии и главными гарантами её реализации в обществе.

Способы восстановления армией порядка в обществе хорошо известны: три военных переворота за 20 лет жёстко ограничили распространение «опасных» идеологических воззрений. Ещё одним примером резкого вмешательства военных в деятельность гражданских политиков стали события 1997 г., когда несоответствующая кемалистской идеологии Партия благоденствия была запрещена уже конституционным путём. Подобным же способом военные круги попытались устранить исламистскую Партию справедливости и развития в 2007 г., однако на этот раз осуществить задуманное не удалось. К этому моменту исламисты уже имели значительную поддержку населения, накопили достаточный опыт политической борьбы и сумели выстоять в этом раунде конституционного противостояния с армией. Поэтому с 2007 года начинается открытое противостояние исламизма, представленного ПСР, и кемализма, в лице военного руководства и частично Народно-Республиканской партии.

Самым ярким процессом данного противостояния стало так называемое дело «Эргенекона». Несмотря на то, что аресты по делу данной организации начались ещё в 2007 г., до сих остаётся огромное количество спорных и противоречивых моментов. С одной стороны, учитывая исторический опыт проведения переворотов военными кругами, подобные планы и подготовка к военному перевороту вполне могли иметь место в действительности. Однако, с другой стороны, всё ещё весьма неоднозначной остаётся доказательная база, на которую опирается обвинение, а сами тексты обвинительных заключений изобилуют абстрактными формулировками и неточностями. Кроме того, начало следствия по делу «Эргенекона» совпало с рассмотрением иска против Партии справедливости и развития в Конституционном суде, а главными обвиняемыми в подготовке переворота стали военные, в том числе и действующие члены высшего военного командования.

Однако в рамках данного исследования нами не ставится задача оценить объективность выдвигаемых сторонами обвинений или предположить истинную цель тех или действий противников. Куда важнее оценить возможные последствия происходящих процессов для национальной безопасности Турецкой Республики. В Турции назревает серьёзный социальный кризис: противостояние армии, исконно почитаемого института, пользующегося практически абсолютным доверием населения, и правящей партии, получившей на последних парламентских выборах около 47% голосов. Это дестабилизирует обстановку в турецком обществе, так как раскалывает его на сторонников исламистской партии и авторитетных военных.

В сложившихся условиях открывается возможность для укрепления позиций других идеологических движений, активно участвующих в политической жизни Турции. В первую очередь, речь идёт о Партии националистического движения, активно отстаивающей националистические и пантюркистские идеи. Прогресс данной партии не вызывает сомнений, каждые следующие выборы добавляют ей несколько процентов голосов избирателей. Так на муниципальных выборах 2004 г. ПНД получила 10,45% голосов, на парламентских выборах 2007г. – 14,67%, преодолев таким образом 10-процентный барьер и попав в парламент, а на последних муниципальных выборах 2009 г. ПНД ещё более укрепила свою позицию, набрав 16,07% сторонников [4]. Рост популярности ультраправых националистов безусловно является отражением социальной нестабильности, политического и идеологического кризиса, формирующегося в турецком обществе. Не следует забывать, что в 1980 г. ПНД уже была запрещена военными в результате проведённого переворота и, несомненно, является политической угрозой для существующего конституционного порядка. Особенно актуальным этот вопрос становится при знакомстве с молодёжными организациями данной партии, представители которых открыто именуют себя «серыми волками» и проходят военную подготовку для дальнейшей борьбы за реализацию интересов партии. Однако на современном этапе способность военных предотвратить выступление националистической партии по примеру 1980 г. кажется весьма сомнительной. Солидная чистка, проведённая ПСР в рядах военных, постоянные скандалы с участием высшего военного руководства, подрыв доверия населения к деятельности армии не могли не сказаться на дееспособности военных кругов.

Ещё одно идеологическое течение, усиливающее свои позиции, - радикальные исламисты, представленные Партией счастья. Сам факт существования и деятельности подобной партии, опирающейся в своей

политической деятельности на религиозные ценности, уже демонстрирует отказ от кемалистских принципов в современной политической системе Турции.

Кроме того, всё острее становится курдский вопрос, решению которого так много времени уделила правящая партия. Однако, несмотря на демократические инициативы в социальной и культурной сферах, активизацию усилий по реализации инвестиционного проекта GAP, на территории Турции продолжают происходить теракты, а в Юго-Восточной Анатолии не прекращаются демонстрации протестные митинги населения. Ещё больше усложнил ситуацию запрет единственной легальной прокурдской партии, имевшей места в парламенте, Партии демократического общества, которая стала важнейшим конкурентом правящей ПСР в этом регионе на муниципальных выборах 2009 г. При этом, министр национальной безопасности Веджди Гёнюль, заявил, что важнейшей угрозой для Турции являются террористы Рабочей партии Курдистана, действующие в этом регионе [5].

Все эти процессы усугубляются мировым финансовым кризисом, тяжело ударившим по экономике Турции. Влияние кризиса оказалось намного тяжелее для турецкого общества, чем предполагало правительство, которое не предприняло своевременных и адекватных мер по подготовке к кризису и минимизации его последствий. Это привело к значительному росту безработицы, достигшей рекордных для правления ПСР 14%, и массовым общественным выступлениям.

Таким образом, можно констатировать, что для современной Турции на первый план выходят внутренние угрозы национальной безопасности, в первую очередь, политическая угроза, способная максимально дестабилизировать турецкое общество и привести к реальному возникновению военной угрозы. Для оценки степени угрозы необходимо рассмотреть вероятность реализации этой угрозы и её масштаб. Политическая угроза в турецком обществе имеет явно выраженный каскадный эффект: дестабилизация политической системы, ослабление правящей власти могут привести к усилению радикальных и сепаратистских движений, которые, в свою очередь, препятствуют реализации не только текущих и национальных интересов, но и фундаментальных интересов турецкого общества, закреплённых в конституции страны и «Красной книге».

Таким образом, на наш взгляд, единственным способом стабилизации турецкой политической системы является поиск компромиссов между

военными кругами и правящей партией, которые позволят прекратить противостояние между ними и скооперировать усилия двух сторон для устранения политической угрозы национальной безопасности Турции.

Примечания:

1. Стратегию национальной безопасности Турции пересмотрят. URL-адрес: <http://www.rian.ru> (05.04.2010)
2. Kırmızı kitap. Birinci bölüm: genel esasları. URL-адрес: <http://www.kirmizikitap.blogspot.com> (03.04.2010)
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL-адрес: <http://archive.kremlin.ru> (05.04.2010)
4. Шлыков В.И. Муниципальные выборы 2009 года как отражение сдвигов в партийной системе Турции. URL-адрес: <http://www.iimes.ru> (05.04.2010)
5. Milli Savunma Bakanı Gönül: “En önemli Tehdit, PKK Terörüdür”. URL-адрес: <http://www.haberler.com> (05.04.2010)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРЕЦКИХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ИДЕОЛОГИЯ, СТРУКТУРА, ТЕХНОЛОГИЯ

Р.С.Терехов

Неправительственные организации в Турции играют серьезную роль во всех без исключения областях (политика, экономика, культура и т.д.). Общее количество НПО в Турции приближается к 80 тыс. Они действуют в форме обществ, фондов, профессиональных организаций, отраслевых и ремесленных союзов. Сфера их деятельности распространяется на широкий круг вопросов – от проблем экономического, социально-политического и религиозного характера до правозащитной и экологической тематики.

Общественные организации Турции активно погружаются в политику, начиная во многом «дублировать» партии и составлять им прямую конкуренцию. НПО зачастую предпочитают действовать на узком направлении,

формируя группы влияния и лоббирования своих интересов для концентрации сил на одном конкретном участке, особенно там, где выявляется слабое звено или брешь в системе государственной власти.

В Турции сохраняется конструктивное влияние и серьезный вес НПО, представляющих собой отраслевые союзы и объединения, работающие на экономическом направлении. Такие структуры, как Общество промышленников и предпринимателей Турции (Тюсиад), Союз палат и бирж Турции (ТОВВ), Стамбульская и Анкарская торговые палаты, выходят на лидирующие позиции в деле выдвижения гражданско-демократических инициатив. Их руководство активно высказывается по всему комплексу внутриполитических и международных проблем, включая президентские и парламентские выборы, решения правительства на пути вступления Турции в ЕС, по развитию ситуации в регионе.

Права этнических меньшинств защищают национальные комитеты и общества, объединяющие кавказские народности, курдское население, а также греков, армян, евреев, проживающих на территории Турции. Кавказские организации можно условно разделить на несколько групп: общекавказские, северокавказские и объединения отдельных национальных общин. Наиболее представительная из них – «Федерация кавказских ассоциаций» (Kaf-Fed), основана 01.07.2003, объединяет 21 организацию. Ее главная цель - сохранение и обогащение национальной культуры северокавказских народов, проживающих в Турции. Последние годы большую активность проявляет Комитет кавказско-абхазской солидарности. Представители этого НПО, а также осетинских и абхазских фондов провели в авг.-сент. 2008г. серию мероприятий по поддержке действий России в связи с грузино-югоосетинским конфликтом [1].

Особняком стоят исламистские и чеченские НПО, такие, как: «Фонд Кавказ», «Ассоциация объединенного Кавказа» и «Комитет кавказско-чеченской солидарности». Их деятельность существенно ограничена, проводимые ими акции носят единичный характер.

Новым явлением стало создание в последние годы НПО российских соотечественников: Общество русской культуры (г.Анкара), Общество российских соотечественников (г.Анталья), Российское общество просвещения, культурного и делового сотрудничества (г.Стамбул) и Платформа российско-турецкого диалога «Чинар» (г.Стамбул).

Деятельность международных и иностранных НПО и их

представительств в Турции регулируется принятым в фев. 2008г. законом о фондах. В Турции имеют свои представительства «Фонд Конрада Аденауэра», Институт открытого общества Дж.Сороса, различные немецкие НПО, в частности, Фонд Фридриха Эбера [2].

Главное управление по делам печати, изданий и информации Турции (ГУПИИ). Является головным подразделением по информационно-пропагандистской работе в аппарате премьер-министра. Оно было учреждено решением турецкого парламента в 1920г. с целью координации работы в Турции местных и иностранных СМИ для обеспечения «целенаправленного и объективного информирования мирового сообщества о происходящих в стране событиях, основных направлениях ее внутренней и внешней политики» [3].

Основными задачами и функциями ГУПИИ являются: разработка государственной информационной политики; своевременное обеспечение государственных структур, а также широкой общественности достоверной информацией; координация деятельности национальных и иностранных СМИ; формирование в иностранных СМИ позитивного имиджа Турции; организация и участие в различных информационно-пропагандистских мероприятиях за рубежом; постоянный мониторинг иностранных СМИ, в т.ч. аккредитованных в Турции. Гендиректором ГУПИИ с 2005г. является Салих Мелек. Управление курируется госминистром Беширом Аталаем. В Управлении работают 400 чел.

ГУПИИ имеет семь представительств в крупнейших провинциях страны (Стамбул, Измир, Трабзон, Адана, Анталья, Диярбакыр, Эрзурум), а также координирует деятельность пресс-секретарей в 23 посольствах и генконсульствах Турции за рубежом, в т.ч. в Москве (с 2007г. Эмель Озтюрк), Вашингтоне, Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Токио, Вене, Риме, Тегеране, Ташкенте, Исламабаде, Каире, Эр-Рияде и пр [4].

Отдельные разделы веб-сайта Управления посвящены следующим темам: «Национальные СМИ о турецкой внешней политике», «Зарубежные СМИ об отношениях Турции с ЕС», «Главные темы зарубежной прессы и иностранных телеканалов», «Проблема Ирака в зарубежной прессе». ГУПИИ имеет несколько периодических изданий: ежемесячные журналы Newspot (на английском языке) и «Тюрк Хабер» на турецком. В них рассказывается об основных внутри- и внешнеполитических событиях, а также имеются разделы, посвященные социально-экономической ситуации, истории, культуре Турции. Раз в месяц на турецком языке выходит газета «Голос Анатолии», в которой основное внимание уделяется новостям из провинций. С 1923г. Управлением

издается справочник «История месяца», в котором публикуется хроника основных внутри- и внешнеполитических событий за месяц. Справочник «Турция» является ознакомительной книгой по стране и является, по сути, основным информационно-пропагандистским изданием ГУПИИ, который распространяется бесплатно в Турции (в том числе среди посольств, представительств иностранных организаций, зарубежных СМИ) и за рубежом (на выставках, презентациях, приемах в турецких посольствах)[5].

Так же одной из основных задач ГУПИИ является развитие сотрудничества с посольствами иностранных государств и представительствами зарубежных СМИ в Турции.

Деятельность ГУПИИ направлена на выполнение информационно-пропагандистских задач турецкого правительства, как в стране, так и за рубежом. ГУПИИ при поддержке турецких общественных организаций проводит различные акции, в т.ч. в России. В мае 2008г. Управлением были организованы визиты представительных делегаций российского Союза журналистов в Анталию и ведущих российских изданий в Стамбул. Аналитические центры в области внешней политики. Начали зарождаться в Турции в 70гг., после того, как на общественные дискуссии по поводу внешнеполитической линии страны был снят существовавший десятилетиями негласный запрет. Долгое время в стране осуществлял свою деятельность лишь Институт внешней политики Турции, который занимался экспертной разработкой соответствующих вопросов и концепций и был тесно связан с выходящими в отставку кадрами МИД и генштаба.

Распад СССР и появление на политической арене в качестве независимых государств бывших советских республик, а также связи с ЕС придали импульс развитию аналитических центров и создали в Турции ситуацию, когда при принятии внешнеполитических решений требуется современный глубокий подход, связанный с анализом значительного количества источников информации. Такой анализ стало физически невозможно осуществлять только силами специализированных отделов МИД Турции и соответствующих подразделений генштаба. В этих условиях государство оказалось заинтересованно в поддержании специфической экспертной среды, способной накапливать и перерабатывать информацию по вопросам внешней политики.

В Турции сложились базовые контуры системы центров анализа внешнеполитической информации, обслуживающих различные направления. Из числа наиболее известных и активных центров отметим следующие

учреждения: “Институт внешней политики (ИВП), созданный С.Ташханом в 1974г. на основе редакционного совета журнала Foreign Policy – Dis Politika, который выходил с 1971г. и довольно быстро был признан как в академических кругах, так и в дипломатическом корпусе в качестве источника аналитической информации.

ИВП является негосударственной структурой, финансируемой из различных источников, среди которых называют Союз палат и бирж Турции (ТОББ), другие промышленные и торговые ассоциации, медиа-концерны. Территориально ИВП расположен в университете Билькент (Анкара) и считается его структурным подразделением. Основное издание – выходящий два раза в год бюллетень Dis Politika, на турецком языке. Издаются также отдельные сборники по актуальным вопросам внешней политики Турции и международной политики” [6].

САМ (Центр стратегических исследований при МИД Турции). Создан в 1995г. для проведения исследований в области международных отношений и региональной политики. Представляет собой консультативный экспертный совет, занимающийся подготовкой материалов «независимого характера на основе различных источников», которые, как предполагается, должны служить основой для принятия внешнеполитических решений. Основная деятельность САМ – организация сотрудничества МИД с научно-исследовательскими и учебными учреждениями Турции для проведения исследований по конкретным проблемам внешней политики. САМ проводит периодические заседания дискуссионных групп и научно-практические конференции, по итогам которых готовятся рекомендательные и справочные материалы для сотрудников МИД Турции [7].

В 2005г. заключил соглашение о научном сотрудничестве с Российским институтом стратегических исследований, в дек. 2005г. в Анкаре проведены первые совместные консультации.

САРЕМ (Центр стратегических исследований и разработок). Создан в янв. 2002г. Представляет собой «закрытую» аналитическую группу при руководстве генштаба Турецких вооруженных сил, осуществляющую «геостратегические и геополитические исследования и оценки». По характеристикам ее создателей, носит «военно-гражданский характер».

В качестве основной задачи при создании САРЕМ ставилась работа с независимой прессой и организация группы журналистов, способных пропагандировать внешнеполитическое видение генштаба. Основными темами

исследований были заявлены кипрский вопрос, турецко-греческие отношения по проблематике Эгейского моря, Северный Ирак и курдская тематика. Однако в последнее время в САРЕМ наметился интерес к другим вопросам [8].

АСАМ (Евразийский центр стратегических исследований). Основан в 1994г. Направление деятельности и специализация – глобальный анализ политических тенденций в Евразии, в первую очередь на бывшем постсоветском пространстве, выработка рекомендаций для турецкой политической элиты. Имеет контакты на постоянной основе с большинством исследовательских институтов по проблематике внешней политики в странах СНГ, особенно в тюркских республиках. Представляет собой частную организацию, финансируется концерном «Юлькер». Штат – 50 сотрудников (некоторые из них – граждане стран СНГ, в частности, России, Киргизии, Азербайджана). Выпускает два периодических издания – ежемесячный журнал *Stratejik Analiz* и ежеквартальный сборник *Avrasya Dosyasi*, оба посвящены внешнеполитической проблематике. Публикует отдельные тематические издания в виде монографий (по армянскому вопросу, отношениям Турции с Россией, ЕС, с арабскими странами, по историческим аспектам внешней политики и т.п.). ТУСАМ (Турецкий центр стратегических исследований в области национальной безопасности). Создан в 2003г. как идеологический центр «последовательных кемалистов» (националистов), занимался выработкой политических рекомендаций в этом ключе. Полностью финансируется профсоюзом «Тюрк-Метал». Издает еженедельник *Strateji*, являющийся приложением к газете «Джумхуриет». Особое внимание исследователи ТУСАМ уделяют российско-турецким отношениям, ситуации в СНГ [9].

АНКАМ (Анкарский центр турецких политических исследований). Создан в 2003г. группой сотрудников Билькентского университета (Анкара). Выступает в качестве прямого конкурента Института внешней политики, рассчитывает в перспективе занять его позицию. Основная деятельность публикация англоязычного ежеквартального журнала *Insight Turkey*, рассчитанного на дипкорпус и западных специалистов. Уделяет значительный интерес постсоветскому пространству, особенно Южному Кавказу [10].

ПОЛСАР (Группа политико-стратегических исследований). Создана в нояб. 2003г. на базе факультета государственного управления и менеджмента университета Гази в Анкаре. Свою деятельность начала достаточно амбициозно, проведя серию встреч с послами ряда государств в Турции (США, ФРГ, Россия). Ставила своей целью выработку новой концепции внешней политики страны в условиях приближения переговоров с ЕС. Затем снизила

активность из-за трудностей с финансированием и проблемами в конкуренции с другими аналитическими центрами, однако продолжает издавать и распространять печатные исследования, хотя и в незначительном количестве. В постоянном штате 30-35 сотрудников [11].

ТАСАМ (Турецкий азиатский центр стратегических исследований). Начал деятельность в 2004г. Штаб-квартира расположена в Стамбуле. Занимается обширной тематикой, включая международные отношения и внешнюю политику Турции, вопросы безопасности, экономику, политологию и исследования в области стратегических технологий. Существует девять исследовательских групп: 1) исследования проблематики ЕС; 2) исследования глобальных и региональных центров силы (США, Россия, Китай и Дальний Восток); 3) исследования Кавказа и Средней Азии; 4) политологических и социокультурных проблем; 5) экономических исследований; 6) финансовых исследований; 7) технологических исследований; 8) медицинских исследований; 9) СМИ и связей с общественностью [12].

УСАК (Организация по международным стратегическим исследованиям). Известна с 2002г. Существует на гранты, предоставляемые различными организациями в Великобритании, территориально расположена в Анкаре. Публикует исследования по отдельным вопросам турецкой внешней и внутренней политики. Основная деятельность – издание сетевого бюллетеня Turkish Weekly [13].

В целом система аналитических центров в Турции в последние 2-3г. перешла на новый качественный уровень и стала представлять значительный интерес для экспертов и дипкорпуса. Центры оказывают возрастающее влияние на реальную внешнюю политику страны.

Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА). Создано в 1992г. как организация, подведомственная министерству иностранных дел. В 1999г. агентство было официально переподчинено ведомству премьер-министра. Деятельность агентства регулируется законом о структуре и задачах ТИКА, вступившим в силу 12 мая 2001г., и непосредственно курируется одним из государственных министров (в нынешнем 60 правительстве – Мустафой Саидом Языджиоглу) [14].

Идея создания ТИКА возникла в Турции на волне кардинальных политических изменений начала 90гг. На протяжении некоторого времени с момента создания Агентства основным направлением его деятельности оставалось развитие сотрудничества с гюркоязычными республиками СНГ. К

середине 90гг. география деятельности ТИКА расширилась, охватив также ряд других государств постсоветского пространства, Азии, Балкан и Центральной Европы.

Согласно закону, основная цель деятельности агентства определена как «содействие развитию тюркоязычных стран и общин, других соседних с Турцией государств, а также иных развивающихся стран»; разработка и осуществление различных проектов и программ в целях поощрения сотрудничества с ними в экономической, торговой, технической, социальной, культурной и образовательной сферах». Однако фактически на ТИКА возложены функции по координации и управлению практически всех турецких «донорских» проектов, реализуемых по государственной линии за рубежом. По тому же закону, ТИКА призвано выполнять следующие задачи: а) развитие сотрудничества с развивающимися государствами и родственными общинами в экономической, торговой, технической, социальной, культурной и образовательной сферах посредством разработки целевых проектов и программ; б) определение конкретных областей и объектов сотрудничества с учетом приоритетов развития и потребностей этих государств и общин; в) оказание им необходимого содействия в вопросах развития независимой государственной инфраструктуры, разработки законодательства, подготовки кадров госслужащих, развития банковской и налоговой системы, системы страхования в рамках перехода к свободным рыночным отношениям в экономике, организации внешней торговли, формирования бюджета; оказание консультативных услуг путем направления в страны и тюркоязычные общины турецких специалистов консультантов; обеспечение в этой связи необходимого регулирования и координации; организация обучения и стажировки в Турции студентов и специалистов из этих стран и общин, предоставление им стипендий; г) обеспечение контроля за ходом выполнения программ сотрудничества Турции с развивающимися странами и тюркоязычными общинами в культурно-образовательной области через систему турецких культурных центров; д) проведение переговоров с национальными, региональными и международными финансовыми организациями с целью обеспечения необходимого финансирования проектов и программ; осуществление необходимых шагов для реализации средств, получаемых по линии кредитов различных банковских и других финансовых организаций; е) обеспечение необходимого сотрудничества и координации деятельности других госструктур в целях выполнения указанных функций [15].

Общее руководство деятельностью Агентства осуществляет Координационный совет во главе с курирующим его работу госминистром. В

состав Совета делегируются представители МИД, минобразования, министерства торговли и промышленности, министерства энергетики и природных ресурсов, минкультуры, казначейства, Ведомства внешней торговли, Организации государственного планирования, Управления по делам религии, Комитета по научно-техническим исследованиям Турции (Тюбитак) и руководства Союза палат и бирж Турции (ТОББ) на уровне не ниже замминистра или заместителя руководителя ведомства или организации. Членами Совета по должности являются председатель ТИКА (с 22 дек. 2003г. на эту должность назначен Хакан Фидан) и первый замминистра иностранных дел Турции. Координационные бюро Агентства представлены Азербайджане, Афганистане, Албании, Боснии и Герцеговине, Грузии, Казахстане, Киргизии, Македонии, Молдове, Монголии, Судане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Украине (Крым), Эфиопии, а также в Косово и Палестинской национальной администрации. В государствах, где нет соответствующих координационных центров, их функции выполняют офисы в соседних странах или турецкие дипломатические и консульские учреждения [16].

Помимо турецких государственных организаций, чьи представители входят в состав Координационного совета ТИКА, Агентство сотрудничает еще с целым рядом официальных структур, университетов и образовательных центров, фондов и банков. Для реализации плановых программ по линии ТИКА осуществлялось сотрудничество с ведущими политическими, гуманитарными и финансовыми структурами мира, в т.ч. различными подразделениями ООН (Юнисеф, Юнеско, Юнидо, ВОЗ, Всемирная продовольственная организация), ОЭСР, ОБСЕ, ЧЭС и др.

ТИКА стала одним из основных «донорских» инструментов во внешней политике Турции, заметен рост активности ее деятельности. Помимо традиционных направлений – Кавказ, Центральная Азия и Балканы – Агентство расширило географию своего присутствия на Ближнем Востоке, в Африке и Юго-Восточной Азии.

ТИКА выступает в качестве координационной структуры, содействующей государственным ведомствам Турции в реализации зарубежных проектов. В силу национальной специфики Агентство отдельно выделяет «заказы», реализованные совместно с генштабом и МВД. Они курируют осуществление программ гуманитарного характера в «горячих точках», в т.ч. в Афганистане и на Ближнем Востоке. Особое внимание заслуживает работа ТИКА по подключению возможностей неправительственных организаций к своей деятельности за рубежом.

С увеличением числа стран, получающих помощь от Турции в рамках программ развития, существенно возросли и масштабы помощи, оказываемой по линии ТИКА.

Положительная динамика осуществленных с турецким участием зарубежных «донорских» проектов в последние годы демонстрирует возрастающую значимость потенциала и возможностей ТИКА. Такая активность способствует укреплению положительного образа Турции, становится эффективным инструментом проведения ее внешнеполитического курса.

Это далеко не полный список турецких НПО, т.к. этой теме может быть посвящена целая диссертация. Однако перечисленные фонды и организации играют заметную роль и оказывают определенное давление на правительственные круги и процессы выработки и принятия политических решений

Примечания:

1. Информационный портал Министерства по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и молодежи КБР - http://diasporakbr.ru/new/index.php?option=com_content&view=article&id=30:2009-09-19-03-38-40&catid=6:ruidiasporas&Itemid=11
2. Hurriyet – 03.02.2009
3. ГУПНИ. Средства массовой информации и общественное мнение - <http://www.byegm.gov.tr/YAYINLARIMIZ/kitaplar/turkiye2006/russia/414-415.htm>
4. Там же
5. Там же
6. МИД Турции - <http://www.mfa.gov.tr/sub.tr.mfa?c57e7fbf-ac6f-4971-9ad5-88eea7cebdda>
7. Центр стратегических исследований, официальный сайт - <http://www.sam.gov.tr/tur/about.php>
8. Там же
9. Азиатский центр стратегических исследований, официальный сайт - <http://www.asam.org.tr/about.php>
10. Анкарский центр турецких политических исследований, информационно политический турецкий сайт - www.siyaset.com.tr/atpam49*/about
11. Группа политико-стратегических исследований, информационно политический турецкий сайт - www.siyaset.com.tr/nongov*09/about

12. Турецко-азиатского центра стратегических исследований, официальный сайт – www.tasam.org/tur*7/about
13. Организация по международным стратегическим исследованиям http://www.usak.gov.tr/yeni/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1
14. Агентства по сотрудничеству и развитию отношений с тюркоязычными странами, официальный сайт - www.tika.gov.tr/anas/tr
15. Там же
16. Там же

Круглый стол

«Актуальные проблемы истории и культуры Турции»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САДРИ МАКСУДИ В ПАРЛАМЕНТЕ ТУРЦИИ (1931-1955)

162

М.Р.Гайнанова

Садри Максуди (1879-1957) – видный общественный, политический деятель, выпускник Сорбонского университета, дважды избирался в II и III Государственную Думу Российской империи, глава Национальной Автономии татар России, позднее советник первого президента Турции Мустафы Кемала Ататюрка, депутат турецкого парламента, ученый, который внес большой вклад в становлении правовых институтов Турции и был активным участником в обновлении современного турецкого языка.

Общественно-политические взгляды С. Максуди, в основном, сформировались во время учебы на юридическом факультете Сорбонского университета Франции. Также на его мировоззрение повлияло его тесное общение с такими деятелями как И. Гаспринский (1851-1914), Ю. Акчура (1876-1935), Г. Исхаки (1878-1954) и др.

Жизненный путь С. Максуди можно разделить на два периода: до 1918 года и после, годы жизни в эмиграции. До 1918 года, будучи в России, С. Максуди с 1907 года по 1912 год является депутатом II и III Государственной

Думы. За весь период работы Государственной Думы, пожалуй, самым активным депутатом из казанских татар был Садри Максуди. В своих выступлениях он всегда обращался к проблемам религии, культуры, языка и вопросов финансирования нужд тюркских народов, проживающих на территории России. С. Максуди был очень активным, грамотным деятелем своей эпохи, в противном случае, он бы не смог поехать с официальным визитом российских депутатов в Англию в 1909 году. И здесь он не забывает о своем народе, депутат выступает с речью на французском языке о защите прав татар и тюрков. В 1912 г. кандидатура С. Максуди не проходит на выборах в IV Думу из-за имущественного ценза. После февральской революции 1917 года в Казани на Объединенном съезде мусульман, военных и религиозных деятелей объявляется Национально-культурная автономия мусульман внутренней России и Сибири. Садри Максуди избирается председателем Милли Идарэ (Национальное правительство).

С мая 1918 г. Садри Максуди вынужден уехать в эмиграцию. Живет в Финляндии, Германии. С 1922 по 1925 годы занимается научной работой во Франции, преподает историю тюркских народов в Сорбонском университете. Получает ученое звание профессора исторических наук.

В 1923 г. он с радостью встречает провозглашение Турции республикой. В 1924 г. С. Максуди приезжает с лекциями о тюркской истории в Турцию, знакомится с Ататюрком и позднее получает от министра просвещения Хамдуллы Супхи пригласительное письмо жить и работать на благо новой Турецкой республики. До конца жизни татарский ученый на своей новой родине занимается политическими и общественными проблемами.

XX век стал для Турции эпохой кардинальных политических и социальных перемен. С момента создания республиканского правления буквально все сферы жизни оказались под воздействием принципиальных изменений. Для становления новой Турецкой республики, для создания нового типа государства, для претворения в жизнь своих преобразований Мустафе Кемалю нужны были по-европейски образованные люди, поэтому в Турцию и приглашались иностранные специалисты. Среди этих деятелей был и Садри Максуди. Являясь автором многочисленных научных трудов по истории тюркского права, юриспруденции и языкознанию, он преподает историю тюркского права, а позднее философию права в Анкарском и Стамбульском университетах, участвует в политической жизни молодой республики. Садри Максуди трижды избирается в Великое Турецкое Народное Собрание:

- с 1931 по 1939 год два раза избирается депутатом от Народно-Республиканской партии;

- с 1950 по 1954 год - от Демократической партии.

С момента образования Турецкой Республики в 1923 году, президент Ататюрк все свои реформы претворял в жизнь под руководством Республиканской Народной Партии, которая была создана не как партия определенного класса, а как народная партия. Несмотря на то, что в стране дважды, в 1925 и в 1931 годах, предпринимались попытки создать двухпартийную систему, новые партии, продержавшись менее года, были распущены по причине своей оппозиционности официальной идеологии. Поэтому до 1945 года в стране действовала однопартийная система.

В 1931 году Садри Максуди от города Шибинкарахисара избирается депутатом правящей Народно-Республиканской партии. Его дочь Адиле Айда пишет, что С. Максуди был удивлен, увидев в газетах свое имя в списке кандидатов в депутаты и узнав, что список кандидатов был составлен председателем партии [1, с. 196].

Период с 1931 по 1934 годы ознаменовывается тем, что Садри Максуди активно участвует в общественной жизни республики, его можно назвать частым гостем в резиденции Ататюрка в Чанкае, где на вечерних застольях обсуждались и решались вопросы внутренней и внешней политики Турции. Мустафа Кемаль прислушивался к мнению С. Максуди.

В период своей деятельности в парламенте Садри Максуди выступает с предложениями о том, что с такими чуждыми идеологиями как фашизм и коммунизм необходимо бороться с помощью прессы. Он предлагает внести дополнение в Закон о печати. «С целью борьбы с противоречащими течениями, которые могут воспрепятствовать распространению в нашей стране национальных и демократических основ, необходимо использовать прессу и печатные издания» [2, с. 60].

Несмотря на то, что одной из целей политических реформ было достижение равноправия женщин, для осуществления данной задачи понадобился гораздо более долгий срок. Именно С. Максуди обращается к вопросу о правах женщин, считая, что нужно признать равные права всех граждан на политическую независимость, а также - что только в свободной стране не бывает разделения на социальные классы.

Осенью 1932 года С. Максуди едет с официальным визитом в Финляндию. Это его второе посещение Финляндии: если в первый раз он здесь жил в эмиграции, то сейчас посетил ее как депутат турецкого парламента. Эта поездка освещается в газете «Uusi Suomi», в которой выходит интервью с Садри Максуди. В этом интервью ярко выражен его патриотизм, глубокое уважение к Мустафе Кемалю. С. Максуди говорит о новой Турции как о демократической стране, о том, что новые преобразования происходят только во благо народа, что ранее правление в Турции было в виде теократической монархии, но на сегодняшний день Турция - демократическая республика, и власть в руках народа. В прежней Турции общественная жизнь регулировалась религиозным правом, а законодательство новой Турции строилось на основах швейцарского права, что явилось очень большим шагом вперед [3, с. 2]. Эта поездка была направлена на укрепление дружеских отношений между Финляндией и Турцией [3, с. 2].

В 1934 году принимается закон о фамилиях, Мустафе Кемалю дается фамилия Ататюрк, Садри Максуди берет себе фамилию – Арсал.

Второй период депутатства в парламенте (1935–1939 гг.) Садри Максуди Арсал посвятил вопросам внешней политики Турции. В 1936 г. он в составе делегации ВНСТ едет в Лондон и в Глазго, а в 1937 г. посещает Чехословакию [4, с. 47].

В то же время С. Максуди продолжает активно заниматься научной и преподавательской деятельностью, читать лекции по тюркской истории в университетах Анкары и Стамбула. Несмотря на его успешную общественную, политическую, научную карьеру, в 1937 г. он становится предметом критики политиков и прессы только из-за того, что посмел возразить Ататюрку, а именно: он заявил, что название, данное Ататюрком банку - «Denizbank» (Денизбанк) - не соответствует турецкой грамматике, поскольку в турецком языке нет слова банк, любое образование с этим словом будет чужеродным. Он предложил утвердить название для нового банка в форме «Deniz Bankası» (Дениз банк) [1, с. 197]. С. Максуди обвиняется в невежестве. Но как пишется в книге Адиле Айда, Ататюрк не одобрил такую критику в адрес Максуди и запретил дальнейшие нападки. Этот случай показывает сильный характер и прямоту Садри Максуди. Спустя 15 лет, в 1952 году на собрании ВНСТ вновь затрагивается дело «Denizbank», и депутаты единогласно принимают предложение о переименования банка на «Denizcilik Bankası». В статье Зияддина Фахри Фыкдыкоглу о Садри Максуди Арсале пишется: «Отказавшись от «Denizbank» и согласившись на «Denizcilik Bankası» Демократическая партия

показала, что она на стороне профессора» [5, с. 649].

В 1938 г. умирает первый президент Турции Ататюрк, и в 1939 г. новым президентом избирается Исмет Инёню. В этом же году проводятся выборы в Народно-Республиканскую партию, но кандидатура С. Максуди на этот раз не выставляется. Джансевер Танйери пишет, что это все произошло из-за случая с «Денизбанком», который стал причиной отдаления С. Максуди от политической деятельности, как представителя единственной в Турции партии [2, с. 62]. Адиле Айда пишет, что на выборах 1939 года Исмет Инёню вычеркнул из списка кандидатов в депутаты людей Ататюрка и вписал туда своих сторонников. Поскольку Садри Максуди считался человеком Ататюрка, в ВНСТ он избран не был [1, с. 203]. Но несмотря на это, Садри Максуди продолжает упорно заниматься общественными делами, переезжает в Стамбул, где преподает философию права, получает звание профессора-ординатора, пишет книги по истории тюркского права «История права» (1941), «Философия права» (1946), «Тюркская история и право» (1947).

В 1945 г. в стране начинается демонтаж однопартийной системы, в 1946 г. основывается Демократическая партия. С. Максуди тоже участвует в создании этой партии. В газете «Tasvir» выходят его статьи, посвященные демократическим преобразованиям, гражданским правам человека. С. Максуди делит методы демократических выборов на пять основ:

1. Власть в государстве принадлежит народу.

2. Данное право используется представителями народа, избранными посредством свободных выборов, от имени народа.

3. Парламент полностью используют предоставленное им право (компетенцию) на законотворчество и издание законов, а другие права (такие как исполнительная и судебная власть) делегируют лицу или комиссиям, назначенным парламентариями.

4. Депутаты парламента избираются всеми совершеннолетними гражданами, не запятнавшими свою честь.

5. Принцип выборов определяется пятью нижеперечисленными качествами:

- выборы должны быть всеобщими;

- равенство;

- выборы должны быть прямыми;
- выборы должны быть тайными;
- выборы должны быть независимыми [6, с. 3].

С. Максуди определяет принципы идеологий политических партий таким образом:

1. Учитывания религиозных и национальных аспектов в создание идеологии партий. Автор пишет, что у каждой национальности есть своя религия, язык. В истории человечества всякая общность объединяется по этим двум основам. В программах политических партий надо четко разделять эти две основы.

2. Политические и общественные аспекты: в идеологии политических партий форма правления государства, проблема свободы людей занимают важное место. Поэтому нужно открыто показывать какое правительство работает в стране.

3. Отношение идеологии партии к вопросу частной собственности, что является основополагающим принципом не только экономической жизни, но и политического устройства государства.

4. Реализация новых целей и задач, в зависимости от требований исторического периода [7, с. 2].

С 1950 по 1954 годы Садри Максуди избирается депутатом в Демократическую партию от города Анкары. В 1950 г. в немецком городе Констанц президиум Союза европейских парламентов приглашает представителей ВНСТ на Четвертую сессию. В связи с этим ВНСТ сформировало турецкую группу союза парламентов, выбирается Комитет правления, и председателем этого Комитета избирается Садри Максуди. Теперь его общественно-политическая деятельность была направлена на дальнейшее развитие отношений между Турцией и европейскими странами.

Садри Максуди умер в 1957 году. Он внес большой вклад в политическую, общественную, научную жизнь Турции почти с первых лет образования новой республики. На сегодняшний день одна из улиц Стамбула названа его именем.

Примечания:

1. Адиле А. Садри Максуди Арсал. – М., 1996. – 359 с.
2. Tanyeri C. Sadri Maksudi Arsal'ın Türkiye'deki siyasi hayatı // Садри Максуди (1879–1957). – Казань, 1996. – 160 с.
3. Maksudi S. Uusi Suomi. – 1932. – № 259.
4. Battal-Taymas A. İki Maksudiler. – İstanbul, 1959. – 71s.
5. Fındıkoğlu Z. F. Profesör Sadri Maksudi'den bize kalan meseleler // Türk Yurdu. – 1957. – Mart, № 266.
6. Maksudi S. Demokratik seçim usulünün beş mühim esası // Tasvir. – 1946. – 5 mayıs.
7. Maksudi S. Siyasi parti nasıl doğar? // Tasvir. – 1945. – 6 aralık.

ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОСМАНСКОЙ ТУРЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ПРЕССЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «ШУРА» (1908 – 1917 ГГ))

Д.С.Галихузина

Первые десятилетия XX века для мусульман Российской Империи, как и для всего мирового исламского сообщества, ознаменовались проведением широкомасштабных реформ в самых различных областях социальной жизни. Значительные изменения имели место и в области образования. Обсуждением общественных проблем и поиском путей их разрешения занимались, прежде всего, мусульманские печатные издания, появление которых стало возможным после Первой русской революции 1905 года. Одним из наиболее прогрессивных изданий своего времени, несомненно, являлся духовно-просветительский журнал «Шура» («Совет»), выпускавшийся на татарском языке с использованием арабской графики в Оренбурге в 1908-1917 годы под редакцией известного татарского ученого, мыслителя, религиозного и общественного деятеля Ризаэтдина Фахретдина (1859-1936) [1, с. 15].

Вопросам образования на страницах журнала «Шура» уделялось особое внимание, поскольку основной причиной упадка во многих сферах жизни общества признавалась не соответствующая требованиям времени система образования, остро нуждавшаяся в самых радикальных реформах. В журнале в процессе поиска наиболее оптимальных путей разрешения проблем подробно

рассматривались не только предложения российских мусульман, но также учитывался иностранный опыт, в том числе и опыт Османской Турции.

Начало XIX столетия для Османской империи было ознаменовано рядом трудностей, среди которых – экономическая и политическая зависимость от западных держав, сепаратистские настроения нетурецких народов, недовольство населения в целом. Для предотвращения нежелательных для государства сценариев развития в подобных условиях были необходимы неотложные меры – реформы, проект которых был провозглашен Мустафой Решид-пашой 3 ноября 1839 года на площади перед султанским дворцом [2, с. 188]. Осуществление преобразований в области юстиции, административного устройства, финансов, военного дела вошло в историю под названием *Танзимата*.

Эпоха Танзимата принесла существенные изменения и в сферу образования. Так, в 1846 году был издан закон о начальном и среднем светском образовании [2, с. 189]. Несмотря на то, что процесс реформирования осуществлялся довольно медленно, было достигнуто следующее: начальные школы были изъяты из ведения духовенства, увеличилось число светских средних школ и специализированных учебных заведений, а также школ для девочек, в 1963 году был открыт Стамбульский университет, был расширен спектр преподаваемых светских дисциплин. Со временем данные процессы стали приносить все более заметные результаты, что и стало причиной пристального внимания российских мусульман к опыту Османской Турции.

Данной теме в журнале «Шура» посвящено восемь статей: «Истанбулда дәресләрне ислах» («Реформа уроков в Стамбуле») [3], «Истанбул мәктәпләрендә ниләр укыла?» («Что преподается в стамбульских школах?») [4], «Истанбулда мэдрәсәләр ислахы» («Реформа стамбульских школ») [5], «Истанбул дәрүл-мүгаллимине» («Стамбульское педагогическое училище») [6], две статьи из цикла «Истанбул мәктәпләре хакында беркадәр мәгълүмат» («Некоторые сведения о стамбульских школах») [7, 8], «Истанбулда хатынлар өчен дәресләр» («Уроки для женщин в Стамбуле») [9], «Истанбул дәрүл-фүнүнәндә кызларга дәрес» («Женские курсы в Стамбульской академии наук») [10].

Специфика процессов реформирования системы образования в Османской Турции подробно излагается в статье «Истанбулда дәресләрне ислах» («Реформа уроков в Стамбуле»). Так, по свидетельству автора, предполагалось ввести регистрацию посещаемости учащихся, назначение специальных инспекторов для контроля за системой образования в целом, сдачу экзамена по каждому пройденному курсу перед предназначенной для этой цели комиссией, деление учебного дня на занятия продолжительностью в 60, 75 и

90 минут, введение девятимесячного учебного года, а также с целью усвоения учащимися полноценных знаний, ввести преподавание таких дисциплин как Коран, таджвид, география, арифметика, геометрия, история, естествознание, риторика, переводоведение. При этом, что автор статьи призывает своих соотечественников, в особенности тех, кто ратовал за преподавание исключительно религиозных дисциплин, к извлечению урока из данных реформ [3, с. 725].

Следующая статья – «Истанбул мэктэплэрэндэ нилэр укыла?» («Что преподается в стамбульских школах?») – со ссылкой на стамбульские газеты повествует о том, что 1908 год принес для многих школ значительные изменения в образовательных программах [4, с. 730]. Автор подробно перечисляет дисциплины, преподаваемые в правовой и экономической школах, а также в так называемом *дар ал-фунун* – образовательном учреждении, созданном по подобию европейских университетов. Выразив восхищение разнообразием изучаемых предметов, он с сожалением замечает, что подобное продвижение в направлении реформирования в системе образования для российских мусульман станет возможным еще не скоро.

Очередная статья, рассказывающая о реформах в сфере образования – «Истанбулда мэдрэсэлэр ислахы» («Реформа стамбульских школ»). По свидетельству автора статьи, для осуществления школьной реформы в Стамбуле была организована специальная комиссия, по результатам работы которой была составлена учебная программа для двенадцатилетней школы, включающая в себя как религиозные дисциплины, так и светские [5, с. 182-183].

Одна из публикаций, посвященных османскому опыту в сфере образования, повествует о Стамбульском педагогическом училище «Истанбул дэрүл-мүгаллимине» («Стамбульское педагогическое училище») и представляет собой перевод статьи московского востоковеда профессора В.А. Гордлевского о Стамбульском педагогическом училище и его выпускниках, опубликованной в газете «Русские ведомости» [6, с. 692]. Итак, данное училище было основано приблизительно в 1905 году и соответствовало требованиям своего времени. Вместе с Конституцией (*машрутийат*) 1876 года в Османскую империю пришли реформы, в том числе и в области образования, одним из плодов которых и являлось упомянутое училище. Обучение в нем включало в себя начальный трехлетний, средний годичный и высший трехгодичный курсы. Среди дисциплин, изучавшихся в этом учебном заведении, кроме педагогики, значились также литература, история, рисование, французский язык и др. Кроме того, для учащихся предполагалось и прохождение педагогической практики.

По свидетельству автора, первому выпуску училища, составлявшему 25 человек и окончившему учебное заведение в 1910 году, т.е. за год до написания

статьи, пришлось пережить сложности, связанные с непризнанием их в населенных пунктах, в которые они были направлены на работу. Причиной подобного явления служила убежденность части населения в том, что «учителя из Стамбула – кафиры» [6, с. 693]. Данное мнение, на наш взгляд, является следствием представления о новометодных учебных заведениях как о противоречащих нормам ислама по причине уделения в подобных образовательных учреждениях большего внимания светским дисциплинам, нежели религиозным, а также отношения ко всему новому как к *бид'а*, как правило, отрицаемому традиционалистами.

Училище также способствовало распространению грамотности среди женщин. Для достижения этой цели в нем еженедельно проводились педагогические советы для учительниц. Автор отмечает, что несмотря на то, что молодые люди нередко становятся учителями с целью избежать службы в армии, со временем благодаря росту понимания молодыми учителями необходимости просвещения населения ситуация меняется, вследствие чего среди выпускников училища все чаще появляются желающие работать в провинциях.

В заключении статьи автор повествует о съезде учителей, организованном директором училища, в котором принимали участие как выпускники училища, так и его учащиеся. Данное мероприятие, длившееся неделю, по свидетельству автора, послужило поводом для обмена опытом и повышения квалификации.

Среди публикаций, посвященных опыту образовательных учреждений Османской империи, особое значение имеют две статьи Ф. Каримова под общим названием «Истанбул мэктеплэре хакында беркадэр мэгълүмат» («Некоторые сведения о стамбульских школах»), первая из которых посвящена государственным школам [7], вторая же – частным [8]. В них лаконично и достаточно подробно излагаются основные характеристики наиболее значимых для развития системы просвещения учебных заведений, таких как мужские и женские средние школы и педагогические училища, мужская и женская ремесленные школы, школа проповедников, правовая, ветеринарная, техническая школы и др. Так, автором статьи для описания образовательных учреждений используются следующие критерии: срок обучения, количество ступеней (младшая, средняя и старшая) за весь период обучения, преподаваемые дисциплины, состав комплекса зданий, в который зачастую входили библиотеки, лаборатории, музеи, ботанические сады, количество и контингент учащихся, условия приема и обучения (в случае применения платной основы образования – стоимость обучения), уровень образования и размер заработной платы преподавателей, а также решение проблемы трудоустройства выпускников.

Среди частных учебных заведений автор особо отмечает Американский колледж для девочек, подход к обучению и воспитанию учащихся в котором несколько отличался от остальных. Так, автор подчеркивает, что в данном образовательном учреждении телесное наказание совершенно не применялось, а также создавались постоянные группы из 4-5 учениц, во главе которых назначались так называемые «матери» («аналар») из старших классов, в обязанности которых входила забота о младших ученицах своей группы. Цель подобного приема в воспитании заключалась в подготовке девочек к семейной жизни и материнству.

Также на страницах журнала «Шура» были опубликованы две небольшие заметки, касающиеся обозначенной проблематики, одна из которых – «Истанбулда хатынлар өчен дәресләр» («Уроки для женщин в Стамбуле»), которая представляет собой перепечатку из газеты «Сабах» («Утро»). В ней сообщается о недавно организованных в Стамбуле платных женских курсах, на которых предполагалось обучение как грамоте и религиозным наукам, так и основам домоводства [9, с. 439].

И, наконец, завершает ряд статей, посвященных опыту реформирования образовательных учреждений в Османской империи, заметка «Истанбул дәрүл-фүнүнендә кызларга дәрес» («Женские курсы в Стамбульской академии наук»), содержащая краткую справку о вновь организованных женских курсах в Стамбульской академии наук. Что касается изучаемых дисциплин, то их спектр несколько отличался от тех, что преподавались на вышеупомянутых курсах. Так, Стамбульская академия наук предполагала проводить уроки не только по домоводству, но и по таким светским предметам, как охрана женского здоровья, права женщин, история и педагогика [10, с. 119].

Таким образом, публикации журнала «Шура», посвященные проблеме реформирования системы образования в Османской империи, дают нам право полагать следующее: во-первых, наличие государственности в Османской Турции и связь с европейскими государствами во многом способствовали проведению полноценных реформ в области образования; во-вторых, в начале XX века османские образовательные учреждения: средние школы, религиозные школы, профессиональные и педагогические училища, *дар ал-фунун* – продолжают претерпевать изменения: спектр, преподаваемых дисциплин становится все шире, пересматриваются педагогические принципы и методика преподавания, обогащается оснащение учебных заведений; в-третьих, несмотря на меньший размах, реформы в сфере образования в мусульманском сообществе России в обозначенное время во многом были схожи с реформами, осуществляемыми в Османской Империи; причиной меньших масштабов реформ среди мусульман России являлись, прежде всего, полное отсутствие

финансирования мусульманских учебных заведений со стороны Российской Империи и запрет на открытие светских школ для мусульман.

Примечания:

1. Марданов Р.Ф. «Шура» журналы (1908-1917): әдәбият мәсьәләләре. – Казан: Рухият, 2001. – 152 б.
2. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. – М.: Наука, 1990. – 280 с.
3. Истанбулда дәрәсләрне ислах // Шура. – 1909. – №23. – Б. 724-725.
4. Истанбул мәктәпләрендә ниләр укыла? // Шура. – 1909. – №23. – Б. 730-731.
5. Истанбулда мәдрәсәләр ислахы // Шура. – 1910. – №6. – Б. 181-183.
6. Истанбул дәрүл-мүгаллимине // Шура. – 1911. – №22. – Б. 692-694.
7. Кәримов Ф. Истанбул мәктәпләре хакында беркадәр мәглүмат // Шура. – 1913. – №7. – Б. 211-214

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ НА СОВРЕМЕННЫЙ ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

А.И.Минсафина

Сегодня широкое распространение западноевропейских слов в лексике турецкого языка является совершенно привычным делом.

Вставка нетурецких слов в турецкий разговор сегодня является своеобразной модой, которая пользуется особой популярностью среди молодежи и людей, владеющих одним из языков Западной Европы. Заимствование иностранных слов в сущности вполне закономерный и даже неизбежный процесс в истории развития любого языка. Невозможно избежать влияния тех языков, в обществе которых наука и культура находятся на более высоком уровне, тем более в современном мире, где начинают стираться границы, сокращаться расстояния, а общение становится все более доступным. За счет этого проникновение одного языка в другой все более заметно, а новое слово намного быстрее и легче уживается в среде исконной лексики.

Турецкий язык начинает испытывать на себе влияние западных языков

еще во времена Османской империи. Первым таким языком становится итальянский, и большинство терминов, связанных с морским делом, торговлей, музыкой, будучи заимствованными еще в те давние времена, употребляются до сих пор. Наиболее сильное влияние, несомненно, оказал французский язык. В эпоху Танзимата было массовое введение французских лов в лексику турецкого языка, так как именно этот язык являлся средством ознакомления с достижениями западных цивилизаций. Влияние французского языка стало менее заметным после последствий Второй мировой войны, когда начинается широкое распространение англосакской культуры. Английский язык, заняв статус международного языка, а также став ведущим языком науки и технологий, проникал почти во все языки мира. Любое общество, вводя свои новшества в области науки в другое общество, через терминологию вводит в него также и свой язык.

В современном турецком языке англоязычные слова более широко используются в разговорном языке, в торговле и СМИ. Такое распространение английского языка обусловлено в первую очередь тем, что именно английский язык стал языком международного общения. Он является одним из рабочих языков ООН. Английский язык – важный инструмент международной торговли, научно-технического сотрудничества, дипломатии и мореплавания. Именно поэтому английский изучается многими как первый иностранный; во многих странах он является частью обязательной школьной программы, а также необходим при поступлении в высшие учебные заведения. Вторая причина распространения английского языка в турецком обществе вытекает из первой. Во многих университетах Турции обучение происходит на английском языке. В большинстве случаев это негосударственные высшие учебные заведения (Sabancı Üniversitesi, Koç Üniversitesi, Orta Doğu Teknik Üniversitesi), особенно сильно это распространено на факультетах с техническими специальностями. Помимо этого многие родители уже с маленьких лет нанимают преподавателей для своих детей с целью изучения английского языка. Таким образом, ребенок подвергается влиянию иностранного языка, еще не успев полностью освоить свой родной, что впоследствии сказывается на выборе лексики в процессе общения.

Турецкое лингвистическое общество, чьи издания являются самыми авторитетными в Турции, выпустило небольшой словарь «Справочник эквивалентов заимствованным словам» (Yabancı Sözlere Karşılıklar Kılavuzu). В словаре содержится 290 словарных единиц и выражений, пришедшими в турецкий язык из английского, с их эквивалентами на турецком языке. Анализ данной лексики показывает, что наиболее широко происходило заимствование

спортивной терминологии. Это название всевозможных видов спорта (badminton, basketbol, futbol, pinpon), термины, связанные с ампула игроков (bek, santrfor), правилами игры (aut, fair play, korner, penalti). Вторым по объему является терминология в области информатики и интернет-технологий. Интернет как быстрый способ передачи информации был впервые разработан в США. В 1973 году к сети были подключены через трансатлантический телефонный кабель первые иностранные организации из Великобритании и Норвегии, сеть стала международной. Таким образом, первые страны, работающие в сети, были англоговорящими, поэтому неудивительно, что развитие интернета происходило именно на английском языке. Вся лексика, связанная с этой областью, переключалась в турецкий язык практически без изменений (web, webmaster, server, on-line). Не менее малочисленными являются лексические единицы в области экономики и торговли (broker, change, dealing, holding). Учитывая, что английский язык является языком науки, с появлением новых технологий в области медицины названия данных новых явлений также попали в турецкий язык на английском языке (check-up, endoskopi, rasemaker). Быстрыми темпами в последние годы развивается психология, особенно в американском обществе, соответственно неизбежно и проникновение неких психологических терминов в турецкий язык (obsesif, obsesyon, self-determinasyon). Это основные сферы проникновения английского языка.

Особый интерес представляют собой эквиваленты заимствованных слов в турецком языке. В процессе перевода на турецкий язык большинства сложносоставных слов использовалось калькирование, что ярче всего отразилось в создании названий видов спорта. К примеру, слово *hentbol* происходит от английского *handboll*, где *hand-* рука, а *boll-* мяч, в итоге получаем «ручной мяч». Турецкое соответствие данного слова *el topu*. Аналогичны названия следующих видов спорта *futbol* (*football* – нога+мяч) – *ayak topu*, *basketbol* (*basketball* – корзина + мяч) – *sepet topu*. Подобные же соответствия можно найти и в других областях заимствования. К примеру, *on-screen* от английского варианта *on-screen*, где *on-* находящийся на поверхности, *screen* – экран в турецком варианте звучит как *ekranüstü*. Нередко для турецких эквивалентов использовался прямой перевод слова на турецкий язык: *start* – *çıkış*, *star* – *yıldız*.

Система турецкого языка очень отлична от системы английского. Поэтому неудивительно, что при заимствовании происходило изменение фонетического и орфографического облика заимствованного слова, поскольку фонетический состав этих двух языков разный, так что многие слова были

приспособлены к системе звуков в турецком языке: akronim – acronym, şov – show, oşinografi – oceanography, sensör – sensor. Однако в последние годы имеется тенденция сохранения и внешнего, и звукового состава слова: casting, snack-bar, prime time.

Процесс активного заимствования англоязычных слов приводит к такому явлению в языке, как омонимия.

Был выявлен случай омонимии в турецком языке при заимствовании слов из английского. Было взято два слова из английского языка, после приспособления их к фонетической системе турецкого произошли два омонима: pik от pig (dökme demir) и pik от peak (değer bakımından yükselme). Однако чаще омонимия наблюдается между словом турецким и заимствованным: слово «тренер» (coach) после приспособления его к турецкому языку выглядит следующим образом – koç, что является омонимом турецкого слова koç – баран. Подобное же явление произошло со словом taç, что в турецком означает «корона, венец». После заимствования из английского слова touch как спортивного термина и приспособления его к системе турецкого языка получился омоним taç (в значении «сторона; боковой»).

Как мы можем наблюдать, английский язык действительно активно распространяется в Турции, что отражается в самом турецком языке. Это приводит к тому, что люди, не владеющие английским, не всегда могут понять данную терминологию, что впоследствии может привести к проблеме в общении либо к вынужденному изучению данного языка. Помимо этого заимствование английской лексики отрицательно сказывается на самом турецком языке, приводя к явлению омонимии, что может стать действительно серьезной проблемой, если внедрение английского языка будет происходить такими высокими темпами.

МЕМОРАНДУМ

международной научной конференции «Актуальные проблемы изучения современной Турции»

Участники конференции согласны в том, что сотрудничество ученых и экспертов России и Турции крайне необходимо для поддержания нормальных и плодотворных отношений двух стран, углубления взаимопонимания и доверия между народами, преодоления стереотипов, мешающих российско-турецкому диалогу в различных сферах.

Желая содействовать развитию взаимовыгодных академических связей Российской Федерации и Турецкой Республики, участники конференции поддерживают:

12. Заключение договоров и соглашений между ННГУ и турецкими научно-образовательными учреждениями.
13. Развитие научного обмена в форме стажировок преподавателей, аспирантов и студентов России и Турции.
14. Проведение ежегодного научного симпозиума по вопросам российско-турецких отношений, поочередно в Нижнем Новгороде и Стамбуле.
15. Публикацию монографических исследований, сборников статей и экспертно-аналитических докладов под грифом Института стратегических исследований ННГУ (Н. Новгород) и Центром стратегических исследований мудрецов Бильгесам (г. Стамбул).
16. Выработку экспертами России и Турции совместных рекомендаций лицам, принимающим решения в сфере российско-турецких отношений.
17. Формализацию научного диалога через создание академического союза «Нижний Новгород — Стамбул».
18. Осуществление Интернет-проектов в интересах российско-турецких научных связей.

Отмечая важность укрепления российско-турецких отношений, участники конференции:

1) поддерживают дипломатические инициативы Турции, направленные на усиление независимости ее внешнеполитического курса;

2) полагают равно важным сотрудничество Турции как с Россией, так и с Европейским Союзом;

3) приветствуют укрепление экономических, гуманитарных и политических связей Турции и Республики Абхазия и надеются на развитие плодотворных связей Турции с Республикой Южная Осетия;

4) считают верным сбалансированный внешнеполитический курс Анкары в отношении Тбилиси, поддерживают отказ Турции от силовых методов решения проблем Кавказа и Закавказья;

5) придают большое значение развитию сотрудничества двух стран в энергетической отрасли, в особенности энергетической магистрали «Голубой поток».

Участники конференции поддерживают усилия предпринимательского сообщества двух стран по укреплению экономического партнерства и считают полезным проведение регулярных форумов бизнесменов России и Турции на региональном уровне.

Нижний Новгород
21 апреля 2010 года

MEMORANDUM

of
International Scientific Conference

ACTUAL PROBLEMS OF STUDYING CONTEMPORARY TURKEY

Participants of the Conference agree that cooperation of scientists and experts of Turkey and Russia has a special importance. The cooperation assists to maintain normal and fruitful relations between the two countries, to develop mutual understanding and trust between the peoples, to overcome stereotypes which prevent Turkish-Russian Dialogue in various spheres of life.

Wishing to foster development of fruitful academic ties between the Turkish Republic and the Russian Federation, participants of the Conference give their support to:

1. Signing agreements between the Nizhniy Novgorod State University and Turkish Universities.

2. Advancement of informative and scientific exchange programs with participation of professors, post-graduate students and students of Turkey and Russia.

3. Organization of scientific conference on Russian-Turkish relations on regular basis, in Istanbul and Nizhniy Novgorod.

4. Publication of monographs, articles and research papers jointly by the NNSU Institute for Strategic Studies and Center for Strategic Studies BILGESAM.

5. Formulation of policy recommendations on Turkish-Russian relations to decision-makers, by experts of both countries.

6. Shaping of scientific dialogue via establishment of the Istanbul-Nizhniy Novgorod academic union.

7. Implementation of Internet projects to the benefit of Turkish-Russian academic ties.

Participants of the Conference confirm strategic importance of bilateral relationship between Turkey and Russia and, among other things:

1) support the diplomatic initiatives of Turkey aimed at reinforcement of independence of its foreign policy;

2) consider equal important both relations of Turkey with Russia and with the European Union;

3) welcome development of economic, humanitarian and political ties of Turkey and Republic of Abkhazia;

4) support well-balanced policies of Ankara in relation to Tbilisi and understand Turkey refusal of military options in resolving burning problems of Caucasus and Trans-Caucasus;

5) relate the two countries energy cooperation as very stimulating, in particular the Blue Stream gas pipeline.

Participants of the Conference support activities of the two countries business community aimed at reinforcement of economic partnership. They are convinced in necessity of region meetings of Turkey and Russia businesspersons on regular basis.

Nizhniy Novgorod 21 April 2010

Сведения об авторах

Аватков Владимир Алексеевич – студент МГИМО (У) МИД РФ, г.Москва

Азимов Рауф Аслан оглы - аспирант ФМО ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Белов Владимир Станиславович - аспирант кафедры регионоведения ННГУ

Браницкий Андрей Геннадьевич - д.и.н., профессор, ФМО ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Васильева Светлана Анатольевна – преподаватель факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета, г.Челябинск

Видяйкин Андрей Сергеевич - студент факультета международных отношений ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Гайнанова Миляуша Рамилевна - аспирант Института истории им.Ш.Марджани АН Республики Татарстан, г.Казань

Галихузина Диляра Саитгалиевна - аспирант Института истории им.Ш.Марджани АН Республики Татарстан, г.Казань

Грачев Сергей Иванович - доктор политических наук, профессор кафедры основ безопасности и внешней политики России ФМО ННГУ

Kenan Dagci (Кенан Дахчи) - Ph.D., Associate Professor of International Relations, Department of International Relations at Faculty of Economics and Administrative Sciences, Yalova University, Yalova, Turkey

Колобов Олег Алексеевич - д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН и других академий, зав. кафедрой международных отношений, декан ФМО, директор Института стратегических исследований ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Корнилов Александр Алексеевич - д.и.н., профессор, зав. кафедрой зарубежного регионоведения ФМО ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Курбаналиев Альмир Загирович - кандидат политических наук

Матвеев Александр Сергеевич - студент ФМО ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Mehmet Efe Caman (Мехмет Эфе Чаман) – Ph.D., Associate Professor of International Relations, Vice Dean of the Faculty of Economics and Administrative Sciences, Yalova University, Yalova, Turkey

Минсафина Алина Ильдаровна – студентка Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Мочалов Артем Александрович - студент ФМО ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Озбай Фатих – к.и.н., доцент Стамбульского технического университета, глава российского отдела глобальных исследований Центра Стратегических исследований мудрецов BILGESAM, Стамбул, эксперт SETA Foundation, Анкара

Солодовникова Анна Андреевна – студентка МГИМО (У) МИД РФ, г.Москва

Сулейманов Алим Видади оглы - аспирант ФМО ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

182

Терехов Роман Сергеевич - аспирант ФМО ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Томилова Юлия Олеговна – студентка Челябинского государственного университета, г.Челябинск

Хлебников Алексей Леонидович – магистрант ФМО ННГУ

Шандра Антон Владимирович - к.и.н., доцент кафедры всемирной истории, ГОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара».